

4

Русская речь

1977

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР,
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 4, 1977, июль — август

В номере:

1917—1977

В. В. Иванов. Наука о русском языке и русский язык в национальной школе	3
Л. И. Евдокимова, Воровский говорит с читателем	9
Воровский о Лепше	13
Н. Ф. Шумилов. Советский Союз — Страна Советов — СССР...	15

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. П. Флинн. Язык художественной литературы и читатель (Слово после дискуссии)	22
П. Г. Пустовойт. Гармония чувства и слова	34
Н. А. Янко-Триницкая. Ты кто, Жужу?	40

Язык фольклора

Сказка «Кочет и курица»	44
В. П. Аникин. А. Н. Афанасьев, царская цензура и сказка о выбитом курином глазе	45
А. М. Московский. Изобразительные средства пословиц и поговорок	51
З. К. Тарланов. Особенности синтаксиса русских пословиц	56

КУЛЬТУРА РЕЧИ. ГРАММАТИКА

А. М. Викторov. Заметки о языке учебно-технической литературы	60
В. А. Филатов. О ключевых словах в научно-техническом тексте	62
В. З. Букчина. Дефис? Тире?	65

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

М. И. Шостак. Образные средства	72
---	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Е. Н. Борисова. Служащий	77
Ж. А. Назарова. Орган	86
Т. В. Паршина. Фельетон	91
Г. Я. Томилина. Клобук и колпак	97
Н. А. Сысолятина. Глухомань	101

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ

Е. И. Каменцева. Геральдика	106
---------------------------------------	-----

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. В. Смирнов. Осип Максимович Бодянский	116
--	-----

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Хуана Маргарита Пиорно, Эберто Гонсалес Лейба. Изучение русского языка на Кубе	122
--	-----

ШКОЛА

И. К. Кременская. Работа над сочинением	124
Поступающему в вуз	132
Н. В. Водовозов. «...Прекрасный наш язык способен ко всему...»	133

СРЕДИ КНИГ

В. В. Лопатин. «Грамматическая правильность русской речи»	143
Ю. Ф. Хаустова. Л. В. Успенский. Культура речи	145
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (продолжение)	149

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Что греха таить	38
С буланцем	114
Династия; О фамилии поэта Баратынского; Пылесосу или пылесосу?	151

На обложке: рисунок Б. Захарова

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

НАУКА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

За шестьдесят лет Советской власти, в результате осуществления национальной политики в нашей стране бурно развились и расцвели национальные языки народов, населяющих Советский Союз. Великий русский язык, добровольно принятый всеми гражданами нашей страны как единое средство межнационального общения и сотрудничества, стал по-настоящему вторым родным языком советских людей.

Успехи и достижения современной науки о русском языке должны сыграть положительную роль в разработке вопросов преподавания русского языка в национальных республиках, в распространении русского языка как средства межнационального общения.

Перед учеными-языковедами стоит задача изучения функционирования и распространения русского языка в национальных республиках, проблема его распространения и углубления общественной значимости в нашей стране, а следовательно, и поиск наиболее целесообразных путей улучшения и совершенствования преподавания русского языка в национальной школе. Все эти вопросы и их

решение связаны не только с разработкой теоретических проблем двуязычия в нашей стране и методики преподавания русского языка учащимся, для которых этот язык не является родным, но и с выработкой принципов научного описания системы русского языка. Сейчас со всей необходимостью и остротой возникает важная проблема — создание нормативной грамматики русского языка для нерусских.

Издание теоретической и нормативной академической грамматики русского языка, различного рода книг и брошюр по русской фонетике, морфологии, словообразованию, синтаксису, лексике, выпуск огромного количества самых разнообразных словарей, популяризация русского языка через массовую печать, радио и телевидение и т. д. — все это может укрепить научную базу разработки проблем обучения русскому языку нерусских и рост общественной значимости русского языка.

Однако при всем значении успехов и достижений современной русистики как в научной разработке теоретических проблем, так и в популяризации знаний о русском языке все же остается нерешенной задача научного описания системы русского языка на разных уровнях его структуры. Нужно такое описание, которое явилось бы базой коренного улучшения преподавания русского языка в национальной школе.

Известно, что есть принципиальная разница между обучением русскому языку учащихся, для которых этот язык является родным, и обучением представителей национальных республик. В первом случае задачей обучения оказывается изучение теоретических вопросов русского языка, то есть понимание учащимися внутренней логики языковой системы, а также овладение нормами устной и письменной речи. Здесь не стоит проблема овладения русским языком как средством коммуникации, средством общения. При обучении русскому языку нерусских необходимо научить говорить, понимать услышанное, читать и писать на этом языке, то есть стоит задача чисто коммуникативного характера.

Конечно, решение этой задачи не снимает других проблем, в том числе понимания внутренней логики построения русской языковой системы или овладения нормами устной и письменной речи. Однако эти проблемы решаются в подчинении главной задаче — научить говорить, понимать, читать и писать по-русски. Такая задача стоит перед любой национальной школой, независимо от того, какой характер имеет тот или иной национальный язык, насколько он близок или далек по системе от русского языка. Разница заключается лишь в степени трудности главной задачи: при близкой

родственности родного и русского языков трудность будет во много раз меньше, чем при неродственности языков. Отсюда решение других проблем будет или выдвигаться на первый план, или, наоборот, ставиться в полную зависимость от главной задачи.

В связи со сказанным возникает вопрос о том, какие явления, характеризующие системные отношения в русском языке, должны быть признаны определяющими для решения задачи обучения русскому языку как средству общения. Этот вопрос не встает при описании русского языка, носящем чисто теоретический характер. При обучении языку как средству общения на первый план выдвигается отбор языковых элементов и явлений, необходимых для того, чтобы обеспечить активное владение самим языком.

При этом важно помнить и о том, что языковая система реализуется в речи, то есть общение предполагает не только (а может быть, и не столько) знание и понимание системных отношений в языке, но и умение правильно реализовать эти отношения в речи, пользоваться устной или письменной речью данного языка. Следовательно, необходима такая нормативная грамматика русского языка, в которой на строгой научной основе были бы изложены сведения о русском языке, о его системе и о характере реализации этой системы.

Эта грамматика должна быть грамматикой именно русского языка и не должна ориентироваться на какой-либо национальный язык или группу языков. Она должна быть описанием русского языка «изнутри», то есть учитывающим внутренние связи в системе этого языка, но описанием, опирающимся, как уже было сказано, на отбор коммуникативно и нормативно значимых явлений.

Без сомнения, такой отбор очень сложен. Он должен, во-первых, обеспечить необходимый минимум сведений, усвоение которых будет достаточно для общения; во-вторых, представить систему русского языка так, чтобы обеспечить понимание ее внутренней логики и связей элементов этой системы. Следовательно, при отборе явлений и фактов должно быть сохранено все важное и определяющее для системы и вместе с этим представлено самое необходимое для общения.

Ориентировка на родной язык обучающихся — это не задача нормативной грамматики русского языка для нерусских, это даже не задача учебников русского языка, предназначенных для тех или иных национальных школ. Это задача преподавания, которая решается конкретно при подаче материала в процессе обучения, по-разному на разных этапах обучения, для различных национальных школ и для различных категорий обучающихся.

Учебники русского языка для национальных школ разных республик должны быть ориентированы на нормативную грамма-

тику для нерусских, то есть содержать один и тот же объем учебного материала и отвечать одним и тем же требованиям и задачам обучения. Значит, учебники должны иметь одну логику построения, отражающую логику русской языковой системы, а не логику сопоставления русского языка с родным языком обучающихся. Если логика русской языковой системы будет достаточно представлена в нормативной грамматике, то отпадет необходимость в составлении различного рода «минимумов»: фонетического, грамматического, словообразовательного и т. д. При всех успехах в их разработке в настоящее время (здесь надо признать полезную деятельность НИИ преподавания русского языка в национальной школе АПН СССР) они все-таки еще страдают определенным субъективизмом. Именно поэтому создание нормативной грамматики русского языка для нерусских является одной из самых насущных задач современной русистики, и прежде всего задачей Института русского языка АН СССР.

Если ставится вопрос о нормативной грамматике русского языка для нерусских, то в связи с этим возникает проблема соотношения языковой системы и характера ее реализации при общении. Языковая система на том или ином уровне не дана нам в непосредственном наблюдении — она только строится или конструируется исследователем. В непосредственном наблюдении, в действительном функционировании представлена лишь реализация системных отношений. В этой реализации языковая система диктует определенные закономерности: в одних случаях реализация системы оказывается жесткой, в других — более свободной. Иначе говоря, языковая система в одних случаях диктует единственную возможность своей реализации, а в других таких возможностей может быть несколько. При единственной такой возможности реализация системных отношений совпадает с нормой, при неединственности одна из реализаций признается нормативной, а другие выводятся за пределы нормы (если, конечно, не создается определенная стилистическая дифференциация, а отсюда — вариативность реализаций системы). В первом случае нарушение нормы означает и нарушение реализации системных отношений, во втором — может быть нарушение нормы, но не нарушение возможностей, создаваемых системой языка при ее реализации в речи.

Так, например, фонологическая система русского языка среди других признаков характеризуется тем, что ее образует соотносительный ряд глухих-звонких согласных. Системные отношения разрешают только одну их реализацию: различение глухих-звонких перед гласными, сонорными и [в], [в'] и неразличение (произноше-

ние или только глухого, или только звонкого) на конце слова и перед глухими-звонкими шумными. Реализация системных отношений совпадает с нормой литературного языка, и поэтому нарушение нормы есть одновременно и нарушение принципов реализации системных отношений.

С другой стороны, система гласных первого предупредного слога после твердых согласных в русском литературном языке строится на различении фонем двух степеней подъема — верхнего и неверхнего — и лабиализованности-нелабиализованности гласных верхнего подъема при нелабиализованности гласного неверхнего подъема. Эта система может реализоваться в нескольких возможностях: нелабиализованная гласная фонема неверхнего подъема может реализоваться в звуках [а], [л], [э], [ъ] (но не в [о]!), и все эти возможности соответствуют требованиям системы. Однако только произношение [л] признается нормативным, а другие реализации выходят за пределы нормы. Следовательно, в этом случае произношение иного звука (не [л]) есть нарушение нормы, но не нарушение принципов реализации фонологической системы.

Отсюда становится ясным, что существует иерархия явлений (определенный порядок — от низшего к высшему) в языковой системе русского языка. Одни явления представляют собой факты, не только определяющие характер данной системы (и потому их знание есть основа знания языка), но и такие факты, знание реализации которых в речи означает овладение как системными отношениями, так и нормами. Другие явления представляются такими, которые тоже определяют характер системы, но знание их еще не означает знания их реализации в речи (так как таких реализаций возможно несколько) и тем более — знания норм.

Следовательно, в нормативной грамматике русского языка для нерусских должны быть четко определены и установлены явления, определяющие характер языковой системы этого языка на разных уровнях его структуры и необходимые для решения коммуникативных задач. Вместе с тем должны быть разграничены те явления, которые в своей реализации совпадают с нормой, и те, которые требуют специального изучения с точки зрения нормативности.

Овладение языком как средством общения означает овладение прежде всего теми языковыми явлениями, которые определяют его системные отношения и вместе с тем осуществляются в речи только в одной возможности. Незнание этой реализации равно незнанию системных отношений, то есть невладению языком. Незнание нормативной реализации при владении системными отношениями означает лишь недостаточность усвоения нормы, что играет значительно меньшую роль в осуществлении общения. Сказанное отнюдь не определяет, что не надо овладевать нормами литературного

произношения, но это задача более высокого уровня знания языка по сравнению с задачей использования языка как средства общения. Именно поэтому сам отбор явлений русского языка в нормативной грамматике для нерусских должен учитывать указанную иерархию, а разъяснение этих явлений — их отношение к системе языка, ее реализации в речи и нормативности.

Создание нормативной грамматики для нерусских — это особая задача науки о русском языке, требующая серьезных размышлений над принципами ее построения. Возможно, целый ряд моментов в определении этих принципов остается до конца еще не выясненным или спорным (что определяется новизной и неразработанностью самой проблемы). Однако совершенно бесспорна необходимость создания такой грамматики как основы научной разработки обучения и преподавания русского языка в национальной школе.

Задача сейчас заключается в том, чтобы лучше, плодотворнее и успешнее обучать русскому языку молодое поколение национальных республик, приобщая его через этот язык к великой русской культуре, воспитывая молодежь в духе интернационализма и братства народов. Содействовать и помогать национальной школе в совершенствовании преподавания русского языка — это большая и благородная задача ученых — специалистов в области современной русистики.

Доктор филологических наук
В. В. ИВАНОВ

Самуил Маршак

УРОК РОДНОГО ЯЗЫКА

В классе уютном, просторном
Утром стоит тишина.
Заняты школьники делом:
Пишут по белому черным,
Пишут по черному белым,
Перьями пишут и мелом:
— Нам не нужна
Война!
Стройка идет в Сталинграде,
Строится наша Москва.
А на доске и в тетради
Школьники строят слова.

Четкая в утреннем свете
Каждая буква видна.
Пишут советские дети:
— Мир всем народам на свете,
Нам не нужна
Война!
Мир всем народам на свете.
Всем есть простор на планете,
Свет и богат и велик.
Наши советские дети
Так изучают язык,

Вацлав Вацлавович Воровский (1871—1923) — советский партийный и государственный деятель, революционер, публицист, литературный критик, выдающийся советский дипломат, ученик и соратник В. И. Ленина. Еще в гимназии зарождается в нем неукротимый дух протеста против насилия и угнетения, а в университетские годы он начинает революционную работу в кружках московского студенчества и формируется как пролетарский революционер в одной из первых социал-демократических организаций — Московском рабочем союзе. С 1894 года В. В. Воровский — член Коммунистической партии; с 1902 года — сотрудник ленинской «Искры».

Важной частью общественно-революционной деятельности В. В. Воровского была его публицистическая деятельность, литературная работа в большевистских газетах «Вперед», «Пролетарий», «Правда» и др. Воровский — один из создателей марксистской художественной критики в России.

(Цитаты в статье Л. И. Евдокимовой приведены по изданиям: В. В. Воровский. Сочинения в трех томах. Т. III. М., 1933; В. В. Воровский. Избранные произведения о первой русской революции. М., 1955).

ВОРОВСКИЙ

говорит
с
читателем

В. И. Ленин высоко ценил Воровского как партийного литератора, а в 1913 году в статье «О большевизме» назвал в числе главных писателей-большевиков. Работа под руководством В. И. Ленина, участие в большевистской печати формируют Воровского как страстного и стойкого большевика, вкладывающего весь свой неукротимый, наступательный дух в произведения революционной публицистики. Наряду с ярким талантом партийного публициста проявляется его дарование литературного критика, стоящего на марксистских позициях. Уделяя внимание таким вопросам, как события

в Турции и в Китае, итало-турецкая война (1911 г.) и Балканские войны, методы международной дипломатии и др., Воровский в то же время публикует литературно-критические статьи о творчестве Горького, Чехова, Куприна, Леснида Андреева и др.

Публицистика Воровского особенно сильное воздействие на умы и сердца читателей имела как в результате остроты и важности поднимаемых вопросов, так и благодаря языковому мастерству. Не надо быть историком, чтобы полюбить яркие произведения этого талантливого большевистского публициста. Захватывает удивительно энергичный, напряженный стиль произведений Воровского: «„Князь Потемкин Таврический“ сдался румынским властям. Но разве это поражение революции? Нет, вся кампания этого первого революционного броненосца была сплошной победой революции. Разве она не раскрыла бессилия противника? Разве она не разоблачила революционного брожения в самой, казалось, прочной опоре трона — флоте или армии? Разве она не заставила Николая унижаться до просьбы о помощи у иностранных держав? Разве она не сорвала отрешев порфиры, прикрывающих наготу самодержавия?» (Корабль-скиталец).

Или другой пример: «Царь дает народу лицемерную Государственную думу — народ должен ответить вооруженным восстанием. Царь хочет обмануть народ — народ должен прогнать царя. Царь хочет с кучкой богатых угнетать народ — народ должен устроить свое свободное выборное правительство.

Долой же царя и его правительство! Да здравствует народная республика!» (О Государственной думе). Эти примеры свидетельствуют о том, как Воровский умел пользоваться средствами синтаксиса, чтобы сделать свою речь активно воздействующей силой.

Определяющей чертой языкового мастерства В. В. Воровского является использование устной речи с ее конструкциями и интонациями. Воровского не читаешь, его слышишь. Слышишь горячую смелую мысль, непосредственно соприкасаешься с его трепетным и страстным чувством любви к людям, которым он хочет передать свои смелые мысли, внушить свою веру в победу дела революции. Он рассказывает о самых злободневных, самых животрепещущих вопросах того времени, показывая противоречия и борьбу, которые существуют в обществе. Это, видимо, подсказало автору выбор синтаксических средств, помогающих поддерживать такую связь с читателем, которая возможна только при живом общении. Определенную стилистическую задачу в публицистике В. В. Воровского выполняют вопросительные предложения. Автор применяет их, чтобы сосредоточить внимание читателя на том или ином важном положении и тут же ответить на вопрос.

В статье «Севастопольское одоление» Воровский ярко описывает события 9 января, которые революционизировали всю массу пролетариата. «Но осталась еще громадная масса крестьянства, которая могла и должна была решить роковую тяжбу между старым и новым порядками. Куда пойдет эта масса? На чью сторону она встанет? Чью чашку весов перетянет она, решая участь России?». Ставя эти вопросы, автор последовательно и убедительно исказывает в очень коротких, полных иронии выражениях, как события разрешили эти сомнения: «Крестьянское движение оправдало наши расчеты, правительство оправдало наши ожидания. С обычным умом и дальновидностью двинуло оно против крестьян свое всемогущее средство — казаков и пулеметы. И крестьянское движение окончательно вовлечено в круговорот всероссийской революции. Последняя социальная опора ускользнула из-под ног самодержавия».

Вопросы могут быть одиночными и групповыми, но чаще всего их несколько, потому что при таком их употреблении сильнее привлекается внимание читателя к сообщаемому: «Итак, гг. промышленники восстают против опеки и требуют свободы. Но какой же свободы добиваются они? Отстаивают ли они для рабочего свободу стачек, свободу собраний и союзов? Хотят ли они серьезно уничтожить опеку, т. е. требуют ли они политической свободы? Ничего подобного» (Крупицы манчестерского либерализма).

Наибольшая выразительность достигается вопросами, заключенными в отдельных словах: «Но кому принадлежит заслуга, что зубатовская проделка правительства превратилась в серьезную социальную реформу? Буржуазии? Правительству? Нет! Исключительно социал-демократии, ее выдержанной классовой политике, неутомимой борьбе ее представителей в парламенте» (Государственное страхование рабочих).

Вопросы могут переходить из одной главы в другую, составлять название новой главы и ее начало: «Из-за чего боролся он [народ.— Л.Е.] более полугода, из-за чего проливал кровь, томился по тюрьмам, голодал и страдал? Перед ним опять встает тот же неразрешенный вопрос: *Что же делать народу?*». Этот последний вопрос является заглавием новой главы, и глава тоже начинается с вопроса: «Может ли народ полагаться на царя, может ли он доверять царскому правительству? Нет! Когда петербургские рабочие шли к царю просить прав, их встретили ружейными залпами» (О Государственной думе).

Широко использует Воровский вопросительные предложения для создания диалога, который чаще всего происходит между автором и слушателем, от имени которого ставятся вопросы: «Однако спросят: да разве царь и министры позволят, чтобы народ сво-

бодно выбирал своих представителей? Разве они позволят, чтобы народные представители своей властью решали, как должно быть устроено государство российское? Конечно, нет. Конечно, не позволят». И дальше: «Но ведь царь добровольно не уйдет, ведь у него в руках полиция и войско, как же быть? А не уйдет добровольно, так надо прогнать силой».

Вопросительные предложения могут употребляться как составные части сложных конструкций: «Такое революционное настроение представителей демократии могло бы только радовать сердце всякого социал-демократа, если бы не возникал один нескромный вопрос: как же этот цвет российской интеллигенции решается превратиться во временное правительство, не имея за собой другой силы, кроме неиссякаемого источника красноречия?» (Всероссийский съезд адвокатов). При этом вопросительное предложение не теряет собственного значения, требующего ответа в дальнейшем ходе изложения мысли. И ответ действительно дается уже в следующем предложении: «Оказывается, что адвокаты считают себя непременными идеологами „народа“ и в качестве таковых вполне рассчитывают на его сочувствие и поддержку».

При помощи вопросительных предложений создается диалог между автором и «героями», о которых идет речь: «Что же остается в руках старого порядка? „Войско!“ — самоуверенно кричат треповидные герои, бия себя в грудь, увешанную крестами за Ляоян, Кишинев, Мукден, Баку, Порт-Артур, Одессу и другие подвиги. — „Войско!“ — Войско?.. Где оно?» (Севастопольское одоление).

Мастерски пользовался Воровский риторическим вопросом: «Разве не показали Владивосток и Кронштадт, Одесса и Севастополь, что у правительства нет больше флота? что весь флот перешел на сторону революции? Разве не показал Харбин, манчжурская армия и японский плен, что и сухопутных войск у правительства становится все меньше?.. Разве каждый день не показывает, как трещит по швам военная организация, как сухопутная сила внутри Европейской России постоянно распадается на армию революции и армию контрреволюции?» (Севастопольское одоление). Утверждение, которое содержится в риторическом вопросе, усиливается в таких случаях повторами и параллелизмом в построении предложений.

Широкое использование разговорных элементов речи, употребление вопросительных предложений иллюстрируют характер тех приемов, которыми пользовался В. В. Воровский для создания новых черт публицистического стиля.

Л. И. ЕВДОКИМОВА,
преподаватель

Ровенского педагогического института

Воровский о ЛЕНИНЕ

Грозные эпохи исторических переломов рождают людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Эти люди являются средоточием и носителями того нового, грядущего, высшего, которое борьбой пробивает себе право на существование. Таким человеком в нашу эпоху перелома от капитализма к социализму является Владимир Ильич Ульянов-Ленин.

Подобно какому-то сказочному дереву, пустил он могучие корни глубоко в толщу рабочей массы России, а верхушкой своей упирается в их заоблачные высоты, где нагромождены научные и культурные ценности, собранные человечеством в течение тысячелетий...

Не удивительно, что имя его стало символом освобождения рабочего класса не только России, не только Европы, но всего мира...

Какая же сила таится в этом одном избраннике, и как должны ценить и любить его те, кто признал в нем своего надежного вождя!?

Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы, и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче — служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму.

Публикуемый отрывок — из статьи В. В. Воровского «В. И. Ульянов-Ленин». Впервые эта статья была напечатана в журнале «Красноармеец» (1920, № 21—22). Приведенный текст дает читателю представление о художественных достоинствах публицистического стиля В. В. Воровского.

Воровский был одним из ближайших и любимейших сотрудников Владимира Ильича Ленина. Мы все, работавшие с Вацлавом Вацлавовичем, привыкли его ценить не только как великолепного партийного работника, не только как одного из наиболее образованных среди нас марксиста, владевшего основными языками Европы, знакомого с социалистической и общей литературой всех стран, но мы привыкли в нем ценить и великолепного, чистейшей души человека и лучшего товарища.

Л. Б. Краси н

Этот пролетарский революционер сочетал в себе таланты ученого-социолога, писателя-публициста и марксистского литературного критика. А после победоносного Октябрьского восстания он блестяще проявляет свои дарования на поприще советского дипломата, умело прорубавшего для Республики Советов окно в Европу.

А. В. Луначарский

Советский Союз — Страна Советов — СССР ...

В процессе исторического развития государство нередко получает разные наименования, которые в одну и ту же языковую эпоху могут вступать в синонимические отношения между собой, быть словами, одинаковыми по значению. Например: Польша — Польская Народная Республика — Народная Польша; Англия — Великобритания — Британия — Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. В результате Великой Октябрьской социалистической революции сложились наименования и обозначения нашего государства, которые можно представить в виде следующего ряда: *Союз Советских Социалистических Республик — Союз ССР — СССР — Советский Союз — Союз — Советское государство — Советская страна — Страна Советов — Союз Советов — Советы*. По своим функциям эти названия распадаются на две группы: 1) официальные и 2) общеязыковые описательные наименования, служащие стилистическими средствами.

Союз Советских Социалистических Республик — полное конституционное наименование нашего государства. Его лексический состав выражает важнейшие признаки государства нового типа: в *союзе* объединены республики, имеющие одну и ту же форму государственной власти — *советскую*, одну и ту же общественную систему — *социалистическую*. Это полное официальное название нашего государства впервые зафиксировано в Декларации и в Договоре об образовании Союза Советских Социалистических Республик, принятых Первым съездом Советов 30 декабря 1922 года. Оно употребляется в законодательных актах,

в юридических и дипломатических документах. Так, законы, принимаемые Верховным Советом СССР, начинаются формулировкой: «Закон Союза Советских Социалистических Республик»; или: «Союз Советских Социалистических Республик и Германская Демократическая Республика заключили настоящий договор...» («Известия», 12 июня 1964).

В публицистической речи полное наименование создает эмоциональную приподнятость высказывания. Например: «Не следует забывать, что на всем пространстве Союза Советских Социалистических Республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа „к жизни чистой — человеческой“, к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры» (А. М. Горький. Советская литература. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г.); «Замечательный подарок получила наша Родина от своих спортсменов-олимпийцев к славному юбилею — 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик» («Известия», 15 февраля 1972).

Полное наименование употребляется тогда, когда необходимо выделить, особо подчеркнуть смысл каждого слова, входящего в это сочетание: «Крепки и монолитны братская дружба и единство всех наций и народностей, составляющих великий и могучий Союз Советских Социалистических Республик» (О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года).

Наименование *Союз ССР* представляет собой сочетание полного слова и аббревиатуры, сокращения. Это более короткая, экономная единица реализуется обычно для замещения развернутой формы. Разумеется, данное название может быть и самостоятельным наименованием.

Сокращенное название *СССР* по значению полностью совпадает с предыдущими, но обладает предельной краткостью, что делает его наиболее удобным в речевом употреблении: «Трудящиеся СССР преисполнены глубочайшей любви к ленинской партии — партии пролетарского интернационализма и социалистического патриотизма, оплоту дружбы и братства народов СССР» («Известия», 19 августа 1972); «Все нации и народности СССР добровольно избрали русский язык в качестве общего языка международного общения и сотрудничества» (О подготовке

к 50-летию образования СССР). Его мы встретим и в поэтических строках:

Вот оно, золото наций,
вот она, воля страны.
Равные среди равных...
День был, может быть, и сер,
но засияли державно
буквы СССР.

Щипачев. Высокое небо
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР...

Цветаева. Стихи к сыну

Особое место среди официальных наименований нашего государства занимает словосочетание *Советский Союз*. По образованию оно описательное, но его компоненты несут главные признаки государства: союзный характер, советский государственный строй. Поэтому это название употребительно в официальных документах и речах наравне с полным наименованием. Об официальном характере этого названия говорит и такой факт: в некоторых сложных сочетаниях закрепилось название *Советский Союз*: Коммунистическая партия Советского Союза, Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза.

По синтаксическому строю оно соответствует наиболее продуктивной модели живой речи — сочетанию существительного с прилагательным. Все это делает его стилистически широко употребительным: «Самые светлые надежды трудящихся всех стран связаны с социализмом. В этом — сила примера Октября, успехов Советского Союза, всех стран социалистического содружества» (О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции).

Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

Маяковский. Стихи о советском паспорте

Название *Союз* получилось в результате опущения других элементов полного наименования. Как грамматически опорное слово, оно взяло на себя основные функции всего словосочетания; употребляется прежде всего в деловой речи: «В Минторге Союза я прочитал все документы, относящиеся к эксперименту москвичей» (А. Никитин. — «Изве-

стия», 12 октября 1973). Однословное наименование *Союз*, не так ярко проявляющее свой терминологический характер, оказывается удобным средством для краткости выражения: «О народах СССР лучше всего могут рассказать краеведы и участники многочисленных экспедиций, разбросанных на территории всего Союза» (А. М. Горький. Литературу — детям). В силу предельной краткости и простоты эта форма стала достоянием и обиходно-разговорной речи. Она, в частности, имеет широкое распространение в устной речи советских людей, работающих за рубежом, а также среди иностранных граждан, владеющих русским языком: «Поеду в Союз»; «Получил письмо из Союза».

Неофициальные наименования — *Советское государство*, *Советская страна*, *Страна Советов*, *Союз Советов* — по способу образования представляют собой перифразы (описательные обороты, заменяющие прямое название). Эти наименования, в отличие от официальных, обладают экспрессивно-эмоциональными качествами, выраженными в разной мере в разных образованиях.

Советское государство — описательное собственное имя, которое развилось из омонимичного нарицательного словосочетания, обозначающего тип государства. В этом названии, конечно, есть черты научного термина, однако подчеркнутость важнейшего признака государства нового типа — *советское* — делает его публицистически заостренным, выразительным: «В Советском государстве демократия входит во всю структуру общественной жизни» (В. Степанов. Наш, советский образ жизни. — «Правда», 5 декабря 1973). Это наименование успешно заменяет официальное наименование страны, когда речь идет о периоде ее истории от Октября до образования СССР в 1922 году или когда оценивается вся ее история: «...Из 60 лет существования Советского государства около двух десятилетий выпало на годы войн...» (О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции).

Другие сочетания — *Советская страна*, *Страна Советов*, *Союз Советов* — сформировались главным образом в публицистике и поэзии как экспрессивные средства высокого слога. Вот некоторые примеры: «Полувековая история СССР с исключительной убедительностью подтверждает, что ленинская национальная политика КПСС, нашего государства зиждется на равноправии всех без исключения

наций и народностей, населяющих огромную Советскую страну» (ТАСС.—«Известия» 9 сентября 1972);

Не земелька моя, не полоска моя горевая —
Вся земля предо мной,
 вся Советская наша страна.

Исаковский. Разговор с лошадейю

«...Во всем величии предстают беспримерные в истории человечества трудовые и ратные подвиги нашего народа... устремленная в будущее Страна Советов» («Правда», 4 февраля 1977).

Страна Советов, родина побед!
Мы все с тобой — наперекор границам.

Исаковский. Письмо в Страну Советов

Советская республика и *Республика Советов* — эти наименования стали в наши дни историзмами, потому что форма единственного числа слова *республика* в них не отражает реального положения: в нашей стране теперь много республик. «Если говорить об основных этапах, пройденных нашим конструкторским бюро, то первую половину двадцатых годов надо считать этапом становления. В то время авiakонструкторам молодой Республики Советов не у кого было учиться, не на что было опереться» (А. Туполев.—«Правда», 20 сентября 1972); «Молодая Республика Советов встречала первую годовщину Октября» («Правда», 16 февраля 1977).

Союз Советов — данное сочетание служит экспрессивно-стилистическим синонимом к названиям союзного государства: «„Правда“ расскажет об историческом значении объединения братских республик в Союз Советов...» («Правда», 7 января 1972). Это наименование особенно часто употреблял М. Горький. Так, например, озаглавлена его книга очерков «По Союзу Советов». Приведем примеры из других его произведений: «Горячо приветствую вашу инициативу, товарищи. Она является ярчайшим доказательством культурного роста рабочего класса Союза Советов» (Харьковскому заводу «Серп и молот»); «В Союзе Советов мещанство сдвинуто с места, выгнано из его гнезд, из сотен уездных городов...» (Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей); «Зверская конкуренция, непрерывная гнусенькая борьба за жирный кусок, за рубль в Союзе Советов заменена свободным героическим

соревнованием в труде всех на благо каждого...» (Приветствие X съезду ВЛКСМ).

Советы (только в форме множ. числа) — название нашего государства, которое сложилось в результате метонимического переноса значения. Название органа власти — *Советы* — берет на себя функцию названия государства и служит экспрессивным средством русского языка: «Вся Москва, а с нею все ближние и дальние земли Советов строили и на глазах наших в дружбе продолжают строить свою историю» (К. А. Федин. Вступительное слово на открытии объединенного юбилейного пленума творческих союзов СССР и РСФСР 21 октября 1967 г. — «Литературная газета», 1967, № 43).

В современном речевом употреблении есть историко-этнические названия — *Россия* и *Русь*.

Россия не является наименованием нашего союзного государства. Это название сохраняется как одно из наименований одной союзной республики в синонимическом ряду *Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — РСФСР — Российская Федерация — Советская Россия — Россия*. Оно также имеет функцию исторического названия дореволюционного государства и в этом значении входит в синонимический ряд *Россия — Российская империя — царская Россия*.

Названия *Россия*, *Советская Россия* (также *Русь*, *Советская Русь*) используются в языке художественной литературы для обозначения всего Советского Союза, и тогда эти названия несут в себе поэтический образ Родины: «Сын *России*, сын *Советской страны* в бою видел перед собою ту единственную березку, тот луг, тот единственный дом, — родной ему дом, — в котором олицетворена для него Родина» («Известия», 20 марта 1970); «И такое чувство у него было, словно именно за его спиной вся *Россия* сошлась, словно именно он, Федор Евграфович Васков, был сейчас ее последним сынком и защитником. И не было во всем мире больше никого: лишь он, враг да *Россия*» (Б. Васильев. А зори здесь тихие...);

Я теперь понимаю, что вся красота —
Только луч того солнца, чье имя — Россия!

К е д р и н. Красота

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
И с а к о в с к и й. Слово о России

Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С пазваньем кратким «Русь».
Е с е н и н. Русь Советская

Приведем еще пример, в котором слово *Россия* вмещает в себе разные смысловые и стилистические оттенки: «Кузнецов услышал высокий и резкий голос генерала: — Отвечая на ваш вопрос, хочу сказать вам одно: четыре месяца они осаждали Сталинград, но не взяли его. Теперь мы начали наступление. Враг должен почувствовать силу и ненависть полной мерой. Запомните и другое: немцы понимают, что здесь, под Сталинградом, мы перед всем миром защищаем свободу и честь России» (Бондарев. Горячий снег). Здесь употребление слова *Россия* для пожилого генерала — отчасти дань традиции; его речь как бы адресована и зарубежному слушателю; это патетическое выступление с большим эмоциональным зарядом.

Название *Россия* довольно часто используется для обозначения *СССР*. Такую функцию можно объяснить прежде всего исторической традицией: «...Героическая борьба рабочих и крестьян России, получившая горячую и действительную поддержку трудящихся во всем мире, показала, по словам Ленина, „всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего“. Она позволила всем угнетенным, борющимся народам увидеть и свою грядущую победу.

Пролетариату многонациональной России выпала трудная, но почетная роль первопроходца в создании нового общества» (О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции).

Кандидат филологических наук
Н. Ф. ШУМИЛОВ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТ- ВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЧИТАТЕЛЬ

Слово после дискуссии

Дискуссия о языке художественной литературы в «Литературной газете» завершилась диалогом между мною и В. Гусевым при участии корреспондента А. Латыниной («Гармония и стихия», № 50). В рамках отрывочных ответов своим оппонентам (прежде всего В. Гусеву) я мог лишь наметить свое понимание проблемы. В настоящей статье мне хочется дать хотя и краткую, но цельную оценку прошедшей дискуссии. Сущность самого вопроса такова, что он постоянно будет волновать читателей. В какой-то степени по необходимости мне придется повториться. Прежде всего надо рассеять некоторые недоразумения.

Продолжаем публикацию статей о нормативности в языке художественной литературы. Этой важной и актуальной проблеме, в частности, посвящена статья Л. И. Скворцова «Сокровищница языковой культуры» («Русская речь», 1976, № 3 и 4).

В «Литературной газете» (№ 17, 23 апреля 1976) была помещена статья члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина «Законы языка, тайны слова. Заметки лингвиста», которая вызвала оживленную дискуссию. На страницах газеты выступили

В. Гусев «Музыка и поэзия прозы» (№ 18), М. Борисова «...Российскому языку искусен» (№ 20), Б. Можяев «Момент непонятности и чувство слова» (№ 23), Т. Жирмунская «Такая лирическая дерзость...» (№ 27), А. Калинин «Чувствовать возраст слова» (№ 29), А. Чудаков «Соблази упрощенный» (№ 33), Б. Анашенков «Испытание выбором» (№ 47). Были напечатаны также несколько читательских откликов (№ 33), а большое количество писем остались неопубликованными.

Писатель Б. Можяев полагает, что я замахиваюсь на диалектизмы и тем самым пытаюсь «изъять из русского литературно-художественного обихода самую тонкую языковую достоверность — неповторимый речевой колорит персонажа и в том числе авторской речи». Крестьянская речь, пишет Б. Можяев, была ничуть не хуже, чем речь «господская» или «мещанская». Разумеется, не хуже, но в моей статье речь шла не об этом, а о различии между литературным языком и диалектами. Такое различие имеется, и оно очень существенно.

Все русские писатели, в том числе и Б. Можяев, писали и пишут на литературном языке. В свое время В. И. Даль попробовал писать диалектной речью, но из этого ничего не вышло. Будучи в Уральске, он в 1837 году представил проезжавшему через этот город Жуковскому образец своего творчества «под диалектную речь»: «Казак седлал утропъ, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в нâзерку, чтобы при спопутности на него ударить» (Казак оседлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого лошади не было, к себе на круп и следовал за неприятелем, чтобы при благоприятных условиях на него напасть). Жуковский по поводу этого образца сказал, что так можно говорить только с казаками и то на близкие для них темы. Даль, мечтавший «заменить» складывавшийся столетиями русский литера-

турный язык языком носителей диалектов, не мог осуществить свою утопию и стал писать произведения под псевдонимом Казақ Луганский на общепринятом в письменности языке. Это не помешало ему пятьдесят три года собирать диалектные слова для знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Б. Можаяев полагает, что Ермолай, Калиныч и Хорь Тургенева говорят на хорошем народном языке, тогда как язык Полутыкина и Пеночкина хуже, беднее. Конечно, это чистая иллюзия, навеянная образами, созданными великим русским писателем. Все герои Тургенева изъясняются на литературном языке с незначительными местными или социально-речевыми вкраплениями, придающими их речи неповторимый колорит. И так у всех лучших писателей. Трудно представить себе творчество Шолохова без донских словечек вроде *баз* (скотный двор), но произведения Шолохова — яркий образец классического литературного языка.

Для диалектной речи характерны особенности, свойственные населению только определенных местностей, а не всему русскому народу. Воспроизведение на письме диалектной речи — дело не писателей, а лингвистов-диалектологов. Надо полагать, вопрос ясен и спорить тут не о чем.

Б. Можаяев призывает также не путать диалектизмы со словами-уродцами и жаргонизмами. К сожалению, сам он их путает. «Аболон полведерский» и «Кисельвроде» Лескова совсем не диалектизмы, как полагает Б. Можаяев, а словотворчество нашего замечательного писателя. Лесков — великий мастер каламбура, обыгрывания некоторых иностранных (и других) слов, ср. его *буреметр*, *мелкоскоп*, *долбица умножения* вместо *барометр*, *микроскоп*, *таблица умножения*. Эти новообразования под «народную этимологию» служат у него прекрасным средством выражения юмора и иронии, вполне оправданы в художественном тексте, имеют свой глубокий подтекст. Однако таких слов ни крестьяне, ни мещане не употребляли и, кроме как у Лескова, их нигде не найти. В то же время *скукожиться* (скорчиться, съежиться, сморщиться), *чапельник* (сквородник), *гамозом* (гурьбой) и др., которые Б. Можаяев считает «словами-уродцами», — типичные диалектизмы, в течение столетий устойчиво употреблявшиеся всем населением некоторых местностей.

Чтобы не поступать произвольно по принципу «это мне нравится, а это нет», следует доверять авторитетным сло-

варям. Ну хотя бы посмотреть у Даля. А еще лучше раскрыть «Словарь русских народных говоров», который выходит в издательстве «Наука», к сожалению, ничтожным тиражом (главный редактор Ф. П. Филин, редактор Ф. П. Сороколетов). По своей специальности я почти всю жизнь изучаю диалектную речь, начал составлять «новый Даль» (знает ли о нем кто из писателей?) и не мне пренебрегать диалектизмами! Только нужно знать, где и как ими пользоваться. Повышение культуры речи, филологических знаний — дело всех образованных людей, в том числе и писателей.

Теперь о главном: насколько писатель в своем речетворчестве свободен от законов развития языка. Основным моим оппонентом в этом вопросе оказался В. Гусев. Мы сходимся в том, что никому (не только писателям) не нужно делать «ляпов», и «это не проблема». (Кстати, не следует в серьезных статьях употреблять жаргонное словечко *ляпы* — помесь *ляпсуса*, от латинского *lapsus*, с *ляпать*, *ляпнуть*. Есть слова *ошибка*, *промах*, а *ляпы* оставим разве что для непринужденной разговорной речи.) А дальше начинаются существенные расхождения.

В. Гусев (как и некоторые другие участники дискуссии) объявляет войну «средним нормам мышления» и «усредненному», обобществленному, хотя и «по-школьному» правильному языку. «Нам сейчас больше всего угрожает грамотный графоман, разных уровней, а талант всегда „неграмотен“. Он грамотен в высшем смысле (но до высшего смысла, бывает, никому нет дела), но он непривычен, индивидуален — иначе, собственно, нет самого таланта», — пишет В. Гусев. Насчет графоманов разговор по крайней мере несерьезен. Кто же будет их защищать, грамотных и тем более неграмотных (бывают и такие!)? Далее В. Гусев приводит образцы «ляпов», «корявостей» у Достоевского и Толстого. В частности, он жалуется на то, что корректоры в толстовском тексте исправили *избавиться его* на *избавиться от него*. Корректоры, конечно, были неправы, но неправ и В. Гусев, относя *избавиться его* к «корявостям», «индивидуальному» в языке Толстого. Это древний оборот (ср. еще в Новгородской Минее 1097 г.: «избавихомся... древняя клятвы», т. е. от древней клятвы), который столетиями сосуществовал с оборотом *избавиться от кого-чего-либо*, а в прошлом столетии стал редким

архаизмом. Между прочим, В. Гусев и в заключительном «диалоге» настаивает на том, что архаизм *избавиться* его все же является «ляпом».

Однако ставить знак равенства между архаизмами и индивидуальными ошибками (или описками) можно только в том случае, если пренебрегать прошлым нашего языка, его историей. По В. Гусеву, наличие «корявостей» в языке Толстого — факт будто бы установленный. Но кто его устанавливал? Ссылка на то, что Толстой не принял отредактированный Страховым текст, свидетельствует лишь о своеобразии стиля Толстого, о его глубоком чувствовании родного языка. «Корявости» Толстого, то есть ошибки, от которых не гарантирован ни один человек, должны быть предметом специального анализа, который пока еще никем не проведен.

А вот кто же стоит за «усредненный» и обобществленный язык писателей? Во всяком случае, не зачинатель этой дискуссии. Полагаю, что защитников такой, с позволения сказать, «теории» не найдется вообще. Зачем придумывать несуществующих противников? То, что талант всегда индивидуален, в том числе и в языковых средствах своего выражения, — бесспорная истина. Но как бы ни был индивидуален талантливый писатель, он не стоит вне закономерностей развития языка, не может обращаться с языком волюнтаристически, что правильно отметили почти все участники дискуссии. Иначе будет нарушено главное: контакт с читателями, воздействие на них могуществом художественного слова. Это хорошо понимали наши классики.

Из многочисленных высказываний об этом позволю себе привести здесь только три, разные и в то же время одинаковые. «Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись такого слова, которое разъединяет людей» (Л. Н. Толстой); «Не умея в руке держать топор — дерево не стешешь, а не зная языка хорошо — красиво, просто и всем понятно — не напишешь» (М. Горький); «Почему так хорош и художествен язык народной речи? Потому что в народной речи живут и всегда действуют законы рождения языка» (А. Н. Толстой).

Между прочим, Б. Анашенков упрекнул меня в том, что я, говоря о законах языка, не попытался их наметить. А

можно ли это сделать в газетной или журнальной статье? О русском литературном языке имеется необозримая литература, в том числе авторитетные академические грамматики, словари, книги о языке писателей. Одним словом, существует большая научная дисциплина — русское языкознание. Высокий уровень спора о судьбах языка русской художественной литературы предполагает осведомленность в русском языкознании.

Русский литературный язык чрезвычайно богат своими внутренними возможностями. Настоящий мастер слова пользуется этими возможностями и прибегает к лежащим вне литературного языка средствам спорадически. Еще Пушкин писал, что «язык неистощим в соединении слов», и блестяще доказал это на практике. Необычные сочетания слов позволяют придавать им новые образные смыслы. «На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн» (Медный всадник) — все слова образованному читателю известны, а сочетания их разговорной прозаической речи не свойственны. «На берегу моря, озера, реки» — обычно, но на *берегу волн* для нас — это новое, пушкинское словосочетание, придающее контексту очарование. Возможно (но не обязательно), что у Пушкина, отлично владевшего французским языком, здесь синтаксическая калька, перевод французского *au bord des ondes*. Однако это ничего не меняет: мы ведь по-русски воспринимаем русский пушкинский текст и как читателям нам нет дела до происхождения этого оборота. Важно одно: здесь поэтический образ чрезвычайно емкого содержания и огромного эмоционального воздействия, выраженный индивидуально, по-пушкински, и в то же время общепонятно по-русски. *Дум великих*; а не *великих дум* — поэтическая инверсия. *Дум полн* — так в обыденной или «усредненной» речи не говорят.

Возьмем близкого к нам по времени Блока. «Это — звонны ледохода На торжественной реке, Перекличка парохода с пароходом вдалеке» (Пушкинскому дому) — тут и музыка стиха, и необычные для повседневной речи словосочетания. Наш современник Р. Рождественский написал волнующие, глубоко значимые строки: «...И грохочет над полночью То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны» (За того парня). Тут нет ни одного инородного для литературного языка слова, и в то же время это поэзия высокого класса. В ней заключено огромное общественное содержание, которое значимо для читателей. Так не говорят, это

совсем не «усредненный» язык, но читатель, воспринимая мастерски созданную картину, как бы не замечает необычности речи.

И до сих пор пушкинский язык прозрачен, как магический кристалл, хотя бесконечно сложен в своей семантике. Конечно, литературный язык после Пушкина постоянно изменялся, поэтому кое-что в пушкинских текстах в языковом отношении устарело. Ср. хотя бы «и вспомнил ваши взоры, Ваши синие глаза». *Воспоминание* осталось, а вместо *вспомнить* нормой стало *вспомнить*. Но в целом необъятное богатство поэтической пушкинской речи было и остается в пределах норм русского литературного языка. «Инородных» для русского языка элементов немного. Немного их и у других классиков нашей литературы, в том числе и у Некрасова, о чем говорилось в моей первой статье. «Проценты» диалектизмов и прочих «измов», против «исчисления» которых возражали некоторые наши оппоненты, не выдумка лингвистов, которые якобы навязывают что-то писателям, а реальная действительность.

Использование «неистощимых соединений слов» и художественных переосмыслений остается главной линией развития русского художественного языка вплоть до нашего времени. Приведем, к примеру, цветовые обозначения, имеющие образную нагрузку: «Несказанное, синее, нежное...», «ты — мое Васильковое слово» (Есенин); «Мне весело и хорошо оттого, что день, подсиненный безоблачным небом, тоже весел и хорош; оттого, что на всей душе вот такой же синий покой и чистота» (Шолохов); «Синие птицы как будто бы из далекой страны прилетели, ночевали тут и оставили после себя это синее поле» (Пришвин). В нашей большой художественной литературе бесконечное количество таких сочетаний. Она вся соткана из них. Слова с обычными непереносными значениями в общем контексте приобретают особое звучание. Мы как бы всего этого не замечаем: так органически они влетают в образный контекст и соответствуют строю и духу русского литературного языка. Конечно, пока не вырождаются у некоторых писателей в несуразность, вроде сочетания *деревянная железка*.

Как известно, словарь русского языка, в том числе и художественной литературы, непрерывно пополняется. В наш век научно-технической революции главным источником его пополнения является научная и техниче-

ская терминология. Существуют и другие источники. Кроме литературного, имеются и такие разновидности русского языка: внелитературное просторечие, местные говоры, жаргоны, отмершие пласты языка минувших эпох. В художественных произведениях по-разному используются эти «чужеродные» языковые элементы, но, как показывает история русского литературного языка, не они составляют основу речевой системы писателя. Так было во времена Пушкина, так остается и теперь.

Участник дискуссии Л. Нерсесов на мои слова «в языке... Некрасова имеется ничтожная доля диалектизмов» реагирует так: «А почему, собственно, возводить это в достоинство?». Да потому, отвечаем мы, что существует общепринятый литературный язык и малопонятные или вовсе непонятные диалектизмы. Писатель, если он хочет быть признанным, никогда не должен забывать о массовом читателе.

Считаться с нормами литературного языка вовсе не означает, что тем самым ограничивается свобода языкового творчества писателя. Нужно только в этой свободе чувство меры, оправданности («рациональной» или какой угодно) употребления диалектизмов и иных «измов»! Прав Ю. Карпенко, замечая, что «беда приходит, когда диалектизмы появляются не потому, что они художественно необходимы, а для щегольства». Чувство речевой меры определяется писателем и только им, но никому не дано безнаказанно нарушать законы литературного языка.

Т. Жирмунская пишет, что ее настораживает сдержанное отношение к «лирической дерзости поэта» (кстати, почему только лирической?). Это дает повод поговорить о неологизмах. Не следует бояться неологизмов: они были, есть и будут. В свое время В. Хлебников писал:

Бобзоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пизээо пелись брови,
Лизэээй — пелся облик,
Гзи-гзи-гзео пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

Как считал сам Хлебников, всё в его «заумных» словах и контекстах имело определенное значение. Только какое? Кто это значение, кроме самого поэта, мог расшиф-

ровать? В «Литературной газете» (№ 42, 20 октября 1976) напечатана статья Андрея Вознесенского «Муки музыки», в которой он пишет: «Недавняя передача о Хлебникове, которой внимали миллионы телезрителей, доказала, что нашему современнику Хлебников так же понятен, хотя и сложен, как и музыка Шостаковича, романсы Гарсиа Маркеса или муза Мартынова». «Кстати, — продолжает Вознесенский, — настало время уже издать академическое собрание Хлебникова». Оставим субъективные сравнения Хлебникова с Шостаковичем и некоторыми писателями. В. Хлебников — интересное явление в истории русской литературы и, возможно, надо издать академическое собрание его произведений. Не все у него «заумь», но чтобы его *бобэоби, взэоми* понимали миллионы читателей (или телезрителей) — просто неправда. Никаких оправданий для подобного рода «неологизмов» найти нельзя. Это не что иное, как болезнь языка, интересная разве что для лингвопатологов.

Крайне спорные неологизмы мы находим и в творчестве самого А. Вознесенского, например:

И фырчит «Ф», похожее на филина.

Забьет крылами «У» горизонтальное —

И утки унесутся за Онтарио.

«Б» в даль из-под ладони загляделася —
как богоматерь, ждущая младенца.

Мелодия Кирилла и Мефодия

Конечно, можно пофантазировать на тему, на что похожа та или иная буква, но это поэзия ради самой поэзии. Можно ли мир субъективных ассоциаций сделать достоянием миллионных читательских масс? Безусловно, можно, если за такими ассоциациями стоит большое общественно значимое содержание. А если нет, то субъективное так и останется субъективным. Нельзя обращаться в поэзии к предметам незначительным, оригинальничать ради оригинальничанья. Сами сопоставления здесь крайне искусственны, подчинены бессодержательной «музыке стиха». Предположим, мы горизонтально положим букву «у», почему утки должны нестись из Болгарии именно за Онтарио?

Само название стихотворения «Мелодия Кирилла и Мефодия», на наш взгляд, похоже на кощунство по отношению к великим славянским просветителям. Я очень далек от того, чтобы давать общую оценку языка Вознесенского, но наличие поверхностных и неверных сопо-

ставлений у некоторых современных писателей настораживает. Таких примеров можно найти немало.

Вряд ли надо считать находками и такие неологизмы, которые решительно ничего не прибавляют к существующим уже словам: *смелъство* вместо *смелость*, *властительство*, *регулярство*, *сострадаельство*, *угрюмство* и проч. Вот, например, у Б. Слуцкого: «С регулярством грохота кузнечьего Волны бьются в мол» (Море). Зачем нужны такие новообразования? Чтобы не сломался ритм или подошла рифма, или чтобы (во что бы то ни стало) быть непохожим на других, щегольнуть неслыханным словечком? Установка на индивидуальное словотворчество как на главный арсенал художественной литературы мало что дает взыскательному читателю, а к литературному языку ничего не прибавит, так как продукты такой установки не выйдут за пределы индивидуального текста. Незачем ломать русский литературный язык: он настолько необъятно богат, что в нем может воплотиться любое художественное творчество, любая индивидуальность.

С моей точки зрения, неоправданные неологизмы гораздо опаснее для художественного языкотворчества, чем просторечье или диалектизмы, которые как никак являются реальностью, а не выдумкой. Художественно неоправданные неологизмы (особенно если они становятся признаком стиля писателя) сродни авангардистским «фокусам-покусам» вроде писания стихов в виде разных геометрических фигур (ромбов, окружностей и проч.) или без всяких знаков препинания (последнее под видом «раскованной» мысли). Впрочем, понятие «авангардизм» здесь очень относительно: подобного рода приемы письма сами по себе отнюдь не новы и использующие такие приемы поэты отнюдь не авангард поэзии.

Наконец, еще одно замечание. Некоторые участники дискуссии призывают нас «всосать и ассимилировать» такие американизмы, как *паркинг*, *хеппи-энд*, *уик-энд* и т. д., под тем предлогом, что русский язык достаточно силен и все переварит. Немалое действительно «всасывается». На некоторых автострадах русскими буквами написано *паркинг*, а неподалеку от этих мест при обозначении одного и того же — *стоянка* (для машин). В сфере обслуживания конкурируют *сервис* и *обслуживание*. Мне приходилось видеть бутылки с наклейками *клюквенный джус*. А чем *джус* отличается от *сока*? И зачем засорять наш язык американизмами? Русский язык «всосал и ас-

симплировал» много чужеродного. Процессы заимствования будут продолжаться. Однако всему должен быть предел. Раньше полагали, что водоемы безграничны и сами очистятся, а теперь человечество думает о том, как бы защитить естественную среду от резко увеличившихся промышленных отходов. Возможности русского языка огромны, но тоже безграничны. В век научно-технической революции происходит, как известно, лавинообразное увеличение информации, а вместе с ней и колоссальный рост терминов. В таких условиях охрана чистоты русского языка, очищения его от словесного мусора, защита от засорения становится острой, актуальной проблемой, в области культуры не менее важной, чем забота об охране окружающей среды для нашей жизни и жизни будущих поколений.

В этой статье сказано не все. Предмет слишком обширен и многогранен. Многое остается и будет оставаться спорным. Наша дискуссия как будто заканчивается, и в то же время она будет продолжаться, пока существует художественная литература.

В заключение все же отмечу, что если в первой статье В. Гусев утверждал, что писатель бесконтролен, что он подчиняется только стилевым законам, «им самим над собою признанным» (иными словами, писатель волен делать с языком, что ему вздумается), то в «диалоге» он признает: «Есть такие законы развития, которые никакой гений сокрушить не властен. Но это само собой». С этого «само собой» и нужно было начинать. Тогда бы его выступление не вызвало таких иронических писем, как, например, письмо Н. Фортинской из Ленинграда, полученное мною. Позволю себе привести здесь выдержки из этого письма, чем и закончу свою статью.

О большом ляпе писателя В. Гусева и ощущении неба и простора.

Впервые в жизни мне захотелось написать в редакцию об открытиях писателя В. Гусева, скромно отнесенных автором к числу банальных истин.

Очень правильно подметил писатель в стилистике как бы два полюса — стильности и естественности. Но вот что относится к

прямому откровению — это то, что «классика наша, в высших ее образцах, имела в виду оба принципа и мучилась этим». Мучениками были Пушкин, «уже и Гоголь таков», а еще раньше — Марлинский. «А о поздних нечего и говорить». К «поздним» автор относит Льва Толстого (у автора не уточнено, но мы догадались, что Лева Николаевича, хоть, может быть, после Марлинского, возможно вспомнить и не одного только Льва) и Достоевского... Но тут вот загвоздка: с одной стороны, Достоевский и «мучился этим», то есть принципами стильности и естественности, а с другой-то стороны — «презирает всякий стиль, то есть он даже не презирает, он просто не помнит о таких вещах. Но втайне он обладает мощным стилем»...

Далее В. Гусев справедливо замечает: «У нас (!) оба принципа несколько разошлись». Стало быть, с одной стороны, мученики Пушкин, Гоголь, Марлинский, Толстой (Лев?), Достоевский, а с другой стороны — мы, то есть (от полюса естественности) Н. Леонов (сцена у следователя), (а от полюса стильности) И. Шкляревский. И хоть втайне они не обладают мощным стилем, но надо ценить их индивидуальность, если они признаны писателями. И пусть карандаш корректора уберут дальше: «талант всегда неграмотен. Он грамотен в высшем смысле (но до высшего смысла, бывает, никому нет дела)». И вообще «непонятно, как эти русские писатели так плохо и одновременно так хорошо»...

А как изящны выражения: текущий образец, текущая литература, тайная музыка самой жизни, дальняя и ближняя классика, закон легкости, внешнего лаконизма, гладкости. Уточнений делать не будем — «нужен момент непонятности, тайны жизни».

Вот, примерно, основное, за что я хочу поблагодарить писателя, а заодно и редакцию «Литературной газеты» за тот контекст, в котором содержится оправдание печальной памяти *зауми*, которой я так восхищалась в мои школьные годы, а теперь, извините, забыла не только текст, но и авторов заумных творений. Теперь меня не смутит, если где не так или плохо выразилась: чем хуже, тем лучше: «талант всегда неграмотен».

Ф. П. ФИЛИН

(Об анималистском цикле стихотворений С. Есенина)

«В стихах моих,— писал Сергей Есенин в 1924 году,— читатель должен главным образом обращать внимание на лирическое чувствование и ту образность, которая указала пути многим и многим молодым поэтам и беллетристам» (С. Есенин. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., 1970. Предисловие). Какова же природа образности в стихах Есенина и что следует понимать под «лирическим чувствованием»?

Как известно, поэтический образ чаще всего создается с помощью переносного значения слова (троп) или специального лексико-семантического приема (фигура). Например, когда Есенин пишет:

Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

«Заметался пожар голубой...»

Ясно, что перед нами образ, рожденный за счет метафоризации, то есть переносного значения слов (волосы «цветом в осень» — это золотистые, как листва осенью).

Однако нередки случаи, когда образность возникает без использования метафор, то есть из прямого значения слов.

К обоим способам создания художественного образа прибегает в своем анималистском цикле стихотворений С. Есенин. Поэтому в его палитре гармонически сочетаются слова предметно-точные

с ассоциативно-точными (по терминологии А. А. Потебни «прозаические с поэтическими»).

Те и другие поэт не просто смешивает в определенной пропорции, но предрасполагает к взаимной обратимости: необразные могут превращаться в образные и наоборот. Это превращение определяется идейной и эстетической задачей поэта, структурой и жанром его произведения, наконец, индивидуальностью и силой его таланта.

На сочетании слов предметно-точных и метафор, вызывающих определенные ассоциации, построено, например, стихотворение С. Есенина «Сукин сын». Сюжетно и композиционно это стихотворение представляет собой развернутое лирическое воспоминание поэта о годах юности. Слов предметно-точных в нем большинство: *годы, луг, собака, ошейник, записка, калина, пруд, ворота* и т. д. Они употребляются в обычном значении, но, подчиненные атмосфере общей образности и как бы согреты чувством поэта, в определенных сочетаниях начинают рождать различные ассоциации: «Снова выплыли годы из мрака и шумят, как ромашковый луг». Возникают метафоры: *годы выплыли, годы шумят*. Сравнение *годов с ромашковым лугом* — тот лирический ассоциативный ключ, которым можно «открыть» все стихотворение. Далее окажется, что *собака — юности друг*, что юность эта «отшумела, как подгнивший под окнами клен». Не только годы шумят, но и «юность отшумела» (метафора как бы повторяется). Легко заметить, что все, сказанное поэтом о природе, имеет определенную эстетическую задачу — донести до читателя чистый и неповторимый, дорогой поэту образ «девушки в белом». Но вот эта задача выполнена с помощью различных деталей и сравнений («она мне как песня была», «мои записки не читала», «шептала у калины за желтым прудом»), образ «девушки в белом» донесен. И тогда поэт резко смещает время, предоставляя читателю домыслить пропущенное:

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем, ливисто ошалелым,
Меня встрел молодой ее сын.

Здесь ярко выражено то, что поэт назвал «лирическим чувствованием», в данном случае ощущение хода времени, воспоминание о самом дорогом и безвозвратно ушедшем. Гармония чувства и слова великолепно дополняется особым звуковым оформлением стиха — аллитерацией — повтором («лаём, ливисто ошале-

лым», «с отливом в синь» — «молодой ее сын»). Предпоследняя строфа с продолжающейся аллитерацией подчинена метафоре, несущей смысл всего стихотворения и являющейся лирической доминантой:

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Все стихотворение «Сукин сын» написано о «пробуженном в сердце мае», но метафора эта не навязана читателю поэтом, а вырзла в атмосфере общей образности стихотворения и стала ему органически присущей. Эта метафора не контрастирует со всем текстом, не ошеломляет, она естественна, как сама природа, ее породившая. Индивидуальность Есенина-лирика сказалась здесь в умении поэта включать окружающую природу в орбиту авторских переживаний. Нетрудно заметить, что автор и его лирический герой в данном случае почти совершенно слиты воедино. Стихотворение «Сукин сын» написано зрелым поэтом, достигшим высот «лирического чувствования» (1924). Однако глубоким чувством согреты и стихотворения молодого Есенина о животных «Песнь о собаке», «Корова» (1915), «Лисица» (1916), хотя в них и нет такой гармонии между словами предметно-точными и ассоциативно-точными.

«Песнь о собаке» — предельно сжатый рассказ. Изложенные словами предметно-точными, события стремительно идут к развязке, выраженной с помощью яркой метафоры: «Покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег». Этой метафоре, олицетворяющей горе, подчинена вся лексика и стилевая система стихотворения: если собака наделена способностью плакать, о чем говорит заключительная строфа, то естественно, она может проявлять и другие человеческие качества: ласкать, чувствовать природу: «Показался ей месяц над хатой одним из ее щенков». Сравнение месяца с живым существом у Есенина встречается часто: «рыжий месяц жеребенком запрягался в наши сани», «ягненокчик кудрявый — месяц гуляет в голубой траве» и т. п. Для образного строя поэта характерно стремление к конкретности, зрительной осязаемости. Любопытно, что месяц в стихотворении «Песнь о собаке» не только показался одним из щенков, но, как и они, исчез («скрылся за холм в полях»).

Одним из сильных художественных приемов в анималистском цикле стихотворений Есенина является недоговоренность, преднамеренный пропуск самых драматических событий, рассчитанный

на индивидуальное домысливание читателя. Так, в «Песне о собаке» читателю сообщается:

Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.
По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...

Далее идет пропуск всего самого драматического (описания того, как хозяин толит щенков) и, соблюдая такт, поэт говорит:

И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

Читатели по-разному восполняют пропущенную картину в мере эмоциональности и впечатлительности каждого, что активизирует их соучастие в происходящем. Аналогичная картина наблюдается в стихотворении «Корова», в котором после двустипхия: «Не дали матери сына, первая радость не впрок» сразу приводится результат убийства телка: «И на колу под осиной шкуру трепал ветерок».

В стихотворении «Корова» нет метафор. Жалость и сочувствие к животному достигаются с помощью яркой предметной детализации («дряхлая, выпали зубы», «бил ее выгонщик грубый», «свяжут ей петлю на шее и поведут на убой»). Однако цель поэта — не только вызвать жалость и сочувствие у читателя. Следуя гуманистическому идеалу, С. Есенин стремится очеловечить изображаемое им животное: наделяет корову способностью думать («думать грустную думу о белоногом телке») и даже видеть сны («сниется ей белая роща и травяные луга»).

Весьма оригинально построено стихотворение «Лисица». В нем сочетаются зрительные, слуховые, осязательные и даже обонятельные образы: «На раздробленной ноге приковыляла, У норы свернулася в кольцо» — образ зрительный; «Ей все бластился в колючем дыме выстрел», «ветер взбыстрил и рассыпал звонистую дробь» — образ слуховой; «на губах — как прелая морковь», «Пахно инеем и глиняным угаром» — ощущения, которые иначе, чем осязательные и обонятельные, нельзя назвать. В отличие от стихотворения «Корова», почти лишённого метафоризации, в стихотворении «Лисица» — обилие сравнений и метафор: «как желна, над нею мгла металась», «желтый хвост упал в метель пожаром», «на губах — как прелая морковь», «колыхалась в глазах лисья топь».

С. Есенин прибегает к одной из самых действенных форм метафоризации, построенной по принципу аналогии. Так, олицетворяется такое понятие, как «мгла», причем поэт его сопоставляет с желной, то есть с большим черным дятлом (переносно — со злопамятным человеком. См.: В. И. Даль. Толковый словарь.

Т. I. М., 1955, с. 530). В результате возникает впечатляющий образ: «Как желна, над нею мгла металась». *Желна* в данном случае как бы олицетворяет смерть.

Анималистский цикл стихотворений С. Есенина — ярчайшая страница мировой поэзии. Поистине чарует и пленит в нем гармония мысли и чувства, образа и слова. Не случайно А. М. Горький в своих воспоминаниях о Сергее Есенине пишет об одном из стихотворений этого цикла:

«Я сказал ему, что, на мой взгляд, он первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных.

— Да, я очень люблю всякое зверье,— молвил Есенин задумчиво и тихо... и начал читать „Песнь о собаке“. И когда произнес последние строки:

— Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег

— на его глазах тоже сверкнули слезы. После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком» (М. Горький. Собрание сочинений в 18 томах. Т. 18. М., 1963).

Доктор филологических наук
П. Г. ПУСТОВОЙТ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ЧТО ГРЕХА ТАИТЬ

Читательница В. П. Иванова из поселка Кременское Калужской области спрашивает: «Почему второе слово в часто встречающемся в речи выражении *что греха таить* употреблено в форме родительного падежа? Ведь не говорим мы *пбля пагать*».

Что греха таить — устойчивое сочетание. Подобные выражения как бы «консервируют» в себе древние, некогда привычные особенности словоупотребления.

Родительный падеж вместо винительного в этом сочетании был привычным уже во времена Пушкина: «— Ни дать ни взять — Корсаков,— сказал старый князь Лыков... — А что греха таить? Не он первый, не он последний воротился из неметчины на святую Русь скоморохом» (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого),

Откуда в данном фразеологизме взялся «незаконный» падеж?

Ответ на вопрос — в другой форме того же выражения — *чего* (*нечего*) *греха таить*: «Старуха моя, с которой живу уже лет тридцать вместе, грамоте сроду не училась; нечего и греха таить» (Н. В. Гоголь. Иван Федорович Шпонька и его тетушка); «Нечего греха таить, вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал, как срезанный, потому что понял, что я — уже в окружении, а скорее сказать — в плену у фашистов» (М. Шолохов. Судьба человека). Об активности именно отрицательной формы оборота свидетельствует использование ее в произведениях А. П. Чехова, Б. Полевого, В. Беляева и других (см.: Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А. И. Молоткова. М., 1967).

Два варианта одного выражения влияли друг на друга. Причем, исходным, как показывает их грамматическая логика, был именно оборот с отрицанием. Ведь в форме отрицания родительный падеж — обычное явление. Так, во фразеологии известны выражения *не видать света белого, ни шагу не ступить, ни зги не видать, маковой росинки в рот не брать* и подобные. Или в пословицах: *Шила в мешке не утаишь, Пржегного не вернешь, Плетью обуха не перешибешь, Кривого веретена не выпрямишь*.

Такое употребление слов в форме родительного падежа до сих пор остается нормой русского языка. Оно вытекает из одного, весьма активного, значения родительного падежа — так называемого количественно-отделительного (*много людей, купить сахару, начитатьсь книг*), детально описанного академиком В. В. Виноградовым (Русский язык. М., 1972). Именно с этим значением падежа связаны отрицательные формы, вошедшие и в русскую фразеологию. Одной из них является *греха в выражении нечего греха таить*.

Оборот *что греха таить* — позднее изменение отрицательного выражения, произошедшее под влиянием активной в разговорном языке синтаксической модели с местоимением *что*: *что и говорить, что и сказать, что подумать, что поделать* и других. Модель имеет, как правило, модальное значение — ею выражается сомнение, неуверенность, нерешительность говорящего. Это значение весьма близко к той модальности, которая выражена отрицательной конструкцией *нечего греха таить* — последняя лишь более категорична. Общность грамматического значения, таким образом, обусловила возможность замены оборота *нечего греха таить* на *что греха таить*.

В. М. Мокиенко

Ты кто, Жужу?

Интересный материал для понимания значения форм рода в разных частях речи представляет басня И. А. Крылова «Две собаки».

В начале басни автор рисует картину встречи двух собак, одна из которых болонка по имени Жужу, а другая — дворовый пес по имени Барбос:

Дворовый верный пес

Барбос,

Который барскую усердно службу нес,

Увидел старую свою знакомку

Жужу, кудрявую болонку,

На мягкой пуховой подушке, на окне.

К ней ластяся, как будто бы к родне,

Он с умиленья чуть не плачет

И под окном

Визжит, вертит хвостом

И скачет.

«Ну что, Жужутка, как живешь

С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?

Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.

Какую службу ты несешь?» —

«На счастье грех роптать», Жужутка

отвечает:

«Мой господин во мне души не чаёт;

Живу в довольстве и добре,

И ем и пью на серебре;

Резвлюся с баринном: а ежели устану,

Валяюсь по коврам и мягкому дивану.

Ты как живешь?» — «Я», отвечал

Барбос,

Хвост плетью опустил и свой повесил нос;

«Живу по-прежнему: терплю и холод

И голод

И, сберегаячи хозяйский дом,

Здесь, под забором сплю и мокну под дождем;

А если невпопад залаю,

То и побои принимаю...»

Существительное *болонка* (жен. рода), обозначающая породу собак, не указывает на женский

пол животного, да и существительное *пес* (муж. рода), как правило, тоже не указывает на мужской пол собаки. Ср.: «Верстах в пяти-шести от дома, проходя лесной дорогой, я неожиданно встретился с большой черной *собакой* из породы водолазов. Пробегая мимо, *пес* пристально посмотрел на меня, прямо мне в лицо, и побежал дальше» (А. П. Чехов. Страхи).

Тем не менее, по началу басни читателю сразу представляется встреча изнеженной, избалованной самодовольной женщины с терпящим лишения, но незлобивым трудягой-мужчиной.

И это естественно, так как обычно при олицетворения, когда сопоставляются или противопоставляются существительные мужского и женского рода, обозначающие животных, растения и различные неодушевленные предметы, в них возникает значение мужского или женского пола в соответствии с родом существительного, например: *мороз* — *девушка*, а *зима* — *бабушка*.

Представление о встрече живых существ разного пола поддерживается различными лексическими и грамматическими особенностями приведенного текста басни. Так, мужской пол пса поддерживается наличием имени собственного *Барбос*, а женский пол

болонки, казалось бы, определяется употреблением слова *знаком-ка* (жен. рода), поскольку обычно существительные женского рода, обозначающие живое существо, указывают на существо женского пола.

Соответственно роду существительных *болонка* и *пес* используются и формы рода согласуемых слов, как бы еще более подчеркивая различие пола между двумя бывшими друзьями: *кудрявую болонку, дворовый верный пес*. Такую же семантическую нагрузку выполняют и заменяющие эти существительные местоимения *он* и *к ней*.

Однако из дальнейшего повествования выясняется, что первоначальное представление о поле собак ошибочно и что болонка-то, оказывается, кобелек:

«Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
Бессилен бывши так и мал,
Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
Чем служишь ты?»
«Чем служишь! Вот прекрасно!»
С насмешкой отвечал Жужу:
«На задних лапках я хожу».

И оказывается, что былая дружба этих собак была мужской дружбой двух бродяг!

Какие же именно слова или формы слов приводят к изменению первоначального представления?

Это формы рода глаголов и прилагательных в предложениях: «Да чем же ты, Жужу, в случай *попал*, *бессилен* бывши так и *мал*» и «С насмешкой *отвечал* Жужу».

Обычно согласуемые с формами рода существительных, формы рода прилагательных и глаголов проявляют свое собственное значение тогда, когда существительное (знаменательное или местоименное), к которому они относятся, обозначает живое существо, но не указывает на его пол: *неряха умылся, неряха умылась; ты спросил, ты спросила*. Довольно часто это бывает при именах собственных людей и кличках животных: *наш Валя отличился, наша Валя отличилась; маленький Миси заболел, маленькая Миси заболела*.

Особенно часто собственное значение проявляется в форме женского рода глагола, который относится к существительному мужского рода, примененному к женщине, например: *тренер добилась результатов*.

Отсюда можно сделать вывод, что формы рода прилагательных и глаголов, обычно согласуемые, имеют и свое собственное значение — могут указывать на пол живого существа.

А как же объяснить употребление слова *знакомка*?

В словосочетаниях с приложением обычно не выражено морфологически, которое из существительных является приложением, и поэтому приложением признается то существительное, которое несет на себе качественную оценку или сужает значение другого существительного: *кровать-раскладушка* (*раскладушка* — приложение), *собаки-дворняжки* (*дворняжки* — приложение). При этом существительное-приложение может отличаться родом от основного существительного: *кресло-качалка*, *избушка-грибок*.

И все же в одном случае в приложении формально выражена его зависимость. Это бывает тогда, когда приложением является существительное со значением живого существа, имеющее коррелят (соотносительное слово) другого рода, например: *мой воспитанник-сенбернар*, *моя воспитанница-овчарка*.

В рассматриваемом тексте слово *знакомка* относится к слову *болонка*. У слова *знакомка* есть коррелят мужского рода *знакомец*, который в данной ситуации мог бы вполне подойти, но женский род слова *болонка* подсказывает выбор слова женского рода — *знакомка*.

Формы рода прилагательных и глаголов, обычно согласуемые, могут иметь собственное значение, указывая на пол живого существа; и напротив, существительные одушевленные женского рода, обычно указывающие на женский пол живого существа, в определенной позиции могут утрачивать собственное значение пола и выступать в качестве только согласуемых форм.

Все эти особенности значения форм рода в разных частях речи и использованы с большим мастерством И. А. Крыловым в басне «Две собаки».

Н. А. ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ
Рисунки В. Толстоногова

КОЧЕТОК И КУРИЦА

Жили курочка с кочетком, и пошли они в лес по орехи. Пришли к орешню; кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать орехи: кочеток кидает, а курочка подбирает. Вот кинул кочеток орешек, и попал курочке в глазок, и вышиб глазок. Курочка пошла — плачет. Вот едут бояре и спрашивают: «Курочка, курочка! Что ты плачешь?» — «Мне кочеток вышиб глазок». — «Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?» — «Мне орешня портки раздрала». — «Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?» — «Меня козы подглодали». — «Козы, козы! На что вы орешню подглодали?» — «Нас пастухи не берегут». — «Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?» — «Нас хозяйка блинами не кормит». — «Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?» — «У меня свинья опару пролила». — «Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?» — «У меня волк поросенчика унес». — «Волк, волк! На что ты у свиньи поросенчика унес?» — «Я есть захотел, мне бог повелел».

Из сборника «Народные русские сказки», М., 1957

ЗНАМЕНИТЫЙ исследователь и публикатор народных сказок А. Н. Афанасьев делил все горести и огорчения подцензурной деятельности литератора-демократа. «Современный литератор, принимаясь за перо,— записывал в своем дневнике Афанасьев после первых столкновений с цензурой,— уже наперед чувствует над собой роковое действие цензуры... Можно ли рисовать полные жизни и яркости картины, находясь в положении соловья, пение которого хотела послушать кошка в басне Крылова?» (А. Н. Афанасьев. Дневник. Отрывки из моей памяти и переписки. ЦГАОР (Москва), фонд № 279, оп. 1, ед. хр. 1059, л. 12). Незадолго до кончины он писал в Ярославль своему другу Е. И. Якушкину (12 сентября 1870), сыну известного декабриста, что цензор, к которому попали его «Детские сказки», вымарал слова: жеребец, кобыла, кобель — заменил их словами: лошадь, собака. «Жаль,— горько шутил Афанасьев,— что не попалась ему под перо сказка о петухе и курице: наверное — он обратил бы и того и другого — в птицу. То-то, подумаешь, нравственные люди!». От цензуры пострадал и главный труд Афанасьева, дело всей его жизни, сборник «Народные русские сказки». Афанасьев публиковал его от-

**АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ
АФАНАСЬЕВ,
ЦАРСКАЯ
ЦЕНЗУРА
И СКАЗКА
О ВЫБИТОМ
КУРИНОМ
ГЛАЗЕ**

Язык фольклора ●

дельными выпусками в течение ряда лет, начиная с 1855 года (последний, восьмой выпуск появился в 1863 году). Цензурные затруднения, которые встретил сборник, в свое время описал и документально подтвердил известный филолог В. И. Чернышев (см. его статью «Цензурные изъяты из „Народных русских сказок“ А. Н. Афанасьева» — в сб. «Советский фольклор», № 2—3, М.—Л., 1936, с. 307—315).

Интересна судьба сказки «Кочет и курица». Афанасьеву удалось преодолеть цензурную помеху, сказка была опубликована. До публикации эта сказка хранилась в архиве Русского Географического Общества и вместе с другими материалами поступила в распоряжение ученого. Сказку записал кто-то из корреспондентов Общества в Липецком уезде Тамбовской губернии (ныне Липецкая область), удержав в записи особенности местной речи и произношения: «курычка», «ане», «пы арехи», «кычаток» (кочет, так петуха принято называть в восточной группе южнорусского наречия).

Теперь эту сказку принято освобождать от диалектизмов. Мы же воспользуемся первоначальным ее текстом: как она была записана.

Сказку следует признать не просто редкой, а редчайшей в русском фольклоре. Достаточно сказать, что в «Указателе сюжетов» Н. П. Андреева (1929) она зарегистрирована всего в одном и именно афанасьевском варианте. Это, конечно, не означает, что сказка не была известна нигде, кроме Липецкого края. Скорее всего, редкость сказки объясняется тем, что из-за остроты социального смысла сказочники побаивались рассказывать ее посторонним людям. Она не так безобидна, как может показаться с первого взгляда.

Сказка принадлежит к типу, который отличается от других особой композицией, именуемой фольклористами «кумулятивной» (от латинского слова *simulatio* — увеличение, скопление). К этому же типу относятся сказки «Теремок», «Репка», «Колобок», «Смерть петушка» и другие. Однородные (часто совершенно подобные) элементы действия в подобных сказках следуют друг за другом, соединяясь, как звенья цепи (отсюда и более простое название этих сказок — «цеповидные»). Сказочники, подчиняясь давней традиции, держались правила именно так строить действие.

Историческое объяснение самого происхождения кумуляции как принципа композиционного построения фольклорных произведений предложил академик И. И. Толстой. В статье «Обряд и легенда афинских буфоний» (1936) ученый раскрыл «сакрально-юридический смысл» судебного обычая, снимавшего вину с непосредственного свершителя деяния, предосудительного, с точки зрения древних людей. Цель обрядового суда сводилась к последовательному перекладыванию вины с одного участника на другого, пока дело не доходило до какого-нибудь вещественного предмета, обычно — орудия, которое и наказывалось. Например, виновным оказывался не охотник, убивший зверя, а орудие, которым был нанесен удар (камень, дерево, железо).

Тем самым как бы отводилось нежелательное последствие места тех существ, которым был нанесен ущерб. Законы в древней Греции еще сохраняли соответствующие положения, предусматривавшие ритуальный суд. Аналогичные обычаи были известны и другим народам, в том числе — народам Сибири и описаны этнографами (Л. Штернбергом, Н. Ядринцевым, Н. Харузиным). Рассмотренный со стороны формальной структуры обрядовый суд, последовательно перекладывавший вину с лица на лицо, по словам И. И. Толстого, «безусловно близко напоминает сюжетную композицию кумулятивной сказки» (И. И. Толстой. Статьи о фольклоре. М.— Л., 1966, с. 92).

Сказки удержали в себе древнейшую кумулятивную композицию в силу следования традиции: каждый новый рассказчик перенимал свое знание сказок у предшественников и подчинялся общепринятым законам сюжетосложения. Старина в фольклоре удерживается прочно, хотя, конечно, не остается совсем без изменений. В сказке о кочете и курице сохранилась память о давних обрядово-ритуальных порядках, но древний мотив оказался переосмысленным. Хотя структурно и сюжетно сказка удержала мотив разбирательства вины и воспроизвела, как снимается вина с непосредственного виновника, но самый рассказ об этом обычае, перейдя в область искусства, наполнен свободными от обряда представлениями и идеями.

О чем же говорит сказка? Конечно, не о беде, которая приключилась с курицей. Сказочный мир — не досужая выдумка. Заинтересованный рассказ сказочника вызван его отношением к невыдуманному, реальному миру. Тут

и следует искать настоящий смысл сказки. Казалось бы дело ясно: виноват петух, но бояре рассудили иначе — они добрались до «настоящего» виновника — волка. Да и волк, в сущности, не виноват — виноват... бог! На все воля божья, все случается божьим попущением, его волей. Цепь зависимостей и связей увела разбирательство вины далеко от обстоятельств, при которых случилось несчастье. Сказочника занимала общая мысль о вине, разбирательстве и об истинных причинах повседневных случаев, но свою мысль он выразил не в виде прямого положительного утверждения.

Здесь, безотносительно к нашей сказке, но все же по некоторой связи с нею, будет уместно заметить, что патриархальные крестьяне России, оставаясь в быту нерелигиозными людьми, верили в провиденческую силу всего свершаемого в мире — и их вера была некогда достаточно прочной, как и житейские их представления о том, что волки задирают не всякую, а скотину, разрешенную им святым Егорием, что вой голодной стаи — это просьба к святому, их пастырю, чтобы дал пищи. Красноречивы на этот счет пословицы: «У волка в зубах, что Егорий дал», «Ловит волк роковую овцу» (от слова *рок* — срок, время, пора, *роковой* — урочный, предназначенный) и пр. Все сказанное, однако, относится только к бытовым религиозным представлениям, а сказка — не религия, а — искусство. Она шутит, иронизирует, она высмеивает неумное разбирательство вины, людское обыкновение все валить на божью волю — даже тогда, когда вина виноватого очевидна или когда ее вообще нет.

Конечно, в этой сказке, как и в любой другой, есть свойства, которые некогда А. В. Луначарский назвал качеством «развлекающей» литературы. В лекциях, прочитанных Луначарским в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, отмечалось, что такая литература «заключается в сочетании слов, присказок» и роднит такое искусство слова с «художественной промышленностью». Сказка о кочете и курице, подтверждая эту верную мысль, радует разум, как орнамент радует глаз. Склад сказки особенный — бойкий, полный живых интонаций. Они выразительны и в горестном сообщении о беде, постигшей курицу: «пошла — плачет», и в строгом расспросе: «Кычеток, кычеток, на що ты курочке вышиб глазок?», «Козы, козы! на що вы арешню пидгладали?» и прочее, и в

иронии смешного оправдания петуха, что ему орешня «партки рыздрала», и в откровенности волка, за которой ощущаешь право, освещенное высокой волей: «Я јисть зыхател, мне бог пывилел». Сказочные формулы (вопрос — ответ, вопрос — ответ) — действительно, как орнаментальный узор. Однако все это не значит, что сказка — бесцельная игра ума, что она лишь развлекает, что она самоценна в своей выдумке, что ни рассказчик, ни его слушатели не относили фантазии к реальности. Глубокий знаток искусства, каким был Луначарский, не исключал «слияния литературы серьезной и литературы развлекающей» и заметил при этом, что «иногда в какой-нибудь сказке „правда слышится“» (А. В. Луначарский. Собрание сочинений в восьми томах, т. 4, М., 1964). Именно такова сказка о кочете и курице.

Придирчивое око царского цензора усмотрело в сказке «Кочет и курица» нечто оскорбительное для христианского благочестия и устоев нравственности. Заключаящая сказку речь волка: «Я јисть зыхател, мне бог пывилел» цензор признал вредной, найдя в ней «оправдание похищения божьим велением».

Царский цензор не без основания почувствовал в сказке враждебное властям свободомыслие, но он увидел крамолу не там, где она действительно скрывалась. Цензор высказался не против общего смысла сказки, а против частности, приравняв «похищение» поросенка у свиньи к преступлению против бога и веры. Царские цензоры нередко демонстрировали эстетическую глухоту. Нам, к сожалению, остается неизвестным, как Афанасьев преодолел цензурное затруднение, но остается фактом, полным значения, что после смерти Николая I, в пору оживших надежд на общественный прогресс, Афанасьев не только опубликовал сказку, но открыл ею второй выпуск своего собрания, появившийся перед читателями в 1856 году.

Сказки, аналогичные истории о петухе и курице, встречаются в сказочном фольклоре многих народов. В особенности близки русской сказке сказки из латышского и литовского фольклора. Сходство столь близкое, что невольно думается о каких-то непосредственных контактах русского и прибалтийского фольклора.

В варианте сказки из многотомного собрания П. Шмита «Латышские народные сказки и предания» (1925—1937) вместо бояр разбирает вину барин, приказавший петуху

явиться на свой барский двор. Петух оправдывается тем, что орешник закачался, когда он взлетел на него. Барин приказал явиться на суд и орешнику. Орешник пожаловался на «соседскую» козу, которая его обглодала, а коза обвинила пастуха.

— Я бы ее пас, да меня хозяйка обманула: посулила пирогов на дорогу, да не дала, так я голодный и остался,— сказал пастух себе в оправдание.

Хозяйка объяснила:

— Разве б я не дала, барин-голубчик, да вот беда какая: свинья, подлая, закваску слопала, так и не довелось пироги нашечь.

— Ну, значит, свинья за курочкин глаз в ответе,— решил барин.

На этом дело и кончилось.

В латышской сказке та же, что и в русской, ирония, но сказка повернута в сторону насмешки над глупым барским судом.

Литовский вариант сказки (Королева-лебедь. Литовские народные сказки. Сост. А. Лёбите. Вильнюс, 1962, с. 46—47, перевод В. Чепайтис) существенно меняет ситуацию тем, что виновного ищет бабушка, жалея свою курицу. После петуха она спрашивает орешню, козу, пастухов. Пастухи сказали:

— Не виноваты мы. Как нам козу пасти, раз мы волка боимся!

А волк покосился на бабушку и «рявкнул»:

— Не бранись, бабушка. Сама знаешь: колесу меня не догнать, палке не испугать.

У волка и в мыслях нет оправдываться: ведь он не такой, как все,— не зависит ни от кого, он вне суда. Общая мысль существенно отличает литовскую сказку от русской и латышской.

Пришедшая из древних времен кумулятивная сказка видоизменялась в фольклоре у каждого народа, являя собой образец свободомыслия и веселой насмешливости.

В. П. АНИКИН

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

ИЗОБРАЗИТЕЛЕН язык народных пословиц. Привлекает в них обилие лексических и синтаксических приемов, наделены они разнообразными изобразительными средствами, многочисленными поэтическими оборотами. В них слились воедино и глубокая мысль, и образность.

Пословицы и поговорки богаты тропами, которые помогают сделать их более емкими, яркими и четко выделить главное. Белинский писал о том, что «тропы породили необходимость *образного* выражения и что тропы лучше всего объясняют и оправдывают философское положение: „Ничего не может быть в уме, чего не было в чувстве“ и рекомендовал учителям «брать их преимущественно в обыкновенном разговорном языке, в пословицах и поговорках» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М., 1955).

Простейшим видом тропа является *сравнение* — сопоставление двух предметов или явлений по какому-либо сходству между ними. В пословицах и поговорках оно чаще всего встречается со служебным словом *как*: «Берегись худа, как огня», «Шумят, как воробьи на дождь». Некоторые пословицы и поговорки начинаются глаголом *вертится*, за которым следует служебное слово *как*: «Вертится, как бересто на огне», «Вертится, как уж». Много сравнительных пословиц и поговорок образовано при помощи союза *что*: «Ему и беда, что с гуся вода», «Горе, что море: ни переплыть, ни выплакать». Ряд сравнительных народных изречений встречается со служебными словами *подобно, словно, точно*: «Сказал, точно гвоздем забил».

В пословицах употребляются разные сравнения: по сходству, по степени обладания свойством и качеством, по характеру и способу проявления действия. Например, в поговорке «Говорит, как река льется» — сравнение по способу проявления действия (то есть кто-то хорошо говорит).

Важную роль в пословицах и поговорках играют художественные определения — эпитеты. Они обогащают представление о каком-либо предмете или явлении, подчеркивают его характерные признаки.

Эпитеты в пословицах и поговорках часто бывают в форме полных и кратких прилагательных: «Баловливая корова все стадо портит», «От доброго не бегай, а худого не делай»; «Здоров на еду, да хил на работу», «Стар гриб, да корень свеж»; в форме существительных («Знайку вперед толкают, а незнайка за печкой сидит») и в виде сочетаний существительных с прилагательными: «Мороз — красный нос», «Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной». При глаголах эпитетами нередко являются наречия и деепричастия: «Подальше положишь, поближе возьмешь», «Сядем рядом да поговорим ладком», «Не зная броду, не суйся в воду».

В устной народной поэзии, песнях, сказках много постоянных эпитетов: *ясные очи, синее море, красное солнышко, буйные ветры, чистое поле, белый свет, зеленая трава, весна красна* и т. д. Добролюбов писал: «Постоянные эпитеты суть общая принадлежность всякой народной поэзии, и, следовательно, могут служить безошибочным указанием на особенности мировоззрения народа» (Н. А. Добролюбов. Замечания о слоге и мерности народного языка). Например, эпитет *красный* обычно определяет *солнышко, весну, цвет*: «Красное солнышко на белом свете черную землю обгревает», «Весна красна цветами, а осень — снопами». Метафоры (перенос значения) в пословицах и поговорках могут быть простыми, развернутыми, сравнительными, комическими, каламбурными. Они цементируют народные изречения, придают им силу и красоту: «Назвался груздем — полезай в кузов», «Белые ручки чужие труды любят».

Метафорических пословиц и поговорок довольно много. Они переплетаются между собой, образуя метафорические сравнения. Эти приемы еще больше усиливают выразительность народных изречений: «Хитер, как лиса, труслив, как заяц», «Ласковое слово, что весенний день», «Дети, что цветы: уход любят». Многие народные изречения являются целиком метафорическими. Например: «Пошел козел по лыки, коза — по орехи», «Знает кошка, чье мясо съела», «Шила в мешке не утаишь».

К числу средств, усиливающих художественную изобразительность пословиц и поговорок относится метонимия. В отличие от метафоры метонимия основана не на сходстве, а на смежности явлений или предметов.

Существует несколько видов метонимии. Один из них тот, когда значение переносится с содержимого на содержащее. Вот, в пословице «Без ложки и добрый едок станет» *ложка* имеет два значения: 'прибор, при помощи которого подается в рот пища' и 'сама пища'. Этот пример подтверждает метонимическую двусмысленность слов. Здесь также налицо перенесение значения содержимого на содержащее: под словом *ложка* подразумевается пища, то есть то, что содержит ложка. Такого рода метонимические пословицы встречаются часто: «Красна ложка едоком, а лошадь — ездоком», «Обед красен не ложкой, а едоком». Иногда происходит замена конкретного абстрактным и абстрактного конкретным, родовое понятие подменяется видовым и, наоборот, какая-либо вещь заменяется названием материала, из которого она сделана, отдельная часть заменяется целым и т. д. Например, «Уходили сивку крутые горки», «Без хозяина — дом сирота».

Видом метонимии является синекдоха, которая построена на количественных отношениях: часть называется вместо целого, единственное число — вместо множественного, множественное — вместо единственного. Так, в пословицах «Зерно в колоске — не спи в холодке», «В закроме зерно — на душе тепло», «Гумно не солома красит, а зерно» под словом *зерно* подразумевается не одно зернышко, а большое количество зерна, как целое. Здесь единственное число употребляется в значении множественного.

Во многих пословицах и поговорках происходит соединение метонимии и синекдохи. До Великой Октябрьской социалистической революции была в ходу пословица: «Один с сошкой, а семеро с ложкой». В ней произведена замена одного понятия другим по смежности. Крестьяне-пахари с сошкой, а те, кто пользовались их трудом (царь, поп, помещик и т. д.) — с ложкой. Именно так образуется метонимия. Но поскольку речь идет о количественном отношении, не об одном крестьянине, то это одновременно является и синекдохой. Иногда одна и та же пословица содержит и метафору, и метонимию и другие виды тропов.

Очень интересны пословицы, содержащие олицетворение (придание неодушевленным предметам признаков и свойств предметов одушевленных).

Народные изречения содержат все виды олицетворений: есть пословицы, где неодушевленные предметы наделены человеческими чертами, природа наделена даром речи, мыслями и чувствами человека обладают животные и птицы: «Петух ска-

жет курице, а она — всей улице»; «Рожь говорит: сей меня в золу, да в пору, овес говорит: топчи меня в грязь — я буду князь».

Часто в пословицах и поговорках встречается и такой вид тропа как аллегория (наглядное, картинное иносказательное изображение отвлеченного понятия). Так, например, в известной пословице «Не все то золото, что блестит» имеется еще и метафорическая аллегория, потому что в пословице речь идет не о золоте и его блеске, а о внешней красоте, которая часто не соответствует содержанию. Такая метафорическая аллегория содержится во многих пословицах: «Мягко стелет, да жестко спат», «С кем поведешься, от того и наберешься». Есть аллегорическая пословица: «Трус и тени своей боится». В иносказательной форме она осуждает людей робких, легко впадающих в панику.

Аллегория в пословицах и поговорках указывает на связь этих жанров устного народного творчества с баснями, где в образах животных предстают люди. За многими из них закреплены определенные качества, например, хитрость сконцентрирована в образе лисы, жадность и злость — в образе волка, коварство — в образе змеи. В пословицах и поговорках заяц всегда труслив, лиса всегда хитра, осел — глуп и т. д. Например: «Хитер, как лиса», «Труслив, как заяц», «Голодный, как волк». В народных изречениях встречаются разные животные: «Доверил козлу капусту», «Льва сонного не буди». Все эти пословицы являются аллегорическими. Важно не то, что говорится, а что подразумевается под изображенным явлением, что наталкивает на сопоставление.

Народные пословицы отличаются иронией — тонкой, скрытой насмешкой. Смысл ее заключается в том, что отрицательные явления изображаются в форме положительной. Есть пословица: «Все наготове: сани в Казани, а хомут — на базаре». Слово *наготове* употреблено в ироническом смысле, так как последующая часть пословицы доказывает обратное — полную неподготовленность чего-то.

В некоторых пословицах и поговорках содержится насмешка, укор, пословицы иронизируют над какими-то явлениями или недостатками человека. Таковы пословицы о лентяях: «Кабы лентяй на печи не лежал, корабли бы за море снаряжал», «Что делаешь? — Ничего. — А он что? — Помогать пришел». В пословице «Блины съел, вареники съел, а уже на третью работу — ценом махать — сил не хватает» заключена едкая ирония. Народные изречения осуждают хвастовство, ложь, обман, плутовство, очковтирательство, эгоизм. Таковы пословицы: «Хоть сгори целый свет, лишь бы он был согрет», «Лодырь да бездельник — им праздник и в понедельник».

Особое место среди изобразительных средств языка принадлежит таким тропам, как гиперболы и литота. Суть гиперболы состоит в огромном, несоответственном действительности преувеличении реальных фактов. Гипербола присуща всем жанрам устного народного творчества. Почти в каждой былине, в каждой сказке и песне есть этот любимый прием фольклора. В пословицах и поговорках она часто принимает масштабы необыкновенных размеров: «Трус умирает тысячу раз, а герой — только однажды». В народных изречениях она употребляется для усиления впечатления и одновременно служит одним из средств выражения восторга.

Так, о необыкновенно сильном человеке говорят: «Так здоров, что если сучок в кулак сожмет, так вода пойдет», «Закричит — так мертвого воскресит», «Правда двенадцать цепей разорвет», «Уверенность гору с места сдвинет». В некоторых пословицах преувеличивается вес: «Не худо, что булка с полпуда», «Человека узнаешь, когда с ним пуд соли съешь». В ряде пословиц преувеличен объем или размер: «В чужом глазу соломинку видит, а в своем бревна не замечает», «Возьми борону, да расчеши бороду». Есть много пословиц, в которых преувеличено количество: «Семеро одну соломинку поднимают».

Противоположным гиперболе тропом является литота — образное выражение с преуменьшением силы, величины, значений, действия: «Мальчик с пальчик», «Избушка на курьих ножках», «Его муха крылом перешибет», «Борода с локоток, а сам с ноготок». Некоторые пословицы и поговорки, образуемые на основе литоты, имеют сравнительный характер: «Силенки, что у цыпленка», «Воробьиного носа короче» и другие. Встречаются и такие пословицы, где гипербола сочетается с литотой, в пословицах происходит сопоставление чрезвычайно большого с чрезвычайно маленьким: «Как жердь высок, а силы с ноготок», «Борода с аршин, а сам с кувшин».

Все виды художественных тропов в разной степени создают образ, способствуют глубокому раскрытию идейного содержания народных изречений. Одновременно они придают пословицам и поговоркам необычайную яркость, образность, делают их более меткими и убедительными.

*Кандидат филологических наук
А. М. МОСКОВСКИЙ
Магнитогорск*

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

ПОСЛОВИЦЫ — широко распространенный жанр устного народного поэтического творчества. В них удивительно сжато, в то же время емко и убедительно фиксируется и передается из поколения в поколение веками накопленный опыт народа, его история и мировоззрение. Ценность и значимость пословиц как художественных произведений и как интересного материала для научных наблюдений и исследований (фольклористических, лингвистических, этнографических, исторических, правовых и т. д.) определяются прежде всего их содержанием, уходящим нередко в глубину столетий. Но, сложившись, они не остаются неизменными. Разным историческим эпохам соответствуют свои пословицы: «Старая пословица с новым веком ссорится».

По наиболее распространенному определению, пословица — это краткое изречение назидательного характера, имеющее всегда форму предложения (В. И. Даль. *Пословицы русского народа*. М., 1957). Пословица, таким образом, — это синтаксически и композиционно завершенное поэтическое произведение.

В основных своих чертах русские пословицы сложились к XVII веку.

Всегда, когда надо быстро, остро, житейски убедительно и рельефно довести мысль до собеседника, мы прибегаем к помощи пословиц. Поэтому нет ничего удивительного в том, что часто языковые достоинства того или иного литературного произведения оцениваются путем сравнения его с пословицей. Например, А. С. Пушкин свою высокую оценку языка комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова формулирует в такой скупой фразе: «О стихах я не говорю: пословица — должны войти в пословицу».

Интересно проследить, что именно представлялось наиболее значительным в языке устных поэтических произведений, в том числе и пословиц, гениальным мастерам русского языка. В. Г. Белинского в народном языке больше всего привлекает энергия и живописность, Л. Н. Толстого — определенность, ясность, красота и умеренность. «Что за прелесть народная речь. И картинно, и трогательно, и серьезно», — восторгается он. О той же ясности, меткости говорит и А. М. Горький. Он пишет, например: «Именно пословицы и поговорки выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной, и начинающим писателям крайне полезно знакомиться с этим материалом не только потому, что он превосходно учит экономии слова, речевой сжатости и образности...» (А. М. Горький. Собрание сочинений, т. 24, с. 292).

Итак, важнейшие свойства языка пословиц, как и многих других жанров устных народных поэтических произведений, — это его сжатость, энергичность, картинность, ясность и простота. Что делает язык пословиц совершенным? Для ответа на поставленный вопрос остановимся на некоторых приемах лексико-синтаксической организации пословиц.

Для пословиц характерно использование в их составе ограниченного числа знаменательных частей речи. Обычно это — имена существительные, глаголы и прилагательные.

Очень разнообразны схемы предложений в пословицах. Двусоставное предложение располагает почти безграничными возможностями в плане оформления главных членов. Господствующая форма двусоставного предложения — предложение с подлежащим, выраженным именем существительным и сказуемым, представленным глаголом настоящего времени: «Сваты с правдою не ездят». Затем следуют предложения-тождества с главными членами, выраженными именами существительными в именительном падеже и инфинитивом: «Упрямая овца — волку корысть», «Капусту садить — спине досадить». И наконец, предложения, в сказуемом которого выступают краткие формы и формы сравнительной степени прилагательных: «На людях и смерть красна», «Утро вечера мудренее».

По объему больше всего распространены трех- и четырехчленные конструкции.

Двусоставное предложение в пословицах не отличается разнообразием второстепенных членов: оно включает в себя, как правило, определения, выраженные почти исключительно именами прилагательными, и дополнения, которые представляются, в основном, формами имен существительных. Бедно оно также и однородными членами, что обусловливается жанровой спецификой пословицы.

В синтаксисе пословиц используются лишь некоторые схемы односоставных предложений, а именно: односоставных обобщенноличных, безличных предложений. При этом следует иметь в виду, что наиболее продуктивными в пословицах являются обобщенноличные предложения: *Слезю море не наполнишь; Кручиною людей не насытишь; Жнут поле в пору; От добрых гостей ждут добрых вестей* и т. д.

Сложное предложение в пословицах представлено сложносочиненными, сложноподчиненными и бессоюзными конструкциями. Особо высокой активностью среди них выделяются сложносочиненные и бессоюзные.

Важнейшая формальная особенность пословицы состоит в том, что она композиционно распадается на две части, поэтому синтаксический параллелизм выступает нередко как распространенный принцип сочетания частей, из которых складывается поэтическое целое: *Один воин тысячи водит; Скупно — не глупо; Глаза страшат, а руки делают.*

Отбор языковых средств, их включение в словесную ткань пословицы подчинены особым закономерностям, которыми и определяются требования к языку народных афоризмов. В пословице все рассчитано «до мелочей», предопределено композицией ее и принципом максимальной экономии средств выражения. Обратимся к примеру. Хорошо известно, что сравнение — это художественный прием, широко распространенный во всех жанрах литературы и устного народного поэтического творчества. Часто в обычной жизни, сравнивая один предмет с другим, мы можем получить бесконечный ряд форм: *сильный, как бык, лев, слон, медведь* и т. д. В пословице же используется не всякое сравнение, а только то, которое одновременно выполняет и конструктивную роль, являясь составной частью ее композиции, ср.: *Ласковое слово, что весенний день; Мышь в коробе, что князь в городе.* В этих и подобных построениях сравнительный оборот выполняет одновременно и художественную, и синтаксическую функции.

Чтобы стать композиционной частью пословицы, сравнительный оборот не обязательно должен принять на себя предикативную роль. В следующих фразах сравнительный оборот лишен предикативности, но участвует в создании пословицы как особой синтаксической структуры, являясь одним из членов, поддерживающих параллелизм ее частей: *На чужбине — словно в домовине; В чужом месте — что в лесу.*

Характеризуя один предмет путем простого сопоставления его с другим, предложение с предикативным сравнительным оборотом представляет собой удобную и экономную форму выражения мысли в языке пословиц. Сопоставляемые члены вступают друг с

другом в отношении синтаксического параллелизма, причем параллельные части, как правило, составляют симметрию, на которую в известной мере опирается и которой поддерживается ритмический строй пословичных выражений.

Одним из излюбленных приемов синтаксической организации русских пословиц оказывается бессоюзное соединение простых предложений, выражающих общее отношение сопоставления: *Алмаз алмазом режется, плут плутом губится; Жилы рвутся от тяжести, слезы льются от жалости*. Как и в любом другом произведении словесного искусства, в пословице можно отчетливо выделить определенные композиционные элементы, которые, являясь в равной мере необходимыми в структурном отношении, тем не менее отличаются друг от друга по степени участия в реализации главной идеи. Основным звеном в раскрытии содержания пословицы, в определении ее конкретного назначения служит замыкающий, заключительный член структуры.

Как правило, двучленная пословичная конструкция начинается формулой, выражающей общее, как бы бесспорное суждение, подытоживающее определенный житейский опыт, наблюдения народа над его жизненной практикой, и оно (это суждение) подготавливает второе, частное суждение, могущее быть примененным уже к конкретной жизненной ситуации. Действительно или ложно частное суждение, для пословицы принципиального значения не имеет, так как она ориентируется на общее, бесспорное суждение. Это общее суждение, выраженное в первой части сложного целого, благодаря систематическому использованию в тождественной функции, и становится постоянным художественным образом пословичной формулы. Следовательно, слова и их формы объединяются в пословице именно таким образом, чтобы они наиболее динамично представляли общее содержание целого.

Доктор филологических наук
З. К. ТАРЛАНОВ

Публикуем две статьи о языке научно-технической литературы. А. М. Викторов, научный сотрудник Гидропроекта, геолог, сообщает свои наблюдения о культуре речи, о языке учебников, лекций, научно-популярной литературы. В статье В. А. Филатова, преподавателя русского языка Донецкого медицинского института, затронут важный вопрос о ключевых словах, то есть основных, стержневых словах текста. Надеемся, что предлагаемые статьи заинтересуют не только филологов, но и редакционно-издательских работников, а также тех, кто работает в области информации.

●

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ УЧЕБНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Будущий студент технического вуза за время обучения в средней школе привыкает обращать внимание на правильность речи: его приучают к этому школьная программа, контрольные сочинения, чтение художественной литературы и, наконец, выпускной экзамен по литературе. Но вот школа окончена. Студент технического вуза чувствует себя уже «свободным»: ведь считается, что он достаточно грамотен. Его обычно никто не поправляет даже и тогда, когда в контрольных работах и курсовых проектах он излагает свои мысли вяло и тяжело. Его скудную в точности выражений речь не поправляют ни на семинаре, ни на экзамене.

За редким исключением, материал в учебниках для технических вузов излагается вяло и бесстрастно. И если иногда в учебно-технической литературе проскальзывают попытки авторов избразить подобие улыбки, то редактор издательства вычеркивает этот «криминал».

В одном из учебных пособий автор этой заметки попытался дать образное, с его точки зрения, сравнение химических окислов, которые, находясь в свободном состоянии, не образуют молекулярной связи. Окислы в этом случае ведут себя довольно своеобразно: они могут быть активными, например со щелочами, и тогда, вступая в реакцию, «пронзают окружающую материальную среду будто кинжалом, вынутым из ножен. Но в ножнах этот кинжал безопасен, как и заключенный в молекулы минерала вредный окисел».

Издательский редактор зачеркнул и ножны, и кинжал. Метафора погасла, фраза стала сухой, безликой, но зато стиль учебного пособия был выдержан.

Приведу другой пример. Как-то я рассказывал о затруднениях волжских строителей. Возводя сооружение среди массы речных песков, они не могут их применить для получения бетона, потому что пески — мелкозернистые, в связи с чем расходуется много цемента. Строители сравнивались с моряками, которые, находясь в океане, не могут утолить жажды соленой водой. Редактор и на этот раз вычеркнул столь «игривое» для технической литературы сравнение...

Составители учебной литературы для технических вузов не всегда могут изложить нужный для обучения материал так, чтобы он запомнился. Монотонность слога при колоссальном избытке информации делает повествование чрезвычайно усложненным, пересыщенным трудными терминами, формулами и различными цифровыми выкладками. В результате обучение по этим руководствам становится мучкой и для студентов, и для преподавателей.

В технической литературе, выпускаемой в форме различных нормативов, с русским языком обращаются слишком вольно. Авторы иногда употребляют слова-термины, понятные лишь им. Это становится бедствием, если такое слово попадает в технический стандарт на изделие. Например, Госстандарт № 9479-69 разделяет блоки из природного камня по виду обработки граней на *пассированные* и *непассированные*. Однако слово *пассированные* ни в одном из словарей не отмечено, нет его ни в технических, ни в общих энциклопедиях. Оказывается, что на камнерезных заводах этим словом обозначают правильную геометрическую форму блока камня.

В научно-популярной книге «Невидимый океан» (авторы А. Карцев и С. Вагин, М., 1973) написано: «В настоящее время, кроме дейтерия, обнаружен еще третий. Позднее было выяснено, что существуют три изотопа кислорода». Из этой фразы следует, что изотопы открыты позже «настоящего времени», то есть в будущем.

Кто же виноват в создавшемся положении? Думается, что нельзя считать единственными виновниками самих авторов. Они — во власти традиции, да и кто их учит писать иначе. Кто работает с ними, поправляет, советует? Опять редактор технического издательства, изредка литературный редактор.

Тот же стиль изложения, по существу, встречается и в лекциях. А ведь давно известно, что запоминается материал несравненно легче, если преподаватель хоть в какой-то степени обладает даром оратора, если речь его не похожа на канцелярский отчет.

Даже лекции по самым точным наукам отнюдь не исключают, а, напротив, предполагают эмоциональность и экспрессивность изложения.

Студенты технических вузов, как правило, запоминают тех преподавателей, которые владеют живой русской речью, благодаря чему сухая технология словно расцветает, легко запоминается. Кто должен обучать владению словом вузовского преподавателя, где ему взять образцы? Робкие попытки дать понятия о стиле и форме изложения ведутся на факультетах повышения квалификации. Но за два-три месяца трудно достичь многого.

Наши писатели объединены в творческие союзы, их учат владеть русской речью на специальных факультетах, наконец, на Высших литературных курсах при Литературном институте имени М. Горького. Авторы технических книг — это одиночки, страдающие над рукописями. А ведь в эпоху научно-технического прогресса изучение пособий и справочников занимает у читателей инженерно-технического профиля времени больше, чем чтение художественной литературы. Пожалуй, именно научно-техническая литература служит главным источником массовой информации. Статьи по вопросам науки и техники в журналах «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Природа», «Техника — молодежи» и др., написанные на хорошем, литературном русском языке, оказывают большую помощь редакторам, составителям учебников и пособий в их работе.

А. М. ВИКТОРОВ
Москва

●

О КЛЮЧЕВЫХ СЛОВАХ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Неоднократно приходится наблюдать, как при составлении рефератов на научно-исследовательские работы возникают трудности, связанные с выделением ключевых слов. Что такое ключевое слово? Каковы критерии их выделения? В своей статье я попытался в какой-то мере ответить на эти вопросы.

Ключевые слова — это самые важные, незаменимые семантические единицы речи. Они имеются в любом высказывании (уст-

ном или письменном), докладе, сообщении, составляют основу научной статьи, любой информации. Ключевые слова есть в каждом литературном произведении, начиная от небольшого стихотворения и заканчивая такой эпопеей, как «Война и мир». О них можно не подозревать, но постоянно иметь дело с ними. Приведем простейший пример: скажем, вам нужно купить общую тетрадь. Вы записываете себе всего одно слово — *тетрадь*, которое является главным, ключевым словом в контексте «Мне надо купить общую тетрадь». Взглянув на записанное слово, вы в любой момент без труда сможете восстановить весь контекст.

Ключевые слова — это основные, стержневые слова высказывания. В тексте они несут главную смысловую нагрузку по сравнению с остальными словами. Не менее важна роль ключевых слов и вне текста. В этом случае они выполняют функцию информатора, маяка, отражают основное направление и содержание всего высказывания. Выделение ключевых слов в тексте способствует быстрому и правильному пониманию текста, акцентирует внимание на основных мыслях. В техническом тексте выделение таких слов представляет в настоящее время практическую необходимость, например при составлении рефератов на выполненные научно-исследовательские работы. «Из ... текста реферата выделяются подчеркиванием ключевые слова. Ключевым словом является отдельное слово (существительное) или словосочетание (с существительным), выражающее отдельное понятие, существенное для раскрытия содержания реферата» (Методические указания по составлению и оформлению рефератов на выполненные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. М., 1974, с. 5).

Часто можно встретить в зарубежных журналах (английских, американских) статьи, основному тексту которых предшествует айнстадия, заканчивающаяся перечислением ключевых слов, эти слова с достаточной степенью точности и полноты передают основное содержание статьи.

В настоящее время поиск нужного материала затрудняется из-за обилия информации. Поэтому решено в рефератах информационных карточек выделять ключевые слова, что облегчает поиск нужного материала. Обратимся к следующему примеру реферата информационной карточки:

Реферат. Разработка и исследование системы автоматического управления подачей топлива в мартеновскую печь.

Исследована тепловая работа большегрузной мартеновской печи, в частности, изучено влияние состава печных газов на окисление шихты, определена связь между давлением печных газов и их составом. Описаны разработанные новые средства контроля мартеновского процесса: газосборный комплекс, оптимизатор дав-

ления газов, пневматический датчик контроля толщины огнеупорной кладки и т. п. (пример взят из «Методических указаний Всесоюзного научно-технического информационного центра», с. 10).

В реферате ключевые слова подчеркиваются один раз, независимо от количества их повторений (в нашем примере даны курсивом). Если исследователя интересует, скажем, вопрос влияния давления печных газов на процесс выплавки стали, то, найдя в реферате словосочетание *давление печных газов* в качестве ключевого, он заинтересуется всей работой, так как *давление печных газов* — существенный фактор, ключевое слово в данной работе.

Чем же отличаются ключевые слова от остальных слов текста? В отличие от слова как основной единицы языка, представляющего собой один лексический элемент, ключевые слова могут состоять, особенно в научной речи, из нескольких элементов, то есть представляют собой словосочетание (в приведенном примере реферата: *тепловая работа, печные газы, оптимизатор давления газов* и др.). Но все элементы такого словосочетания составляют одну смысловую единицу, выполняют функцию одного слова; так, сочетание *пневматический датчик контроля толщины огнеупорной кладки* является названием одного прибора, включая в себя данные устройства и назначения.

Важнейшей особенностью ключевых слов является независимость в тексте. Исключение их из текста ведет, в лучшем случае, к резкому обеднению содержания, но чаще всего — к искажению смысла речи.

Мартеновская печь, система автоматического управления, окисление шихты — эти слова нельзя заменить какими-либо другими без искажения смысла. Нельзя также заменить ни один из элементов сочетания слов. Например, сочетание *пневматический датчик контроля толщины огнеупорной кладки* состоит из шести лексических элементов, но ни один из них нельзя заменить каким-либо другим без нарушения содержания. Эти свойства являются критериями выделения ключевых слов в тексте.

Подобно обычному слову, ключевые слова (словосочетания) обладают следующими свойствами: номинативностью (что-то называют), воспроизводимостью (не создаются, а воспроизводятся как готовые единицы), непроницаемостью (нельзя вставлять слова внутрь ключевых слов), постоянством значения. Если же ключевое слово структурно представлено одним лексическим элементом, то оно обладает всеми признаками обычного слова и, кроме того, характеризуется незаменимостью в тексте.

В научно-технических текстах, где речь идет об изобретениях, открытиях, чаще всего ключевыми словами будут слова или словосочетания, обозначающие отдельные предметы. В большинстве слу-

чаев это специальные термины. Однако могут быть также хронологические данные, соответствующие численные характеристики, диапазоны давлений, температур и т. п.

Иногда с некоторыми ключевыми словами научной работы знакомит читателей сам автор, например В. В. Лопатин в книге «Рождение слова» (М., 1973) пишет: «...Мы не сможем обойтись в этой книжке без таких понятий, как „мотивированное слово“, „словообразовательная продуктивность“, „словообразовательное значение“, „аффикс“, „вариант аффикса“, „словообразовательный тип“, „способ словообразования“, „сложное слово“, „сращение“ и др.» (с. 4).

В художественном тексте ключевые слова помогают лучше понять идейное содержание произведения. О наличии ключевых слов в произведении, о том, что не все слова в тексте имеют одинаковую значимость, что одни из них являются основными, а другие как бы подчинены, служат им, упоминалось давно. Так, А. Блок констатирует: «Всякое стихотворение — покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светят как звезды» (Записные книжки Александра Блока. Л., 1930, с. 63).

Разработка проблемы ключевых слов — одна из иллюстраций, отражающих роль языкознания в жизни современного общества, роль и место науки о языке в современной научно-технической революции. Это один из многочисленных примеров того, как языковеды своим трудом непосредственно способствуют научно-техническому прогрессу, помогая рационально использовать творческую энергию и время исследователя.

В. А. ФИЛАТОВ

ДЕФИС? ТИРЕ?

Дефис — орфографический знак, тире — пунктуационный. Так сложилось исторически.

Знак тире («черта» или «молчанка») был включен в перечень знаков препинания А. А. Барсовым в его Грамматике как знак, служащий для выражения определенных отношений между предложениями или частями предложения (см.: А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации. М., 1955, с. 18—21). Дефис

сом же — как знаком «единительным» — обозначалось объединение отдельных слов в сложные слова или указывалось на разбивку слова на части при переносе. «Во всех случаях, когда надо соединить в одно целое два слова или два иных элемента для обозначения одного объекта, может быть употреблен дефис» (А. А. Реформатский, Дефис и его употребление. — Сб. «О современной русской орфографии». М., 1964, с. 147).

Однако несмотря на такое четкое смысловое различие с употреблением дефиса и тире связаны орфографические трудности, вызванные возможностью их смешения. В предлагаемой статье мы остановимся на трех случаях взаимодействия дефиса и тире.

■ 1. Разграничение однословного и распространенного приложения при существительных.

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) даны следующие рекомендации по поводу написаний приложений.

§ 79. Пишутся через дефис: ... 14. Определяемое слово со следующим непосредственно за ним однословным приложением, например: *мать-старуха, Маша-резвушка, Аника-воин*.

§ 152. Запятыми выделяются: ... 2. Приложения, относящиеся к существительным и не образующие с ними тесного смыслового единства...: *«Девочка, любимица отца, вбежала смело...»*.

§ 168. Тире ставится перед приложением: ...2. Если при приложении есть пояснительные слова и необходимо подчеркнуть оттенок самостоятельности такого приложения, например: *«Со мною был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу»*.

Итак, однословное приложение пишется через дефис, распространенное приложение выделяется двумя знаками: тире и запятой. Тире подчеркивает самостоятельность приложения, запятая указывает на отсутствие тесного смыслового контакта между приложением и существительным (как видим, разница формулировок трудно уловима).

Однако действующие правила и повторяющиеся на письме случаи могут свидетельствовать или о неполноте правил, об их нечеткой формулировке или же о трудности самого языкового явления, которое в силу своей сложности трудно регламентируется орфографическими или пунктуационными правилами.

В письменной практике (3-е издание БСЭ; периодическая печать; проекты Гостов; Тезаурус научно-технических терминов. М., 1972) часто встречаются такие случаи: 1) *проходил семинар — совещание начальников штабов комсомольских отрядов, участвовали страны — участницы общего рынка, государства — члены НАТО, государства — участницы СЭВ, страны — участницы СЭВ, суда — но-*

сители подводных аппаратов; 2) страны-метрополи, страны-экспортеры, страны-импортеры, театр-студия, фирмы-участницы, страны-члены, страны-участницы, страна-поставщик, страны-получатели, страны-кредиторы, организации-члены, страны-покупатели, страны-корреспонденты, государства-победители, директор-распорядитель.

Написание дефиса или тире зависит от наличия или отсутствия (при сложном слове) дополнения — зависимого, управляемого существительного (что соответствует и рекомендациям «Правил»). Правила определяют: это — сложное существительное или существительное с распространенным приложением. Дополнение как бы разграничивает сложные существительные с дополнением и существительные с распространенным приложением.

Это разграничение особенно очевидно, когда аналогичные сочетания приводятся в тексте параллельно (с разным написанием): *страны-члены и страны — члены банка* (БСЭ, т. 15, с. 615), *страны-участницы и страны — участницы ассоциации* (БСЭ, т. 14, с. 208); *политика стран-участниц и ... представителей стран — участниц Аккрской конференции* (БСЭ, т. 13, с. 79); *самолеты-носители и самолеты — носители ядерного оружия; самолеты-разведчики и самолеты — разведчики погоды* (Тезаурус научно-технических терминов, с. 228); *контролеры-кассиры и продавцы — оформители витрин* («Вечерняя Москва», 30 мая 1975).

Однако действующие правила недостаточно определенно регламентируют употребление дефиса и тире. Они требуют четкого разграничения случаев, когда приложение образует с определяемым словом тесное смысловое единство и когда такого единства нет. А это непросто (о чем, кстати, свидетельствуют и встречающиеся в письменной практике отступления от правила).

Например: *страны-собственники нефти* (БСЭ, т. 11, с. 467), *строители-заочники разных вузов* («Комсомольская правда», 27 мая 1975), *линия-закрепитель стерильности* (Проект ГОСТа), *приветствие-рапорт молодежи* («Комсомольская правда», 22 декабря 1972), *слесарь-инструментальщик по штампам* («Вечерняя Москва», 15 сентября 1970), *лорд-хранитель печати, лорд-наместник Ирландии* (БСЭ, т. 12, с. 264), *член-учредитель товарищества* (БСЭ, т. 11, с. 250), *страны-члены СЭВ* («Вечерняя Москва», 15 сентября 1976), *секретарь-кассир организации* (БСЭ, т. 11, с. 323), *редактор-издатель юмористического еженедельника* (БСЭ, т. 18, с. 284), *запись-воспроизведение цветных изображений* (БСЭ, т. 11, с. 505), *большевики-депутаты 4-й Гос. думы* (БСЭ, т. 17, с. 380), *астроном-наблюдатель морской обсерватории* (БСЭ, т. 18, с. 163), *акробаты-наездники на верблюдах* (БСЭ, т. 11, с. 133), *член-учредитель ряда институтов Русского географического общества* (БСЭ, т. 12, с. 343, т. 13, с. 494),

книговеды-организаторы книжной торговли (БСЭ, т. 12, с. 341), насекомые-ардители леса (БСЭ, т. 14, с. 592), президент-исполнитель общества ГИ Дессон («Известия», 6 февраля 1975), специалист-разработчик стандартов (проект ГОСТа), женщина-дрессировщица хищных зверей (БСЭ, т. 4, с. 86), инженеры-преподаватели машиностроительных дисциплин («Вечерняя Москва», 16 июля 1975), швеймотористки сложного ассортимента («Комсомольская правда», 14 июня 1975), каменщики-монтажники конструкций («Комсомольская правда», 4 июня 1975), редактор-издатель юмористического журнала (БСЭ, т. 14, с. 271), продавцы-оформители витрин и торговых залов («Вечерняя Москва», 30 мая 1975; в том же номере газеты дано и написание продавцы — оформители витрин).

Известно, что самый удобный принцип на письме — формальный. Поэтому естественно, что практикой выбран именно этот принцип — писать дефис или тире в зависимости от того, есть дополнение или нет. Но если формальный принцип не всегда можно применить, то это свидетельствует о каких-то дополнительных сложностях. В данном, конкретном случае, как нам представляется, употребление дефиса между двумя существительными означает образование сложного существительного. А выделение сложного слова, связанного с написанием дефиса, — задача трудная. Тем более, что речь идет о разных образованиях.

В одних случаях дополнение относится к сложным существительным, представляющим собой сложение (*семинар-совещание начальников штабов, театр-студия киноактера, техник-смотритель зданий*). О таких случаях писала Н. Ю. Шведова в статье «О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе»: «По-видимому, на эту синтаксическую тенденцию опирается очень активное сейчас образование сложных слов типа *сад-ясли, салон-магазин, склад-база, комната-музей, показ-продажа, марш-бросок, сетки-ограды, счетовод-кассир, каталог-проспект, характеристика-рекомендация* и под.» («Вопросы языкознания», 1964, № 2, с. 12). Н. Ю. Шведова имеет в виду сложные слова, образованные из двух разных наименований.

В других случаях дополнение первоначально относилось ко второму существительному-приложению (*страны-участницы СЭВ, государства-члены НАТО*). Образование сложных существительных этой группы тоже активный процесс в современном русском языке, процесс живой, постепенный, с наличием переходных случаев. Именно поэтому здесь и наблюдаются колебания в употреблении дефиса и тире. Образование сложного слова нельзя ставить в прямую зависимость от наличия или отсутствия дополнения. В языке есть уже давно употребляющиеся сложные слова и слова, которые образуются на наших глазах.

Очевидно, немаловажную роль в образовании таких сложных слов играет и время (срок) его существования. Если, скажем, в начале появления сочетания *продавец — оформитель витрин* дополнение *витрин* — необходимый член сочетания, то постепенно его употребление оказывается излишним, и сложное слово, состоящее из двух компонентов, становится достаточно информативным (ср. также: *государства-члены экономических проблем — государства-члены*). Оно не перестает быть словом и при наличии дополнения. На самом деле, сложное слово *генерал-майор* не перестает им быть и в сочетании *генерал-майор авиации* или *академик-секретарь* — в сочетании *академик-секретарь отделения*.

Итак, сложные слова типа *страна-участница*, *продавец-оформитель*, *астроном-наблюдатель*, *лорд-хранитель* и другие, образованные из сочетания существительного и приложения (вычлененного из неоднословного приложения), активно употребляются в русском языке, включаются в словари. Слова *предприятие-изготовитель*, *ансамбль-комплекс* (университета), *клапан-отсекатель* (пласта), *инспектор-советник* (группы генеральных инспекторов), *страны-участницы*, *страна-импортер*, *лорд-хранитель* (императорской печати), *погрузчик-смеситель* (удобрений) — такие же сложные существительные, как и *вице-председатель* (ВФП), *генерал-инспектор* (кавалерии), *ализарин-сульфонат* (натрия), *театр-студия* (киноактера), *генерал-майор* (авиации). Слова эти существуют самостоятельно, независимо от наличия или отсутствия дополнения. Как сложные слова, они могут иметь и дополнения (одиночные и распространенные).

Поэтому тенденция к употреблению дефиса в описанных нами случаях вполне оправдана. Такая рекомендация должна быть узаконена правилами. Однако правило не должно исключать употребления пунктуационных знаков (запятой, тире) в отдельных случаях, когда распространенное приложение приводится в предложении со знаком обособления. Например: «*Врачи, специалисты по космической медицине, тоже несут бессменную вахту*» («Комсомольская правда», 10 июня 1975).

■ 2. Тире — дефис или два дефиса в сочетаниях с числительными.

Сочетание дефиса и тире не рассматриваются ни орфографическими, ни пунктуационными правилами. Хотя речь идет о знаках «пограничниках» (пограничных между орфографией и пунктуацией), представляется желательным выделение сочетания дефиса и тире в отдельную рубрику среди пунктуационных знаков.

Два знака — дефис и тире довольно последовательно встречаются в сочетаниях типа: *2—10-цветковые* колоски, *6—8-суточнй*

инкубационный период, 8—10-цветковая мутовка, 3—12-летний возраст, 18—25-летние холостяки, 1—4-квартирные дома, 3—5-дневный запас, 3—4-летние школы, 1—2-этажные избы, 5—9-этажные дома, 25—40-кратное увеличение, 10—14-весельный катер, 3—4-пальцы ноги, 2—3-кратное опыливание, 13—15-члениковые усыки; 3—5-гнездная завязь, 1—3-семянный плод, 3—4-месячные поездки, 2—3-летний стаж, 3—5-лопастные листья, 100—200-литровые бочки, 7—10-месячный козленок. Однако иногда такая строгая последовательность нарушается и в аналогичных случаях пишутся два дефиса: 1-2-дневный эмбрион, 30-60-дневный возраст, 1-3-месячный возраст (все примеры взяты из 3-го издания БСЭ).

В перечисленных сочетаниях синтаксически-смысловые отношения между цифровыми обозначениями многозначны. Нет необходимости подробно анализировать их. В основном, можно выделить два значения: в одних случаях цифровые обозначения соотносятся с предлогами *от... до*, в других — с союзом *и (или)*: 18 — 25-летние холостяки (*от 18 до 25*); 5—9-этажные дома (5 и 9), 7 — 10-месячный козленок (7 и (или) 10).

Должны и могут ли все частности находить отражение на письме? Могут ли эти знаки нести разную смысло-различительную функцию? Для выражения всех оттенков значений мы располагаем только двумя знаками: тире и дефис. Знак тире должен соответствовать значению «от... до»: «В секцию принимаются мальчики 5—10-летнего возраста». Во всех остальных случаях следует писать дефис.

Такое правило удобно и для пишущего, и для читающего, кроме того, оно становится общим и для сочетаний, в которых числительные пишутся цифрами, и для сочетаний, в которых числительные пишутся буквами: 12—14-летние школьники и двенадцати—четырнадцатилетние школьники; 18—25-летние холостяки и восемнадцати — двадцатипятилетние холостяки. Такая рекомендация совпадает и с употреблением тире (в значении «от... до») в сочетаниях типа: поезд Москва — Хабаровск, маршрут Владимир — Суздаль,

■ 3. Дефис или тире в собственных именах.

Речь идет о бессоюзных соединительных обозначениях типа Химки-Ховрино, Хорошево-Мневники, Орехово-Борисово, Фили-Мавилово. Действующие правила нечетко регламентируют написание этих названий. О таких образованиях писала Н. Ю. Шведова в статье «О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе». В. Э. Сталтмане в статье «Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий» отмечала: «Следует сразу заметить, что орфографическая форма рассматриваемых явлений не исчерпывается слитным, раздельным и дефисным написанием.

В сфере русских (и образованных или осмысляемых на почве русского языка) собственных названий применяется еще и тире, например... закон *Бойля — Мариотта*... район *Химки — Ховрино*» (сб. «Орфография собственных имен», М., 1965, с. 46).

В письменной практике в наименованиях такого типа тире применяется очень непоследовательно. Частично это может быть объяснено и техническими причинами: в рукописном и машинописном шрифтах дефис и тире не разграничиваются четко. Специалисты часто объединяют эти два знака общим названием «черточка». Кроме того, такие сложные географические наименования образуются из двух реально существующих названий: *Орехово* и *Борисово*, *Хорошево* и *Мневники* и т. д. Это как бы определяет их написание через тире (что может быть оправдано на начальном этапе образования слов такого типа).

Однако приходится считаться с тем, что старые названия перестают существовать вместе с изменением и облика нового района города и названия. Например, район *Орехово-Борисово* можно воспринимать как единое наименование (ср. город *Орехово-Зуево*), как название одного района, не связанного с двумя старыми наименованиями. Поэтому собственные имена, состоящие из двух названий, следовало бы писать всегда через дефис: *Химки-Ховрино*, *Орехово-Борисово*, *Хорошевс-Мневники*.

Кандидат филологических наук
Б. З. БУКЧИНА

Иосиф Уткин

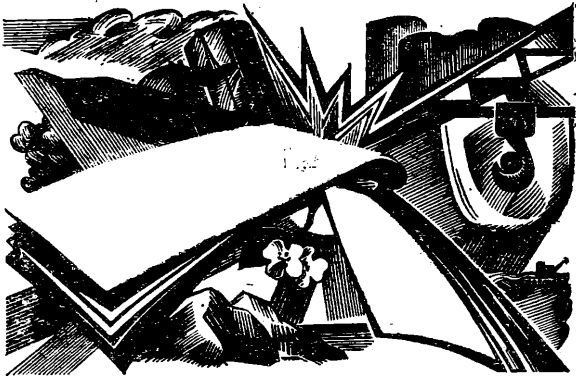
РОДИНА

Что любится, чем дышится,
Чем ваше сердце полнится,
То в голосе услышится,
То в песенке припомнится.
А мы споем о родине,
С которой столько связано,
С которой столько пройдено
Хорошего и разного!

Тяжелое — забудется,
Хорошее — останется,
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.
С ее лугами, нивами,
С ее лесами-чащами
Была б она счастливою,—
А мы-то будем счастливы.

И сколько с ней ни пройдено,
Усталыми не скажемся
И песню спеть о родине
С друзьями не откажемся!

1942

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА

Язык газеты нередко вызывает критические замечания. Между тем материал лучших журналистских работ позволяет говорить о своеобразии языковых средств в публицистике, их особых задачах и возможностях.

Интерес к факту не возникает сам по себе. Хороший журналист умеет «подать материал», усилить документально очевидное. Горький утверждал, что активный, наступательный характер публицистики требует особого внимания к изобразительным средствам. Читателю нужен и материал для размышлений, и «эмоциональный толчок» к размышлениям. Характер повествования о факте, его стиль, язык дают такой толчок. В языке

современной прессы немало важную роль играют образные средства.

●

Автору бывает важно подчеркнуть реальность факта, помочь читателю увидеть событие. Широко используя «цветопись» (точные эпитеты типа *красная палатка, зеленые армейские машины, фиолетовые искры электрических разрядов* и т. п.), зрительные и слуховые подробности, публицисты прибегают также и к помощи сравнений, метафор, образных деталей.

В современной газетно-журнальной практике часто используются образные средства для уточнения характера действия. Например, в репортаже

В. Черткова «Мужество против огня» («Правда», 15 августа 1972) умело подчеркнута неожиданная коварная стремительность пожара: «из кустов на обочине, словно *верткий джиг*, выскочило пламя». В том же репортаже взрывная волна «в секунду решила итог схватки, как *опытный борец* вдавив пламя в выжженный черный ковер». В другом отрывке употреблены олицетворения: «Ржавые языки жадно лизнули кусты, рванули ошалело в поле» ... или «Огонь разбойничает... шастает где-то внутри торфяников, вот и теперь выскочил на ночное шоссе».

В репортаже об испытаниях самолета в грозу автор передает ощущения хаотического, неуправляемого движения. Подшучивая над собой, он вспоминает испытания как «безумную скачку в крошечной мгле на взбесившемся мустанге». А вот самолет входит в грозозное облако, в хаос вихрей: «Семидесятитонный лайнер начало понемногу толкать, дергать, трясти, как телегу на булыжной мостовой...» (Д. Тихий. «Погоня за молниями». — «Неделя», 1974, № 35).

Публицистической прозе не чужды метафоры и сравнения смелые, резкие, взятые из далеких ассоциативных рядов. (Тут — давние традиции, в русской публицистике ярче всего проявившиеся в творчестве Герцена.) Важно, что ак-

цент при этом делается не на уподобление («это похоже на то-то...»); а на характеристику действия, причем на характеристику сжатую, энергичную.

В научно-популярном материале Вл. Орлова «Шестой подвиг» рассказано о страшной разрушительной силе пузырьков воздуха, взвихренных лопастью подводного винта корабля: «Пузырьки грызут винт как муравьи» («Правда», 11 августа 1967). Обратите внимание на характер сравнения: не пузырьки как муравьи, а *грызут* как муравьи. Образное сравнение здесь не только языковое оформление, но и важный элемент, усиливающий конфликт. Употребление такого образа более оправдано, нежели употребление простого образа-иллюстрации.

Другой пример из того же материала. Автор смотрит на экран, где средствами замедленной съемки показана борьба взвихренных пузырьков с пластом грязи. Напряженное усилие одного из миллионов пузырьков сдвинуть, оторвать от поверхности чешуйку грязи, подобравшись под нее, сравнивается с усилиями... *Геидона-царевича* да еще и сопровождается авторским — «Давай, давай, малыш!».

Гигантское сооружение циклотрона после аварийной остановки напоминает физикам — героям очерка Вал. Аграновского «Взятие 104-го» «мину замедленного действия», кото-

рая может надолго задержать их продвижение вперед, к открытию. Сначала, пишет автор, они шли ощупью, гипотеза одного из коллег служила им «веревочкой в метель и пургу». Потом продвигались все уверенней, одолевая «ступеньку за ступенькой». Изредка, в дни удач, их поднимал «лифт» сразу через много ступеней. Будни, удачи, временные поражения — все это передано автором через образы.

Ярослав Голованов, разрабатывая аналогичную тему научного поиска в очерке «Охотники за жар-птицей» (в книге «Путешествие в страну урана». М., 1968), также широко пользуется средствами художественной выразительности. Группа ученых добилась выделения нового элемента таблицы Менделеева, почти неуловимого, но все же существующего, перед тем, как исчезнуть снова, распадаясь, превратиться в другой элемент — фермий. По оставшимся ядрам фермия — их количеству, распределению — ученые могут судить о мелькнувшей «жар-птице» — новом 102-м элементе. Но период полураспада фермия — 25 часов; «Ты куришь сигарету, — а он распадается, ты обедаешь — а он распадается, ты спишь — а он распадается». Ученые почти не едят и не спят, напряженно работая. В публицистическом материале возникает образ «шагреновой кожи», и этот

«чужой» образ, приведенный к месту, неожиданно и ярко характеризует атмосферу работы.

Публицист не регистратор фактов. Его заинтересованность, взволнованность подчеркнуты выразительными средствами языка. Так же, вслед за автором, начинает относиться к изображаемому событию и читатель. Субъективное отношение автора вызывает общественный резонанс, образное воссоздание подводит к выводу. Главное — в способности автора не только наглядно показать, но и эмоционально оценить происходящее. Тогда факты, подтверждающие авторскую мысль или подвергаемые анализу, приобретут и большую самостоятельную ценность. Метод изображения позволит узнать авторскую позицию еще до того, как она прямо высказана.

Вспомним, к примеру, очерк В. Пескова «Речка моего детства» («Комсомольская правда», 29 ноября 1970). Главную мысль очерка — «реки надо беречь» — автор передал через эмоциональное восприятие и сделал это с большим мастерством. Повествование развивается преимущественно в репортажной манере.

Журналист идет по знакомым с детства местам, хочет пройти всем путем речки Усманки — от истоков до устья.

Долго, мучительно долго не удается отыскать в пересохшем русле влажный след: «речка была без воды». Потом виден лишь «травяной призрак реки» — зеленая полоска среди песка и глины, потом — цепочка мелких болотцев и озерков. Наконец начинает пульсировать водная струя, качает камышинку, поплавок на удочке медленно тянет течение.

Речка еще есть, она еще жива, хотя и вырубали нещадно по ее берегам лес, вытапывали лозняки, выкашивали траву (она теперь — «раздетая река»); пересыхают ключи, ручьи, питавшие ее прежде; бодро ездит взад-вперед голубой трактор, распахивая последние луга, «и пыль бурным холстом повисала там, где обычно по осени лежали туманы».

Речка еще жива — она разольется широкими плесами, в них оразится темный лес, звезды, когда лодка поплывет по вечерней тихой воде, и будет слышно, как плещет рыба, как ныряют бобры, как падают желуди. А наутро станет ясно: это плотина собрала, сохранила для бобрового заповедника остатки речки, а дальше, за плотиной лежит черный каньон, по дну которого змеится ручеек: «птичка, прилетевшая искупаться, едва замочила лапки».

Таких образов — попутных эмоциональных оценок изобра-

женной ситуации — у В. Пескова много. Творческая фантазия помогает их увидеть в самых обычных деталях. В хорошей публицистике не должно быть «фона» для публицистического размышления — «просто описания», «просто пейзажа» (того, что журналисты насмешливо называют «оживляжем»). Любая деталь показывает, как факт был воспринят автором. А когда читатели смогут делать выводы прямо из «образного сообщения», это значит, что публицистический материал и авторская позиция будут восприняты как само собой разумеющееся, как доказанное.

Неверно выбранный факт, или плохо показанный, фальшь эмоций, их неестественность дают обратный эффект: не поверив чувствам публициста, читатель не поверит и его выводам. Он психологически окажется неподготовленным к восприятию логических доводов.

Образ — необходимое и очень действенное средство в арсенале публициста. В очерке Ан. Аграновского «Крушение карьеры» в критическую минуту в жизни героя появляются «старые дуплистые ракиты при дороге»: согнутые, покореженные «почему-то они росли не прямо, а вкось. Будто качнулись в стороны от шумной дороги, совсем бы убежали в чистое поле, да нельзя — корни

держат» (сб. «А лес растет». М., 1973). И этот пейзаж далеко не прост: Он подготавливает нас к трудному решению, которое должен принять, мысленно уже приняв герой очерка: остаться там, где жил и работал, переступив через ложную гордость, оскорбленное самолюбие; остаться, чтобы начать все сначала.

В том же очерке есть описание дождливой, сумеречной осени. Сгустились тучи над головой неудачливого руководителя. Ему не только дали понять, он сам понял — делал не то, не так, жизнь зашла в тупик. «Подло было на душе у меня», — скажет он очеркисту и вспомнит, как лили дожди. «И небо висело такое серое, набухшее, влажное, что казалось, ткни рукой в любое место его, и хлынут потоки воды, как с брезента намокшей палатки». Душевное состояние «съездившегося» человека передано необычайно выразительно.

Правда, подобных психологических образов, естественных в очерке, нет, скажем, в корреспонденциях или международных обзорах.

Однако оценка, выраженная образными средствами (например, «раздетая река» у Пескова), уместна в любом жанре: будь то корреспонденция или рецензия, заметка или обзор, статья или интервью. В каждом из них, помимо эмоциональных оценок, возможно

умелое и разностороннее использование сравнений, ярких сопоставлений, ассоциаций, как бы завершающих мысль. Образ в публицистике не только настраивает читателя на авторские размышления, но интерпретирует эти размышления, подчас заменяя прямой вывод.

Уже из немногих приведенных примеров видно разнообразие художественно-образительных средств в современной публицистике. Образность помогает «воскресить» отдельные эпизоды, которые лучше показать, нежели о них рассуждать (и в этом — привлекательность репортажа), передать атмосферу события, воссоздать его ритмы, краски, звуки. А отношение публициста к факту — сочувственное, заинтересованное — предполагает художественное изображение, которое передает впечатления автора так, чтобы читатель сопереживал, постепенно приобщаясь к размышлению. Возможности применения образных средств тут очень многообразны.

Кандидат филологических наук
М. И. ШОСТАК
Тбилиси

СЛУЖАЩИЙ

Слово *служащий* в современном русском литературном языке имеет два значения: 1) «Состоящий на службе, занятый службой»; 2) В знач. сущ. «Лицо, работающее по найму в области умственного труда или непроеизводственного физического труда» (Словарь современного русского литературного языка, М.—Л., 1962).

История слова *служащий* является яркой иллюстрацией процесса его эволюции, обусловленной изменениями в области общественной и экономической жизни. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского нет специальной словарной статьи со словом *служащий*, однако в иллюстрациях к глаголу *служити* содержится одно упоминание о нем: «Служащий же князи Давилови и людье Василькови... ехапа на не...» (Ипатьевская летопись). Словосочетание *служащие люди* стоит в одном ряду со *служилые*, *служебные* (отмечает Г. Е. Кочия в «Материалах для терминологического словаря древней России»). Большая часть имеющихся иллюстраций к слову *служащий* (*служащая*), а также к форме *служащие* указывает на то, что рассматриваемые слова использовались чаще в сочетании со словами *человек*, *девка*, *женка*, *люди* и, таким образом, выступали в функции прилагательного (прилагательное *служащий* восходит, как известно, к причастию).

Однако отдельные примеры, взятые из памятников древнерусской и старорусской письменности, могут свидетельствовать об уже завершившейся субстантивации (субстантивация — переход в класс имен существительных других частей речи) слова *служащий*. Так, в материалах Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. (КДРС) содержится пример с этим словом из памятника XIV века: «И рече служащему створи нама обедь гости ради дньс.

Собра же мало зельица и ядоста» (Пролог XIV в. л. 124). В приведенном контексте слово *служащий* употреблено в значении 'слуга'. В тексте из Никоновской летописи это слово обозначает 'служитель церкви': «И всехъ служащихъ было съ митрополитомъ въ Пречистой и со архиепископомъ ...архиепископовъ и епископовъ... и дїаконовъ 76, опричь подъяковъ» (КДРС — Никоновская летопись, 250). Форму *служащая* в значении 'слуга, служанка' обнаружил Б. А. Ларин в Парижском словаре москвитов 1586 года: «Слузашшая, где твой асударь? Нетъ асударя дома. Слуга, асударыня твоя дома-ль? Нет асударыни дома» (Б. А. Ларин. Парижский словарь москвитов 1586 г., Рига, 1948, с. 65—66). Следующий из наиболее ранних примеров со словом *служащие* в значении 'слуги, служители' относится к 1599 году: «А царицы, государь, и царевичи ихъ малыя дети, и мурзы ихъ, и служащие все далъ богъ здорово, и больного у нихъ никакого человека нетъ» (КДРС — Акты исторические, т. II, 15).

Слово *служащие* в функции существительного встречается в поэтическом произведении XVII века:

Домовладыкам когда час обеда,
Служащим блюсти чиннаго в нем следа.
Осмотрети стол, скатерть белу слати,
Хлеб, соль и лжицы, тарелы собрати.

К а р и о н И с т о м и н. Домострой.

Однако примеры со словом *служащий* (*служащая*) в значении существительного в памятниках XVII века немногочисленны. Так, Е. М. Иссерлин отмечает форму *служащая* в двух из шести переводах на русский язык повести польского автора Старовольского «Двор турецкого султана» (переводы относятся ко второй половине XVII века), где этим словом переведено польское *slużbista*; остальные переводчики передали указанное слово через *служебница*, *служебная*. Словом *служащие* переведено польское *Familja*; в одном ряду с ним даны слова *домочадцы*, *сродники*, *сродственники*, *слуги*. В КДРС текст со словом *служащий* в значении 'слуга' выявлен в памятнике XVII века по списку XVIII века («Повесть бывшего посольства в Португальской земли, история о португальском и бранденбургском мудрецах»): «По отядении же повеле португальской мудрецъ единому от служащихъ своихъ принести капусту кочанъ, еже и бысть мудрецы» (Мудрецы, 278).

В остальных примерах, взятых нами в КДРС, рассматриваемое слово представлено в функции прилагательного: «Да съ нимъ же поехали съ Москвы до корабленой пристани племянникъ жены ево, малой Еремейка Пантелеевъ, да девка, служащая, латышка Ашютка» (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией, II, 424, 1601 г.); «четыре короби моих Ксеньиных

А. С. Янов. В приказе, 1879

з белым платемъ ...служащихъ женокъ и девокъ с белым платемъ четыре короби есть же» (Роспись имущ. умершего слуги Кирилловского мон. 1663...). В Грамотках XVII—начала XVIII веков, изданных в 1969 году, лишь в одном примере засвидетельствовано слово *служащий*: «Днес же послах к тебе гсдю служащего своего отрока Бориска Кузнецова» (№ 52).

В то же время смоленские деловые памятники начала XVII века предоставляют в наше распоряжение настоящее изобилие иллюстраций к слову *служащая* в форме множ. числа *служащие*. Во всех следующих текстах словами *служащая*, *служащие* именуется люди, находящиеся в услужении, слуги: «Дорогобужене Лаврентей Сколов з братьею с Фомою да Довыдам, а у Ловрентея жена служащая жонка да девка да двоя робят»; «Неупокой Сверчков з женою да о нем детей три сына да две дочери да две девки служащие»; «Вдова Ульяна Михайлова жена Козлова, у нее дочерей Наталья да Марья да служащая девка Варварка»; «Вдова Офонасьева жена Тухотевского Марья, у нее детей Василей да Иван да Федор, дочерей Агафья да Марья служащая девка» и другие (Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. под ред. Ю. В. Готье, М., 1912).

В том же значении употреблялись в памятниках начала XVII века слова *человек*, *женка*, *девка* без определения *служащий*, *служащая*: «Вдова Прасковья Иванова жена Тютчева, у нее дети... а людей человекъ Михалъ детина Митка, девка Прасковка да Крестинка»; «Вдова Оксинья Нелюбова жена Порфеньева у нее два

сына...а людей Маначко, а жонка Натальица, Агафьица, Марьица, девки Ульяна, Агафьица, Маланьица, детина Ивашка»; «... а людей человекъ Фролка да детина Федка да жонка Настасьица»; «...у нее две дочери да сынъ да три человека да малай да две жонки да девка».

Словари русского языка довольно поздно отразили переход слова *служащий* в класс имен существительных. В Словаре Академии Российской 1806—1822 годов оно дано с грамматической пометой *прил.* в значении «в службе находящийся». В качестве иллюстрации приведено словосочетание «человек служащий». Так же квалифицируют слово *служащий* и составители Словаря церковнославянского и русского языка 1847 года. И только В. И. Даль впервые зафиксировал его в функции существительного.

Историю слова *служащий* в известной степени повторяет слово *рабочий*, засвидетельствованное в значении существительного лишь В. И. Далем. Правда, в отличие от *служащий*, слово *рабочий* пока не обнаружено в памятниках письменности в функции имени существительного, по-видимому, оно стало существительным позже, чем *служащий*. Дело в том, что процесс вхождения того или иного слова в общее употребление протекал замедленно, в связи с чем многие слова, вошедшие впоследствии в активный словарь общенационального литературного языка, первоначально имели ограниченную территорию распространения. Так, если слово *служащий* «слуга» мы обнаружили преимущественно в северо-западной и западной письменности XVI—XVII веков, то слово *рабочий* (в функции прилагательного) зафиксировано впервые в южновеликорусской письменности.

По мнению С. И. Коткова, появление названия *рабочий* (человек), *рабочие* (люди) на Юге относится к началу XVII столетия (XVI-м веком датируется пример со словом *рабочие* в грамоте польского короля русскому царю). В других областях Московского государства оно в это время еще не употреблялось. (Подробнее об этом смотри: С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVII вв.).

Таким образом, можно предположить, что слова *служащий* и *рабочий* для обозначения лиц, находящихся в услужении (чаще всего это были нанятые люди, реже — служившие по кабале), появились первоначально на разных территориях Русского государства и лишь впоследствии, в процессе становления общенационального русского литературного языка, получили общее распространение. Семантика этих слов не была столь различной, как теперь, хотя *рабочими* (людьми) именовались в южновеликорусской письменности не только люди, находящиеся в услужении, но и (прежде

В. Е. Маковский. Наем прислуги, 1891

всего) нанятые на сельскохозяйственные работы крестьяне (С. И. Котков, там же, с. 224).

В письменности XVIII века значительно чаще, чем слово *служащий* в значении «человек, находящийся в услужении», встречается слово *служитель*. Для обозначения церковных служителей, а также подчиненных вообще, оно существовало еще в древнерусском языке. В XVII, особенно в XVIII, веке слово *служитель* используется не только для наименования слуг, но и, по-видимому, домашних секретарей, письмоводителей, возможно, управляющих в хозяйстве помещика. Как показывают смоленские памятники письменности этого времени, служители были грамотными людьми и писали за своих помещиков (шляхтичей) деловые письма, челобитные, а также ходатайствовали по разным судебным делам; *служители* «прикладывали руки» к челобитным, допросам вместо неграмотных крестьян или помещиков: «Федора Иванова сна Браневского служитель ево Иванъ Яковлевъ вместо крестьянина Петра Фомина по ево прошению руку приложилъ» (Центральный государственный архив древних актов, фонд 712/1, 77, 12, 1743).

Служители составляли обслуживающий персонал в домах крупных помещиков того времени. *Служителями* именовались и лица, служившие в питейных домах, сборщики пошлин и, наконец, лица, служившие в приказах, канцеляриях писцами, канцеляристами и прочими. Использование слова *служитель* в последнем зна-

чения привело к образованию составного термина *канцелярский служитель*, означавшего «лицо, исполняющее обязанности низшего чиновника, но не имеющее чина» (см. Словарь 1847 г.). Об этой должности упоминает, например, Г. И. Успенский в биографическом очерке о Ф. М. Решетникове: «10 июня 1861 года. Слава богу, я определен, 9 числа об определении моем записали в кенгу, касающуюся до службы канцелярских служителей казенной палаты, и вчера просмотрел прокурор. Наконец мои многолетние желания исполнились, и я, с помощью божиею, определен в казенную палату по канцелярии». В XIX веке слово *служитель* в этом значении употреблялось наряду со словом *служащий*.

Таким образом, в XVIII веке слово *служащий* постепенно утрачивает значение «слуга». Одной из причин угасания этого значения явилась многозначность слова *служащий*: служащими (или служащими людьми) называли и представителей духовенства, и людей, находившихся на военной службе (слова *служилые*, *служивые* (*люди*) в XVIII веке постепенно уступают место синонимичному *служащие*). Это слово могло употребляться и в сочетании с наименованиями неодушевленных предметов и явлений: служащая неделя; сосуды церковные служащие серебряные золотые (КДРС).

В значении причастия сочетаемость слова *служащий* была еще более неограниченной. Вторая причина постепенного исчезновения в слове *служащий* значения «слуга» заключалась, по-видимому, в чрезвычайной избыточности лексических средств, использовавшихся в русском языке XVII—XVIII веков для обозначения лиц, находящихся в услужении. Так, для обозначения слуг мужского пола употреблялись слова *слуга*, *человек*, *челядник*, *служитель*, *работник*, *раб*, *холоп* и др.; слуга, бывший молодым человеком, именовался *парнем*, *детиней*, *мальм*, *молодцом*. Слуги женского пола назывались словами *слуга*, *служебница*, *служебная*, *служительница*, *служанка*, *работница*, *раба*, *рабыня*, *женка*, *девка* и так далее.

Как и *служитель*, слово *служащий* в XVIII веке приобретает несколько специализированное значение. Так, например, в Письмах из Франции Д. И. Фонвизина (к сестре) упоминаются *старухи служащие*; в письме к Панину последние именуются как *сестры милосердия*, *больным женщинам служащие*.

В середине XVIII века встречаем в деловой письменности *военнослужащий*. Заметим попутно, что в словари слово *военнослужащий* попало лишь во второй половине XIX века (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Трудно вполне определенно обозначить начало новой жизни слова *служащий*, однако, как показывают исследованные материалы, его можно приблизительно отнести ко второй половине XVIII — началу XIX века. Вместе с тем даже в художественной ли-

тературе XIX века слово *служащий* находит далеко не одинаковое отражение. Так, в первой половине XIX столетия оно встречается довольно редко, хотя именно к этому времени, точнее, к первой трети XIX века, относится включение его в комедию «Горе от ума» А. С. Грибоедовым: «При мне служащие чужие очень редки; Все больше сестрины, свояченицы детки; Один Молчалин мне не свой, И то затем, что деловой. Как станешь представлять к креститишку ли, к местечку, Ну как не порадеть родному человечку!». Совершенно очевидно, что родственники Фамусова выполняли в составе его служащих функции не слуг.

Таким образом, о старом значении слова *служащий* в данном случае говорить уже нельзя. Кроме того, известно, что Молчалин — секретарь Фамусова: «Безродного пригрел и ввел в мое семейство, Дал чин асессора и взял в секретари; В Москву переведен через мое содейство; И будь не я, коптел бы ты в Твери».

Сравнительно редкое употребление слова *служащий* в художественной литературе первой половины XIX века объясняется прежде всего тем, что люди, служившие на государственной службе, именовались *чиновниками*. *Чиновник* — «человек, имеющий какой-либо чин или степень в порядке службы» (Словарь 1847 г.). Лица же, занятые службой, но еще не получившие чина, попадали в разряд просто *служащих*. На это различие между чиновниками и служащими могут указать следующие строки из первых частей «Былого и дум» А. И. Герцена, написанных в середине XIX века: «Несмотря на зловещие пророчества хромого генерала, отец мой определил-таки меня на службу к князю Н. Б. Юсупову в Кремлевскую экспедицию... Для служащих были особые курсы после обеда, чрезвычайно ограниченные и дававшие право на так называемые „комитетские экзамены“. Все лентяи с деньгами, баричи, ничему не учившиеся, все, что не хотело служить в военной службе и торопилось получить чин асессора, держало комитетские экзамены...». *Служащими*, как видим из текста, назывались те, кто уже получил место в той или иной канцелярии, но чина пока не имел.

Слово *служащий* (*человек*) и *служащий* (в значении существительного) не были однозначными. *Служащими людьми* могли называть себя и титулованные лица, крупные чиновники, например: «...все народы в сущности одинаковы; вводите только хорошие учреждения — и дело с концом. Пожалуй, можно приравливать к существующему народному быту; это наше дело, дело людей... (он чуть не сказал: государственных) служащих» (Тургенев. Дворянское гнездо). К служащим людям здесь причисляет себя Панин, служивший в Петербурге чиновником по особым поручениям в министерстве внутренних дел. Служащим человеком именуется Л. Н. Толстой Каренина: «Почти в одно и то же время, как жена

ушла от Алексея Александровича, с ним случилось и самое горькое для служащего человека событие — прекращение восходящего служебного положения...» (Л. Толстой. Анна Каренина).

Во второй половине XIX столетия частотность употребления слова *служащий* резко возросла. В связи с развитием промышленности, сосредоточенной в частном владении или во владении различных обществ, компаний, развивается частная служба, вызвавшая, в свою очередь, рост категории служащих. Чиновническое сословие было занято на государственной службе, или «коронной», как ее еще называли. Служащие же входили в штаты заводоуправлений, железных дорог и т. д.

В произведениях Мамина-Сибиряка, посвященных описанию горнозаводской промышленности, слово *служащий* (*служащие*) употребляется очень часто. Приведем несколько текстов с этим словом: «Когда служащие навели необходимые справки, оказалось, что за Родионом Антонычем рассылка из господского дома бегала целых три раза... Когда служащие вкривь и вкось обсуждали все случившееся, в заводскую библиотеку, которая помещалась в здании заводоуправления, прибежал Прозоров и торопливо сообщил, что на заводы едет Лаптев» (Горное гнездо).

По-видимому, к этому времени относится появление словосочетания *мелкий служащий*: «Первым делом Раисы Павловны было, конечно, сейчас же увидеть заводского Ришелье, о котором, как о большинстве мелких служащих, она до сих пор ничего не знала»; «...благодаря трудам генерала Блинова была воссоздана целая система сокращений и сбережений на урезках заработной платы, на жалованье мелким служащим...» (Горное гнездо). Здесь же мы находим упоминание и о *рядовых* заводских *служащих*, и о *маленьких служащих*, и о *мелкой служащей сошке*, которым противопоставляются служащие, занимающие более высокие должности, например «служащие главной петербургской конторы». О железнодорожных служащих упоминает Г. И. Успенский (Письма с дороги).

Крупные помещики, имевшие в своих хозяйствах заводы, больницы, содержали свой штат служащих: «Это дома служащих, завод, конюшни,— отвечала Анна» (Л. Толстой. Анна Каренина). О наемных служащих, через посредство которых ведется управление в акционерных ассоциациях, говорит Н. Г. Чернышевский («Основы политической экономии» Милля).

Указание на различие, существовавшее между лицами, состоявшими на государственной, «казенной», службе, и людьми, занятыми службой частной, находим и у А. П. Чехова в рассказе «Без места»: «И зачем вам, университетскому, так хочется служить в нашем обществе? Поступали бы, ей-богу, на казенную службу!»; «Отнесся он к моей просьбе очень сочувственно, тем более что образованные

служащие — его любимая мечта...». Однако уже во второй половине XIX века находим, хотя и редкие, случаи обозначения словом *служащие* чиновников: «Приехав к месту своего служения, Степан Аркадьич, провожаемый почтительным швейцаром, с портфелем прошел в свой маленький кабинет, надел мундир и вошел в присутствие. Писцы и служащие все встали, весело и почтительно кланяясь» (Л. Толстой. Анна Каренина). Речь идет в данном случае о служащих одного из присутственных мест в Москве и, следовательно, — о чиновниках.

В произведении Мамина-Сибиряка «Золотуха» в качестве синонимичных словосочетаний употребляются *мелкий служащий* и *маленькая чинушка*: «...практиковался самый простой способ обкрадывания мелких служащих: маленькая чинушка расписывалась в получении двадцати пяти или тридцати рублей жалованья, а в действительности получала всего десять, пятнадцать рублей. Наконец записывалось жалованье мифическим служащим, существовавшим только на бумаге...».

Завершение процесса обновления семантики слова *служащий* связано с изменениями в государственно-административном устройстве, вызванными Октябрьскими событиями. Слово *чиновник* в прежнем его значении «человек, имеющий какой-либо чин или степень в порядке службы» со временем стало историзмом, так как после Октября не стало чиновничьего сословия. Существовавшие раньше различия между «казенной» и частной службами утратились с исчезновением самого понятия «частная служба». Расширилось в связи с этим понятие, обозначаемое словом *служащий*: лица, занятые службой, работающие в области преимущественно умственного труда, вне зависимости от места, занимаемого ими на служебной лестнице, одинаково именуется теперь *служащими*.

Старое слово *служащий*, с обновленной семантикой, оказалось способным выполнить в советскую эпоху свое новое назначение.

Е. Н. БОРИСОВА
Смоленск

ОРГАН

История слова *орган* тесно связана с историей возникновения и развития древнего музыкального инструмента, о котором так проникновенно писал Пушкин:

Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.

Моцарт и Сальери

Родословная *орган*а исчисляется тысячелетиями. Его изобретение приписывают александрийскому механику Ктесибью («Музыкальная энциклопедия», М., 1973). На протяжении времени маленький компактный инструмент совершенствовался и, наконец, превратился в величественный концертный орган со множеством труб, сложным механизмом управления, с несколькими клавиатурами.

С XVI века органом как культовым инструментом стали пользоваться в западных церквях. Позднее он становится известным и в России, но в основном как светский инструмент. Впервые орган и клавикорды (а с ними и музыкантов, играющих на этих инструментах) привез в Россию английский посол Горсей в качестве подарка от английской королевы царю Федору Иоановичу (В. Михневич. Очерки истории музыки в России в культурно-общественном отношении. СПб., 1879). Инструменты понравились. В 1630 году царь Михаил Федорович пригласил из Голландии известных мастеров «органного дела» — братьев Анса и Мельхарта Лун. Вскоре и русские мастера стали делать органы. Один из таких органов был даже послан царем персидскому шаху. При Михаиле Федоровиче «органы и димбалы составляли необходи-

мую принадлежность дворцовой Петешной палаты, при которой находились и постоянные игроки на этих инструментах, цymbальники и органные мастера» (В. Михневич. Там же).

Широкое распространение оргáнов в России началось в эпоху Петра Первого, когда от Западной Европы были заимствованы все образы употребления музыкальных инструментов» («Санкт-Петербургские ведомости», 1856, № 167). В 1697 году за границу было отпразднено «великое посольство», в составе которого был сам Петр Первый. Это посольство побывало во многих странах Европы. Все новое и неизвестное было предметом внимания русских послов. Об этом рассказывают путевые дневники, сохранившие для нас интересные сведения о жизни и культуре других народов того времени. Свидетельствует о том и книга «Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого» (1697—1699), в которой он упоминает об оргáне, увиденном им в Италии, в соборе: «В той же церкви есть у алтаря на левой стороне в стене высоко на хорах оргány, которых подобных, сказывают, нигде не обретается». Автор дает подробное описание инструмента и подчеркивает его принадлежность к церковному ритуалу: «В домах держат для забавы цymbалы и другие мусикийские инструменты кроме орган, а органы ... в домах не держат». Во второй четверти XVIII века, в годы правления Анны Иоанновны, был построен большой оргán в Петербурге в лютеранской соборной St. Petri Kirche. И сделан он был руками русских мастеров.

Обычно название заимствовалось вместе с самим музыкальным инструментом, но иногда оно становилось известно раньше. К числу именно таких заимствований относится слово *orgán*, потому что появилось на Руси еще в период утверждения христианства, задолго до Петровской эпохи. «Вострубим убо, братие, аки в златокованную трубу, в разум ума своего и начнем бити в серебряныя арганы во известие мудрости...» («Слово Даниила Заточника» по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932). Отмечено оно и первыми словарями XVI—XVII веков («Книга глаголемая Алфавит иностранных речей», «Азбуковник и сказание о неудобь понимаемых речах...», «Лексикон Славенороссийский...», составленный всецелым отцом Кирилом Памвою Бериндою, «Алфавит иностранных речей»).

Первоначально слову была свойственна большая вариативность. Оно встречалось в различных формах: *арганы*, *варганы*, *мусикийским арганом*, *орган*, *гудебный сосуд*, *арганы мусикийские*, *органные трубы*.

В XVI—XVII веках значение слова *orgán* было очень расплывчатым: «Мусикия — гудение в гусли, в домры и лыри, и в цymbалы и в прочая струны имущая, вся та мусикия наричюся и ар-

ганы мусикийския» («Книга глаголемая Алфавит иностранных речей»). «Орган — инструмент, орудие, гусли; ари лира» («Лексикон Славенороссийский...», составленный Памвою Берындюю). «Орган — в писании наричется сосуд гудебный яже суть сия: труба, свирель, рог, тимпаны, кимвалы» (Азбуковник и сказание о неудобь понимаемых речах. Цитируется по книге: К. Вертков «Русские народные музыкальные инструменты». Л., 1975).

Примеры говорят о том, что в допетровскую эпоху слово *organ* употреблялось для выражения родового понятия «музыкальный инструмент» (струнный, духовой или ударный). Постепенно, в связи с установлением более тесных контактов с Западом, появлением инструмента в России за словом *organ* закрепляется значение, близкое к современному — «многоголосный духовой музыкальный инструмент, состоящий из труб разной величины и клавиатуры».

Своим происхождением слово *organ* обязано греческому *organon* — «орудие, инструмент». Перешло в латинский в форме *organum* (среднего рода, во множественном числе, именительном падеже окончание -*um*: *organum* — «органные трубы»). Такая форма встречается и в русских источниках XVIII века. Так, в Реестре от 12 декабря 1714 года, составленном по поводу свадьбы Н. М. Зотова, приказывается Анисиму Молярогу, Шпаковскому, Францу Кичилу «быть с органными трубами» (И. И. Голиков. Дополнения к деяниям Петра Великого, М., 1838). Слово рассматривается в этимологических словарях с указанием на греческий или латинский источник заимствования (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка; А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка). Если принять во внимание факт появления инструмента в России, то следует говорить о двойном заимствовании: непосредственно из греческого со значением «инструмент вообще» и из английского — «многоголосный духовой инструмент».

Первое время слово *organ* употреблялось во множественном числе: «В той же церкви позади алтаря на левой стороне стоят органы великие, обвешаны коврами, а строения около тех орган никакого нет»; «...тогда все бывшие там Римляне упали на колени; в то время на хорах играли на органах» (П. А. Толстой. Путешествие стольника...). Это объяснено тем, что обозначало оно родовое понятие — предметы, состоящие из множества частей.

В памятниках XVI века встречается форма *срган* (Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук, СПб., 1906). Данное слово могло относиться и к древнерусскому музыкальному инструменту, «сведения о котором крайне неопределены» (К. Вертков. Русские народные музыкальные инструменты, М.,

1975) и к музыкальному инструменту вообще. Фонетические изменения в слове повлекли за собой и семантические изменения. Словом *варган* стали называть другой музыкальный инструмент, который по форме напоминал подкову с параллельно вытянутыми концами, имеющую в центре стальной язычок с крючком на конце. Историки А. Терещенко («Быт русского народа», СПб., 1848) и В. Михневич (Очерки истории музыки в России... СПб., 1875) считают, что данный инструмент заимствован из соседней Польши. Вероятно, вместе с инструментом пришло и его название.

В связи с существованием в русском языке двух значений слова *варган* ('примитивный инструмент' и 'музыкальный инструмент вообще') — уточнить время его появления в России представляется сложным.

Предшествовали органу органоподобные инструменты меньшего масштаба: позитив, регаль, портатив. Первоначально они назывались *портативные* и *позитивные органы*. Затем на основе этих сочетаний *позитив* и *портатив* начинают употребляться как самостоятельные лексические единицы. Слово *позитив* заимствовано из французского языка в середине XVIII века (фр. *positif* от лат. прилагательного *positivus* — 'поставленный'). 17-томный Словарь, называя первую фиксацию слова, указывает на Новый словотолкователь Яновского (1806). Однако оно отмечается еще раньше во французском Лексиконе Волчкова (1787) и в Словаре Аделунга (1798).

Слово *портатив* во французском языке относится к разряду прилагательных и употребляется вместе с существительным *орган* (фр. *orgue portatif* — 'переносный орган'). Этимологически прилагательное *портатив* восходит к латинскому глаголу — *portare* — 'носить, переносить'. В Словарях XVIII века слово не встретилось. Впервые как название музыкального инструмента оно отмечено в специальных словарях XIX века (Музыкальные словари Г. Римана и П. Перепелицына).

В XVII веке в России, видимо, были известны *регали* (нем. *Regal*, фр. *regale*, англ. *regal*), которые отличались от *портативов* и *позитивов* наличием язычковых труб.

Инструмент появился в Германии около 1450 года и получил широкое распространение в XVI—XVII веках. Этимологически восходит к лат. *rēgŭla* — 'брусок, палка, правило, принцип' (*Enciclopedia della musica*, Milano, 1964). Случаи употребления слова отмечены в Лексиконе П. Берынды и «Алфавите иностранных речей» («Сошь — сопель, пицалка, флетня, фуяра, дуда, сурма, жоломейна, фэстула у органов, або регалов»; «...фэстула у арганов или ригалов»).

Сейчас слова *позитив*, *портатив* и *регаль* как названия музыкальных инструментов ушли в пассивный запас языка в связи с исчезновением самих предметов.

Слово *орган*, напротив, вышло за рамки термина и получило возможность метафорического употребления. С приобретением экспрессивной окраски оно стало встречаться и в художественной литературе: «Город поет, как орган» (М. Горький. Сказки об Италии).

С XIX века у слова *орган* устанавливается еще одно значение — «название разных автоматически заводимых музыкальных инструментов» (17-томный Словарь): Сравните: «...из трактира неслись звуки органа, гремевшего марш тореодоров» (В. Вересаев. Два конца).

В памятниках древнерусской литературы встречается слово *арганик* — исполнитель на ударных инструментах (XVI век, Стоглаз, изд. Кожанчикова, СПб., 1863). В Лексиконе Вейсмана (1731) отмечено слово *органик*. В современном русском языке эта лексическая единица употребляется в значении «органый мастер» или «бродячий музыкант с органчиком, шарманщик». В таком значении отмечено слово и в Словаре Вайсблита (М.— Л., 1926). Находим примеры употребления слова и в художественной литературе: «Девушка пела под аккомпанемент органчика...» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).

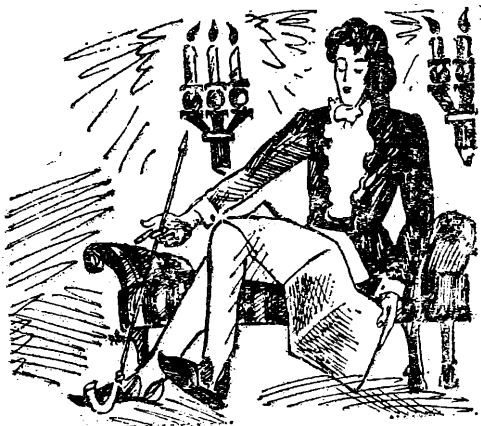
В современном русском языке для обозначения понятия «играющий на органе» употребляется существительное *органист*. Впервые это слово было зафиксировано в 1762 году в «Лексиконе российском и французском...» с указанием на позднелатинское заимствование, хотя примеры его употребления встречаются в конце XVII века: «Да того же числа посылаю из села Преображенского к Москве Симона органиста и его учеников» (Доклады Московского театра, 1674). Известны и другие значения слова: «органый мастер», «композитор, который пишет музыку для органа».

Новые социальные условия позволили женщине освоить ряд профессий, считавшихся ранее монополией мужчин. Так появляются *органистки*. Широко употребительное в современном русском языке слово *органистка*, однако, не фиксируется ни в одном из указанных здесь словарей.

Прилагательное *органый* также образовано в системе русского языка суффиксальным способом и обозначает: «относящийся к органу» и «подобный звукам органа по силе и мощности». Оно впервые зафиксировано в Словаре Срезневского.

Ж. А. НАЗАРОВА
Рисунок В. Комарова

Фельетон

Как термин это слово стало употребляться в связи с французской газетой «Journal des Débats», издатель которой (Бертен-старший) с 28 января 1800 года начал выпускать ежедневное приложение к ней, где печатались театральные рецензии, репертуар театров; позднее к ним прибавились шарады, анекдоты, моды и т. п. Приложение выходило на отдельном листке, отсюда и его название: *feuilleton* — «листок». С 1803 года «листок» потерял свою самостоятельность: Бертен включил его материал в основное издание, в результате чего газета получила новый отдел, а французская газетная терминология пополнилась новым словом — *фельетон*. Материал для фельетона писал один человек — аббат Жоффруа.

В Россию новый термин попал не сразу. Первая попытка ввести его в русское употребление была сделана «Вестником Европы» в 1820 году. В августовском номере журнала в отделе «Смесь» помещен анекдот под названием «Забавная ошибка», где и встречается это слово, причем в сноске ему дается разъяснение: «Так называется отделенная часть печатаемой в лист газеты, где помещаются замечания на новые книги, на играемые в театрах пьесы, на самую игру актеров и пр.». Журнал, основанный Н. М. Карамзиным, предлагал русскому читателю совершенно новое слово и объяснял неизвестное (или малоизвестное) понятие. Однако эксперимент не удался, в то время слово не привилось, видимо, потому, что для Российской жизни явление это было чуждым.

Не вспомнили о слове *фельетон* и через пять лет, когда стала выходить «Северная пчела» с точно таким же отделом, как в «Journal des Débats». Вплоть до середины 30-х годов слово *feuilleton* замещали его русским эквивалентом *листок*. Так, «Московский те-

телеграф», опубликовавший в 1833 году статью Жюль Жанена, блестящего преемника аббата Жоффруа, слово *фельетон* дает в переводе: «Все, что знал я из журналов, были листочки Жоффруа и статьи Дюссо, собранные в книги».

Не дают термина *фельетон* и три толковых словаря русского языка: 1. Ручной словарь употребительных технических слов из наук, искусств и художеств, или Маленькая энциклопедия. сост. Г. К., 1830; 2. Опыт литературного словаря. соч. М. Д., 1831; 3. Общий церковно-славяно-русский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, составленное П. Соколовым, 1834. Однако, полистав тогдашние газеты и журналы, легко почувствовать, что потребность в нем уже ощущается. Литераторы усиленно подбирают подходящее слово; в печати все «пробные» слова выделяются курсивом, чтобы читатель обратил на них внимание. Например: «Предоставим другим журналистам написать о них *рапорты*, к коим приучили нас их известия о театре» («Московский телеграф», 1833); «Лобанов заблагорассудил дать своему мнению форму неопределенную, вовсе не академическую: это краткая статья, в роде журнальных *отметок*, помещаемых в *Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду*» (Словарь языка Пушкина, т. 3).

Потребность в термине объяснялась не только естественным стремлением найти лексическое выражение для нового, уже оформившегося газетного явления: к середине 30-х годов под влиянием фельетонов Жюль Жанена критические статьи в подвале «Северной пчелы» и в журналах стали преобразовываться в особый жанр — занимательную рецензию, где рассуждения о предмете перемежаются остроумными комментариями и легкой болтовней.

Слово было найдено приблизительно в 1836 году. А. С. Пушкин употребляет его без всяких пояснений в статье «Французская академия» («Современник», 1836): «При вступлении своем в Академию Скриб произнес блестящую речь, на которую столь же блистательно отвечал Вильмен, а J. Janin в своем фельетоне осмелял того и другого». Вышедший в начале 1837 года Словарь Ивана Ренофанца зафиксировал: «Фельетон. Листок». Слово еще непривычно: автор дает его во французском произношении и не объясняет, а только переводит. Наконец, в номере от 18 августа 1837 года термин появляется и в «Северной пчеле», которая к тому времени уже 12 лет копировала фельетон газеты «Journal des Débats»: под рубрикой «Словесность» (не в фельетонном подвале) напечатана статья «Фельетонист».

В том же 1837 году фельетон перестал быть монополией «Северной пчелы». А. Ф. Воейков, издатель «Литературных Прибав-

лений к „Русскому инвалиду“, так же, как когда-то Бертек-старший, удлинил формат своей газеты и завел фельетон. К годовому подшивке приложено «Оглавление статей», помещенных в «Литературных прибавлениях» на 1837 год. Раздел V называется «Театр. (Фельетон)». Кстати, в первые шесть лет своего существования (1831—1836) «Литературные Прибавления» о театре не писали. Воейков ввел новую тему и специально для нее — новый (модный!) отдел.

В журналах термин появляется позднее. Впервые удается его обнаружить в «Отечественных записках» 1839 года: «За сим—целые десятки водевилей, которые разве потому только могут принадлежать к литературе, что напечатаны и внесены в каталоги книгопродавцев. Бог с ними! Пусть они наслаждаются хлопотанием зрителей и отхлопыванием газетных фельетонистов». Слово все еще сохраняет офранцуженное произношение, но читателям оно уже известно.

За каких-нибудь два-три года фельетон распространился и упрочился в русской периодике: почва была давно подготовлена и ухожена. Журналисты обрадовались новой форме газетной работы. В начале 40-х годов термин *фельетон* уже употребляется повсеместно, порой даже нарочито. Например, начало болгаринского фельетона «Журнальная всякая всячина» в № 26 «Северной пчелы» за 1842 год: «Фельетонист, начиная свой фельетон, вздохнул весело и свободно... Фельетонист не смеет причислять себя...».

Следующий после «Карманной книжки» Ивана Ренофанца словарь вышел лишь через десять лет — это был «Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отделением императорской Академии наук». В предисловии говорилось, что словарь не включает в себя модные иностранные словечки — и, видимо, поэтому термина *фельетон* там нет. Еще через двенадцать лет, в 1859 году появилось «Объяснение 1000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке». Здесь впервые дается толкование интересующего нас термина: «Фельетонист. Сотрудник в издании газеты, пишущий статьи в его фельетон, т. е. отдел легких рассказов и городских новостей». Такое значение сохраняется в слове *фельетон* вплоть до 40-х годов XX века. Приведем выдержку из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890—1900): «Другие газеты переняли этот отдел, которому стали отводить не добавочный листок, а нижнюю половину одной-двух страниц газетного листа, отделенную чертой от прочего содержания газеты».

Фельетон развивался бурно, сразу в нескольких направлениях — и это отразилось на семантике термина. Наряду со значением 'отдел', 'рубрика' слово *фельетон* приобрело еще один смыс-

ловой оттенок — «жанр». Название отдела постепенно превратилось в название жанра. Словари зафиксировали не только результат этого процесса, но и переходный его этап, когда фельетон понимался не просто как отдел, но как отдел определенного качества, определенной формы. Например: «Фельетон — отдел газеты в форме научно-популярных статей по вопросам политическим, общественным, литературной и художественной критики и пр.» (Брокгауз — Ефрон. Малый энциклопедический словарь. СПб., 1909).

Здесь отражен синтез рубрики и ее содержания, «привязанность» определенного рода литературного материала к рубрике. Такое же, в сущности, толкование дает и Словарь В. Н. Углова (СПб., 1860): «Литературная часть в политических или ученых газетах». «Литературная часть» и «отдел для беллетристики» — все-таки разные вещи. Фельетон перестает быть собранием разрозненных информации и статей, материал его приобретает цельность, подчиняется одной задаче и связывается единым литературным приемом. Это «отдел рассказней» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка), «отдел легкой беседы» (Карманный словарь иностранных слов, сост. Н. Я. Гавкиным. Киев—Харьков, 1898); «отдел пустяков, литературного фиглярства» (Новейший полный словотолкователь..., сост. Мартыновским и Ковалевским. М., 1886) и т. п.

Появилось новое прилагательное — *фельетонный*: «Стиль фельетонный — легкий способ изложения» (Энциклопедический всенаучный словарь, сост. В. Ключников. СПб., 1882). Слово приобрело оттенок неодобрительности, пренебрежительности. Сравните подобное употребление в работе Е. Колбасина «Литературные деятели прежнего времени» (СПб., 1859): «При подобных узких, чисто фельетонных взглядах мог ли Воейков, как журналист, дать серьезное направление своей политической газете?».

Смысловой оттенок «отдел специфической формы» оставался в термине *фельетон* тоже довольно долго — до 30-х годов XX века.

В 1846—1847 годах из него выкристаллизовалось и третье значение — газетный материал особого жанра. Произошло смещение акцентов, перегруппировка уже содержавшихся в термине идей: на первое место выдвинулась идея жанра, а идея рубрики отошла на задний план (но не исчезла совсем! Сравните: «отдел для беллетристики» — «отдел рассказней» — «статьи в специальных отделах»).

Фельетонами стали называться специфические материалы, написанные в форме беседы с читателем или в форме письма; те-

«Санкт - Петербургские ведомости» 1847 года, где печатались фельетоны Достоевского «Петербургская летопись»

матика их весьма разнообразна: от рассуждений об искусстве и литературе до сообщения последних городских новостей и рекламы. Авторы таких фельетонов по сути дела были хроникерами, репортерами. Некоторое представление о жанре фельетона-беседы дает выдержка из «Заметок», напечатанных в «С.-Петербургских ведомостях»: «В понятии некоторых пишущих и читающих фельетон он непременно должен быть сборником городских новостей, приправленных милыми шуточками, и для того бедный фельетонист бегает по всем углам города, ищет новостей, заглядывает во все места сборищ и увеселений народа, а потом рассказывает о них с умильным лицом, с улыбкой танцовщика, выделяющего на театральных подмостках трудное па».

Е. Вердеревский, приглашая в 1854 году М. В. Авдеева сотрудничать в фельетоне газеты «Кавказ», давал ему такие наставления: «Не жалейте крупной соли, пишите, связ перчатки, а когда будете смеяться и острить, смейтесь громче и острите, не боясь, что кто-нибудь заметит: „это уж слишком!“ В одной фразе скажу: сюжеты выбирать должно порельефнее, а если не наберется рельефных сюжетов, так выезжать на стилистике» («Русская старина», 1902, № 8).

Таким образом, в понятие «фельетон» стали вкладывать представление не только о расположении газетного материала на полосе и не только о тематике этого материала, но и об определенной литературной, композиционно-стилистической его форме. Все напечатанное в фельетоне — будь то беллетристика, фельетон-беседа, «письмо с дороги» и т. п. — должно было отличаться от прочего материала газеты своим языком.

В 70—80-е годы слово *фельетон* распространилось и на статьи, написанные живо, остроумно, с литературным блеском — специально для фельетона! Такое понимание термина отражено в «Словаре для всех» под редакцией Ю. Невзорова и В. Рыжова: «Фельетон — статья литературного, критического, научного или публицистического содержания, написанная в легкой форме и помещаемая в определенном месте газеты, обыкновенно в нижней части листа». Примером фельетонов такого рода могут служить статьи П. И. Чайковского, напечатанные в московских газетах «Современная летопись» и «Русские ведомости». Как известно, Чайковский в течение трех лет был постоянным музыкальным фельетонистом «Русских ведомостей». В 1898 году вышла книга его литературных работ под названием «Музыкальные фельетоны и заметки П. И. Чайковского».

И, наконец, последняя метаморфоза русского предреволюционного фельетона, отраженная в лексикографии, — *маленький фельетон*, то есть «краткие статьи в юмористическом стиле» (Малый энциклопедический словарь, изд. Брокгауз — Ефрон, СПб., 1909). По-прежнему слово *фельетон* обозначает специфический газетный жанр, особый способ общения фельетониста с читателем, но сам этот жанр претерпел значительные изменения. Он напоминает юмористический, иногда даже сатирический рассказ, реальные факты причудливо переплетаются в нем с художественным авторским домыслом.

Т. В. ПАРШИНА
Рисунок В. Комарова

КЛОБУК И КОЛПАК

Среди древнейших названий головных уборов особое место занимают слова *клубук* и *колпак*, которые пришли к нам из тюркских языков, но разными путями и в разное время.

Исследователи славянских языков не могли удовлетворительно объяснить происхождение слова *клубук*. Так, А. Брюкнер считает его праславянским заимствованием времен Аттилы из тюркского *колпак* или *калбук*, восходящего к *калабак*. В. Махек отмечает, что прямой источник этого заимствования не установлен, и подчеркивает, что в западославянских языках встречаются варианты формы: чешск. *klobuk* и *kobluk*, польск. *klobuk* и *kobluk*.

Наличие слова *клубук* в древнейшем литературном языке — старославянском и во всех славянских языках свидетельствует о том, что его следует отнести к праславянской эпохе. Это общеславянское заимствование из тюркских языков (приблизительно до VI века нашей эры).

В памятниках древнерусской письменности зафиксированы следующие варианты этого слова: *клубукъ*, *клубукъ*, *клубукъ*. И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» привел уменьшительную форму этой лексемы *клубучьць*: «На главѣ же ношаше рекъше клубоучьць» (Изборник Святослава 1073 г.). В древности слово *клубукъ*, употреблялось как название головного убора русских князей. В этом значении оно впервые упоминается в летописи под 1072 годом. По свидетельству летописца, во время литургии «рече Святослав къ Берновѣ: нѣчто мя на главѣ бодеть, и сня клубукъ» (Полное собрание русских летописей). Этот древнейший вид шапки можно видеть на головах у распорядителей на одной из фресок Софийского собора в Киеве. Вот как описывает этот головной убор Л. Прохо-

рств: «...На головах у них русские шапки, или *клубуки*, у которых опушка обыкновенно была или меховая (соболья или другого какого-нибудь меха), или позументная... верхи шапок были из дорогих золототканых и других материй...» (Л. Прохоров. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1881).

Такое употребление этого слова встречается до второй четверти XVII века. В описании приема царя Араслана царем Михаилом Федоровичем в 1623 году читаем: «а манатья и клубукъ были на немъ, на государь, сажены съ золотыми дробницами» (Собрание государственных договоров и актов).

На Руси клубук приобрел широкую известность как название головного убора монахов в виде высокой шапки с черным покрывалом: «Тльстыми клубуки покрыватися» (Устюжская летопись, 1193 г.); «Да онъ же, патріархъ Никонъ, сдѣлалъ себѣ камилавку и клубукъ рогатый по образу папы Евгенія, что осмой соборъ собиралъ во градъ Флоренци» (Материалы для истории раскола за первое время его существования.— Картотека древнерусского словаря).

О широком бытовании слова *клубук* в древнерусском языке свидетельствует употребление его и производных в роли личных имен: *Клубукъ*, землевладелец, 1465; *Клубуковъ*, московский дворянин, 1556; *Клубучковъ*, стрелец, 1652 (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен, СПб., 1903).

До перехода в собственное имя это слово длительное время употреблялось как нарицательное существительное. По свидетельству Даля, клубуком стали называть и покрывало монашеской камилавки, а также покрывало для певчих птиц и наглазник в виде шапочки (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

Специальное значение в языке охотников приобрела в дальнейшем развитии уменьшительная форма *клубучок* — «колпачок, надеваемый на голову ловчим птицам». В вятских говорах *клубук* обозначает сноп, находящийся наверху суслона колосьями вниз (см.: Опыт областного великорусского словаря, СПб., 1852).

Словообразовательные связи слова основаны не только на его прямом, но и на переносном значении. Так, от слова *клубук* образован глагол *наклубучить*, восходящий к *наклубучить*, то есть «надеть на голову клубук» (17-томный Словарь современного русского литературного языка). Фигуральное значение имеет и разговорное слово *наклубучка* — «строгий выговор, нагоняй» (там же). Даль отмечает следующие производные от слова *клубук*: *клубучник*, *-ница* — «кто носит клубук»; *клубучный*, *клубучковый* — «к клубуку относящийся», *клубучить*, *глобучить* — «надевать клубук»; *клубуче-*

нить — 'надевать клобучок'; *клобученье* ср. клобучка (В. Даль. Толковый словарь).

В древнерусском языке употреблялось устойчивое словосочетание *черные клобуки*. Так называлось тюркское кочевое племя, обитавшее в пограничных владениях Киевской Руси. Название народу было дано нашими предками по головному убору. *Черный клобук* в русском литературном языке обозначает монаха: «Прасковья Ивановна терпеть не могла монахов и монахинь, и никогда черный клобук или черная камилавка не смели показываться ей на глаза» (Аксаков. Детские годы Багрова внука).

Выражение *белый клобук* является названием клобука для митрополитов и патриархов. «Белый клобук» как символ высшей церковной власти послужил темой для древнерусской «Повести о белом клобуке», отразившей борьбу Новгорода с Москвой в XV—XVI веках за сохранение независимости новгородской церкви. В современном русском литературном языке слово *клобук* употребляется как название монашеского головного убора в виде высокого шапки с покрывалом: «Монашеской неволею скучая, под клобуком свой замысел отважный обдумал я, готовил миру чудо» (Пушкин. Борис Годунов). В другом значении — 'шапка в виде колпака с меховым околышем', эта лексема устарела: «Узнают коней ретивых По их выжженным таврам. Узнают парфян кичливых По высоким клобукам» (Пушкин. Из Анакреона).

Значительно позднее пришло в русский язык слово *колпак*. Это восточнославянское заимствование из одного из тюркских языков; ср. древнерусское *колпакъ*, белорусское *каўпак*, русское *колпак*, украинское *ковпак* (в других славянских языках, как в польском, заимствовано через посредство русского) (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

Н. К. Дмитриев считает это слово чагатайским и отмечает его наличие в других языках.

Первоначальное значение слова *колпак*: «Высокая, кверху суживающаяся шапка, с узким меховым отворотом и с одною или двумя прорезами, к которым прикреплялись пуговицы и запоны» (П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия... СПб., 1896).

По мнению Б. А. Ларина (Словарь москвитов 1586 г. Рига, 1959), слово *колпак* вошло в русский язык не позднее XIV века, хотя в письменных памятниках зафиксировано с XV века. Приведем несколько примеров из памятников древнерусской письменности: «А Ивашка Козицица товару семьсот локоть тафты... да кожушь бораней, да епанча да калпакъ съ шапкою...» (Польские дела, т. I, 1490); «а то каменье и жемчуги на колпацъ на моемъ» (Духовная русского князя Ивана Борисовича, 1503); «Да колпакъ стол-

бунь, полицы сажоны жемчугомъ гурмыскимъ» (Духовная угличского князя Дмитрия Ивановича, 1521); «Платье носить [ивые дerviши] обычное: кафтаны, и чуги, и колпаки, и тафьи» (Хождение дьяка Трифона Коробейникова, 1593—1594); «И вельзь Максимьянъ Володимеру и Истомъ състи, и вельзь Володимеру сидя и въ колпакъ рѣчь говорити» (Памятник дипломатических сношений с Римской империей, т. I, 1518) и др.

В XVI веке слова *колпак* и *клобук* употреблялись как синонимы. Так, Лексис Зизаний приводит их в одном синонимическом ряду: *кидар, киверъ, колпакъ турецкій, клобук*. Различались колпаки спальные и комнатные, из простой ткани и без украшений, а также праздничные, украшавшиеся золотом и драгоценными камнями. Так, И. Забелин в книге «Домашний быт русских царей» (М., 1869) описал «колпак ордынский», украшенный жемчугом.

В. И. Даль в своем Словаре отметил некоторые разновидности колпаков, а именно: столбун — высокая, не острая шапка; шелом — круглый сверху; шишак — высокий с шишом (трубкою) и еловцем.

В наше время слово *колпак* обозначает специальные головные уборы поваров, клоунов, а также национальный головной убор башкир.

От слова *колпак* образовались новые слова: *колпачок* (уменьшит.); *колпачный* — «к колпаку относящийся»; *колпачить* — «дурачить, обманывать»; *колпачоватый* — «простоватый, беззаботный»; *черноколпачник* — «тот, кто ходит в черном колпаке».

Интересно употребление этого слова в народных говорах. В архангельских говорах словом *колпак* назывался свадебный головной убор, который надевался невестой. В донских диалектах XIX века слово *колпак* употреблялось как название головного убора замужних женщин. Еще в XIX веке слово обозначало головной убор русинов и представляло собой шапку из лучших мехов с камковым верхом (подробнее см.: Я. Ф. Головацкий. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и Северо-восточной Венгрии, СПб., 1877). В значении «валяный головной убор» лексема эта была известна некоторым западнорусским и южнорусским говорам (Крестьянская одежда населения Европейской России XIX—начала XX в. Определитель, М., 1971).

В прошлом веке широко употреблялось выражение *дурацкий* (шутовской) *колпак*, обозначающее шапку с бубенцами. В XIX веке распространено было выражение *белые колпаки*, относившееся к туркам. Оно было дано, вероятно, по белым чалмам. Устойчивое словосочетание *красный колпак* в прошлом веке было символом свободомыслия, революционных настроений; сравните у Пушкина: «Друзья! немного снисхождения — Оставьте красный мне колпак...» (Товарищам). Выражение *стеклянный колпак* встречается и сей-

час (сравните — *жить под стеклянным колпаком*, перен., об оторванности от окружающей среды, о стремлении избежать внешних воздействий).

Слово *колпак* является составной частью этнонима (этнонимы — названия народов, племен) *каракалпаки*. Это название тюркской народности было дано по черному головному убору (ср. древнерусское *черные клобуки*).

Г. Я. ТОМИЛИНА

Рисунок В. Комарова

ГЛУХОМАНЬ

Глухомань — одно из тех слов, историю которых трудно проследить по тем немногочисленным словарям, где оно зафиксировано.

Краткий этимологический словарь Н. М. Шанского (1961) отсылает нас к В. И. Далю: «Глухомань. Собственно русское. Представляет собой видоизменение (под влиянием слова *манить*) существительного *глухомень* (фиксируется Далем). Гласный *о* между *глух* и *мень* под влиянием сложных слов с *о/е*. *Глухмень* образовано от *глухой* с помощью суффикса *-мень* (ср. подобный суффикс в древнерусском языке: *узмень* — 'узкое место', *сухмень*, *низмень* в *низменный*) (см. Н. М. Шанский. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961) и т. д.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля существительного *глухомань* нет, а есть *глухмень* с пометами «костр., тамб.» «Глухая пора, когда все тихо, безлюдно, нет движения, работы и пр. Глухой сад, лес, запущенный и сильно заросший; дикий, едва проходимый. Глухая нива, поле, заглохшая, заросшая сорными травами».

Кроме словаря В. И. Даля, ни один из словарей, отражающих лексику литературного языка досоветского периода, и региональные словари этого периода не отмечают слово *глухомань*.

Следовательно, оно стало известно литературному языку в советский период.

В повести К. Г. Паустовского «Золотая роза» (1955—1964) читаем: «Первое лесное слово, которое меня совершенно заворожило, было *глухомань*. Правда, оно относится не только к лесу, но я впервые услышал его так же, как слово *глушняк*, от лесников. С тех пор оно связано в моем представлении с дремучим, замшелым лесом, сырыми чащами, заваленными буреломом, с йодистым запахом прели и гнилых пней, с зеленоватым сумраком и тишиной.

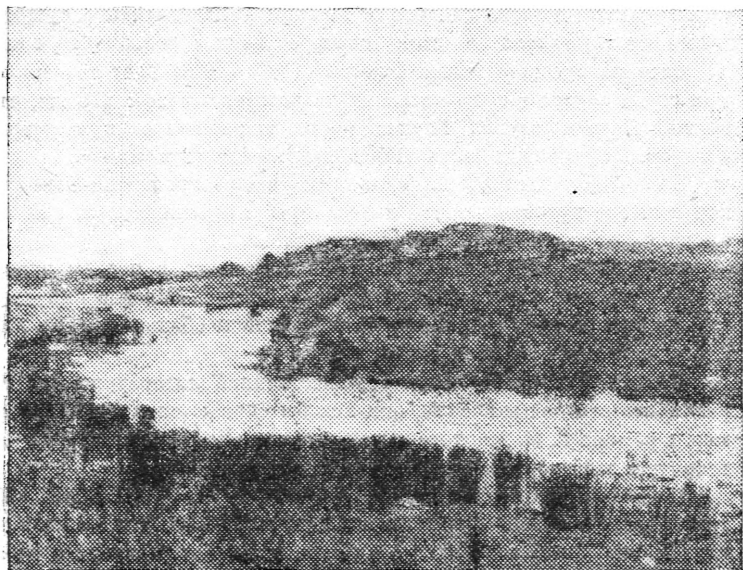
„Сторона ли моя ты сторопушка, вековая моя *глухомань!*“.

Паустовский родился и вырос на безлесном юге и, очевидно, поэтому в средней полосе особенно полюбил леса. Первые «записки для словаря» были о лесах. И слову *глухомань*, которое он записал в свой словарь, дано значение — «непроходимый глухой лес». Именно в этом значении и появилось слово *глухомань* в художественной литературе. В охотничьих рассказах 20-х годов А. В. Перегудова находим такие строки: «А потом я от кого-то услышал или где-то прочитал, что будто бы глухарь — единственная птица, сохранившаяся с каменного века, и еще нетерпеливее стал ожидать встречи с этим древним обитателем лесной *глухомани*» (А. В. Перегудов. Весенние зори. М., 1966).

В 1928 году вышла в свет первая книга романа М. А. Шолохова «Тихий Дон», где слово *глухомань* уже дается в ином значении — «место, удаленное от культурных центров, провинция, захолустье»: «Подите, сотник, познакомьтесь с офицерами, я, знаете ли, не спал три ночи. В этой *глухомани* нам, кроме карт и пьянства, нечего делать».

В этом же значении фиксируется *глухомань* Донским словарем А. В. Миртова (1929). Следовательно, слово *глухомань* во втором значении (захолустье) в конце 20-х годов имело еще ограниченную территорию бытования. Интересен и тот факт, что его нет ни в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, ни в первых изданиях Словаря Ожегова (1949, 1953), но в художественной литературе этих лет встречаются оба значения слова *глухомань*.

В «Севастопольской страде» Сергеева-Ценского (1936—1938) читаем: «Чиновников за казнокрадство судили, ссылали в Сибирь, а там они снова приглашались местным начальством писать в канцеляриях и составлять отчеты, так как грамотных людей было в русских *глухоманях* мало». Здесь слово *глухомань* означает «захолустье». С этим же значением встречается слово в рассказе

А. И. Куинджи. Степь вечером

Б. А. Горбатова «Карпухин с Поляны» (1937—1940): «Теперь можно и вздохнуть легко, всей грудью. Хорошая сторонка, медвежий край, глухомань, гостеприимные дяди в редких избушках на побережье».

В. А. Ажаев в книге «Далеко от Москвы» (1944—1948) употребляет *глухомань* как «непроходимый, глухой лес»: «Странное соседство — эта глухомань и завод, последнее слово техники двадцатого века! — сказал Залкинд».

В очерке под названием «Йошкар-Ола» («Правда», 16 июня 1953) интересны следующие строки: «Этот город, затерявшийся среди лесов и болот, носил с незапамятных времен название Царево-кокшайска. Это название служило в старой России синонимом непроходимой глухомани, заброшенного, медвежьего угла» (то есть *захолустья*).

В 1954 году вышел третий том 17-томного Словаря русского языка, в котором к слову *глухомань* дается пояснение: «Глухая, малонаселенная местность». Здесь же есть ссылка на Словарь Даля («глухмѣнь»). Слово дается без ограничительных помет.

В 4-томном Словаре (1957) слово *глухомань* сопровождается пометой «разг.», толкование здесь несколько иное: «Глухое безлюдное место, глушь». Иллюстрацией служит уже известный нам при-

мер из романа Ажаева «Далеко от Москвы». Следовательно, существительное *глухомань* в этом словаре дано в первом значении.

Словарь русского языка Ожегова (1960—1970) дает оба значения слова *глухомань*, но четко их не разграничивает: «То же, что глушь. Лесная глушь. Глухое место, удаленное от культурных центров. Лесная глухомань. Дореволюционная глухомань».

В 60—70-е годы *глухомань* стало широко распространенным словом в языке художественной литературы и публицистики, причем продолжают жить оба значения этого слова.

В. А. Солоухин использует слово *глухомань* в первом значении — «лесная глушь, непроходимые дебри»: «Московский друг мой не был огорчен внезапным исчезновением обещанной ему лесной глухомани...» (Капля росы).

Иногда в произведениях художественной литературы трудно различить эти два значения, они как бы сливаются в одно, например, в романе Г. М. Маркова «Отец и сын»: «Никогда не думал, что встречу в этой чертовой глухомани такую красавицу».

Подобный пример находим в рассказе Ю. М. Нагибина «На тихом озере»: «Работал я тогда в Сибири, в самой что ни на есть глухомани». Здесь говорится о Сибири, о тайге, где живут и работают люди; место их жилья и работы, быть может, на сотни и тысячи километров удалено от культурных центров. Очевидно, речь идет о втором значении слова *глухомань*. В Словаре синонимов русского языка А. П. Евгеньевой (1970) разграничены оба значения этого слова. В первом случае к слову *глухомань* приведены синонимы: *глушь, дебри, дичь, труппоба*; во втором — *глушь, захо-лустье, дыра, труппоба, медвежий угол или край*. На то и другое значение приведено большое количество примеров из произведений художественной литературы 30—50-х годов.

Трудно определить источник происхождения этого слова. Возможно, оно было только местным, «лесным» словом (в первом значении), на что указывает Паустовский. Возможно, это далевское «глухмень» с пометами «костр., тамб.» или является словообразованием писателя, впервые его употребившего. Однако не вызывает сомнения тот факт, что оно вошло в литературный язык и укрепилось в нем в советский период.

Слово *глухомань* «дебри» 4-томный Словарь русского языка дает как разговорное, но характер использования его в языке художественной литературы противоречит такой оценке. *Глухомань* в первом значении чаще употребляется в авторской речи, во втором — в речи героев, причем, оно не служит здесь задаче создания речевой характеристики.

Если в первом значении оно носит поэтический оттенок и его используют писатели и поэты для пейзажных зарисовок, то во вто-

И. И. Шишкин. Бурелом

ром значении представляет собой выразительный синоним к нейтральному — *захолустье*.

В последнее время слово *глухомань* широко используют молодые советские писатели, поэты, журналисты.

Оно встречается в замечательной книге В. М. Пескова «Шаги по росе»: «Гибли птицы от бескормицы и морозов. Они перекочевали из лесной глухомани на опушки ближе к жилью».

В книге «Америка справа и слева» Б. Стрельникова и И. Шатуновского нам встретилось слово *глухомань* (во втором значении):

«— Что поделаешь, голубушка. Разве в такую погоду заманишь кого-нибудь в нашу глухомань?».

В газете «Сельская жизнь» (12 мая 1971) был напечатан очерк Г. Акуленко «Огни». В нем интересны такие строки: «Как ни горьки были дни отступления, солдаты, оставшиеся в горстке окруженных, решили искать партизанский отряд. Бродили в глухомани. Питались лесными ягодами и кореньями».

Итак, слово *глухомань* в двух значениях прочно утвердилось в современном русском литературном языке в советский период, при этом надежным проводником ему служила художественная литература.

Н. А. СЫСОЛЯТИНА
Рисунок В. Комарова

Вспомогательная историческая дисциплина геральдика (гербоведение) занимается изучением гербов. Название происходит от слова *герольд* (немецкое *Herold*, позднелатинское *heraldus*, от франкского *heriwald* — военное должностное лицо). В Западной Европе в средние века *герольд* — глашатай, церемониймейстер при дворах королей и крупных феодалов, распорядитель на торжествах и рыцарских турнирах.

Слово *герб* происходит от немецкого слова *Erbe*, польского *herb*, означающего 'наследство'. Гербам называют фигуры, или символические изображения-эмблемы, присваиваемые отдельным лицам, фамилиям, родам, корпорациям (средневековым цехам, гильдиям, братствам), а также государствам и их территориям — областям, городам. Характерной особенностью герба является его постоянная принадлежность, преемственность и наследственность. Возникли они в Западной Европе в XI — XII веках. Их появление связано со спецификой рыцарского вооружения той эпохи. Рыцари принадлежали к социальным верхам

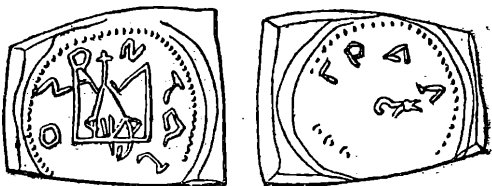
общества и имели богатое снаряжение: шлем, панцырь, латы, наколенники, щит, — то есть были с головы до ног закованы в металл. Узнать рыцаря было невозможно. Для отличия рыцарей друг от друга на их щитах стали помещать особые знаки. Чтобы легче было узнать воина изда- лека, расцветка щита в большинстве случаев соответство- вала расцветке намета на шлеме (намет — ткань, покрывающая шлем для предохранения его от непогоды или от палящих лучей солнца), на верхней части шлема возвы- шался нашлемник, состоящий из повторяющихся фигур щита. На военные игры-турниры рыцари являлись в пол- ном боевом снаряжении и распознать их можно было толь- ко по гербу. Перед турниром герольды объявляли участни- ков игры и описывали внешние приметы каждого — их гербы.

Постепенно были выработаны правила составления гербов, созданы справочные гербовники. В классовом об- ществе обладание гербами стало связываться с определен- ными привилегиями, наличие которых служило доказа- тельством превосходства одного класса над другим. Пер- воначально гербами, их составлением и изменением зани- мались герольды. С XIV века в странах Европы возникают герольдии — учреждения, ведавшие гербами. Так, созда- нием, утверждением, пожалованием и проверкой прав на гербы начали заниматься государственные органы.

Зародившись как система знаний о гербах, принадле- жащих классу феодалов, геральдика с течением времени значительно расширила сферу своего действия. Теперь объектом изучения геральдики являются государственные гербы, территориальные и городские, гербы корпора- ций и дворянские гербы. В процессе существования и разви- тия отличительные знаки в разных странах приобретают свою специфику, которая определяется особенностями и своеобразием исторического развития этих стран.

На Руси первые эмблемы, получившие впоследствии значение гербов, появляются еще в глубокой древности. Со времени существования древнерусского государства до наших дней дошли в большом количестве знаки собствен- ности. Они вырезаны или нацарапаны на мелких предме- тах домашнего обихода, на денежных слитках. Княжеские знаки изображались на медных подвесках, оружии, поя- сах дружинников и воинских знаменах. Ставились они и на изделиях, выполненных ремесленниками — холопами

*Печать князя Изя-
слава Владимировича
(X в.) и княжеский
знак*

*Серебряник князя Яро-
слава Владимировича
Мудрого и княжеский
знак*

*Новгородская печать
с изображением вои-
на в шлеме с копьем
и щитом*

на княжеском дворе. Постепенно княжеские знаки стали изображать на печатях и монетах. В XV веке на государственных печатях Новгородской феодальной республики изображались воин в шлеме с копьем и щитом, всадник, орел, лев, с поясняющей надписью — «А се лют зверь».

На печатях и монетах Псковской феодальной республики помещалось погрудное изображение человека в короне с мечом в руке. Существует гипотеза, что это — псковский князь XIII века Довмонт, объявленный церковью святым. На печатях наместников Пскова, так называемых «Троицких печатях», — изображение Троицы за трапезой. Псковской эмблемой является и изображение барса.

Древнее происхождение имеют эмблемы, составившие русский герб. В конце XIV — начале XV веков на печатях

*Новгородская печать
с изображением всадника*

*Новгородская печать
с изображением орла*

*Новгородская печать
с изображением льва*

московских князей появляется изображение всадника, вооруженного копьём. Еще ранее, в середине XIII века, светский всадник в короне помещался на некоторых печатях князя Александра Невского. Со времени княжения Василия Дмитриевича (1389—1425) изображение светского всадника на печатях приобретает наследственный характер и может считаться гербовой эмблемой, хотя официально гербом его еще не называли. На печатях Ивана III (1462—1505) изображение дополнилось змием, которого всадник поражает копьём. [В начале 70-х годов XV века Иван III женился на племяннице последнего Византийского императора Константина Палеолога — на Зое Фомишине Палеолог. В Москве ее стали называть Софьей.] Как наследник императорского дома, Иван III присоединил к изображению всадника на печати двуглавого орла,

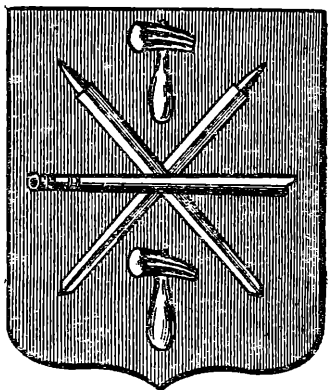
Владимирский герб («Большая государственная книга», 1672)

Герб Тулы (1778) (слева)
Герб Свяжска (1781) →

который являлся гербом Византийской империи. Появление на русских печатях двуглавого орла служило символом преемственности московскими князьями политической власти из Рима и Византии. В дальнейшем это изображение, сочетавшее две основные символические фигуры — всадника и двуглавого орла, подвергается незначительным изменениям. В середине XVII века у орла были подняты крылья, а в лапах он держал атрибуты царской, а затем императорской власти — скипетр и державу. Изменения эмблем связаны с особенностями политического строя страны. Развитие идей абсолютизма в XVIII веке нашло свое отражение в государственном гербе в придании ему особой пышности. После Февральской революции 1917 года Временное правительство не разработало новой государственной эмблемы. Оно лишь несколько изменило старый герб. Было сохранено изображение двуглавого орла (но без корон и всадника, без скипетра и державы), а под ним — здание Таврического дворца, в котором заседала Государственная дума. В народе смеялись над гербом. В прессе помещались карикатуры, изображавшие членов Временного правительства, обдирающих и перекрашивающих старый царский и императорский герб.

Эмблемы территориальных и городских гербов складываются в XVI — XVII веках. На большой государствен-

ной печати изображены всадник и двуглавый орел, на груди которого помещены гербы княжеств, царств и городов, вошедших в состав Русского централизованного государства и включенных в полный царский титул.

Сложение ряда территориальных и городских гербов завершается в XVII веке. Оно нашло отражение в Большой государственной книге, или «Титулярнике» 1672 года. Это была первая попытка создания официального сборника Русских гербов. Помимо государственного герба в нее было включено изображение 33 гербов территориальных и городских, перечислявшихся в титуле русского царя. Составители «Титулярника» частично использовали те изображения, которые были на городских печатях и употреблялись издавна. Из 150 русских городов (не включая городов Украины и Белоруссии) печати имели Новгород, Ярославль, Смоленск, Казань, Псков, Астрахань, Уфа и Терский город, а также города Сибири. Большинство эмблем, помещенных в «Титулярнике», оставалось атрибутами правительственной геральдики и употреблялось для «государевых» знамен и предметов царского обихода. Территориальным и городским эмблемам были приданы элементы христианской символики. В гербах нашла отражение идея опоры царской власти на церковь.

Таким образом, в XVII веке впервые было отмечено наличие в Русском государстве гербов, хотя эмблемы, составлявшие их, возникли в глубокой древности.

В XVIII веке развитие русской геральдики продолжается. В 1722 году образуется Герольдмейстерская контора с должностью герольдмейстера, в обязанности которого входило составление гербов. Первым герольдмейстером был назначен Степан Андреевич Колычев, а в помощь ему «для отправления геральдического художества» был определен Франциск Санти, художник, получивший образование в Париже. С именем Санти связано составление гербов для ряда русских городов. Источниками для их создания ему послужили «Титулярник» 1672 года и рисунки гербов на старых знаменах. Художник придал им форму, принятую в западноевропейской геральдике. В городских гербах были использованы сведения об основных особенностях городов, об их хозяйстве, бытовых условиях, географическом положении. Продолжили работу по созданию городских гербов граф Миних и русский живописец Андрей Баранов. Принципы составления гербов, разработанные Санти и Барановым, легли в основу городских и территориальных гербов. С 1885 года герб становится обязательным для каждого города.

Первые попытки составления гербов для частных лиц относятся к XVII веку. Имеются сведения, что в 1686—1687 годах в Посольском приказе был составлен сборник дворянских гербов, но он не сохранился.

В течение всего XVIII века велась интенсивная работа по составлению гербов для дворян. Одной из обязанностей Герольдмейстерской конторы, учрежденной в 1722 году, являлось составление гербов «всем обер-офицерам, затем дворянам, хотя не служащим в военной службе, но могущим доказать свое дворянство за 100 лет, и иностранцам, доказавшим свои права на их родовые гербы». При Павле I начал составляться и издаваться «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Первые десять томов были составлены в конце XVIII и начале XIX веков и изданы. Остальные 10 томов остались неопубликованными.

Интенсивная работа по составлению и утверждению гербов требовала знаний в области теоретической геральдики. Гербы составлялись по правилам западноевропейской геральдики — сначала французской, а с середины XIX века — немецкой. Но уже в самом начале XVIII века, по распоряжению Петра I, в Голландии была издана на русском языке книга под названием «Символы и эм-

Герб Александра Васильевича Суворова

блемата», неоднократно потом переиздававшаяся в России. К изданиям такого же типа принадлежит книга Нестора Максимовича Максимовича — «Избранные эмблемы и символы», изданная дважды, в конце XVIII века и в начале XIX.

Накопленный к середине XIX века геральдический материал сделал возможным появление одной из первых обобщающих работ по русской геральдике — книги А. Б. Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855), которая прочно заняла свое место в геральдической литературе. Автор подвел итоги развития геральдики к середине XIX века и наметил пути ее дальнейшего совершенствования.

Во второй половине XIX — начале XX веков интерес к геральдике в среде представителей дворянства значительно возрастает. Это объясняется стремлением каждого доказать древность и знатность своего рода.

Среди работ по геральдике конца XIX века следует выделить книги, изданные П. П. Винклером. Особой интенсивностью исследовательская работа по геральдике отличается в начале XX века, в период, непосредственно

предшествующий Великой Октябрьской социалистической революции. В то же время следует отметить, что в работах начала XX века много внимания уделяется чисто внешнему описанию дворянских гербов. Они однообразны по построению и материалу. Меняются род, фамилия, эмблемы герба, но общий характер статей один и тот же. Основная цель — объяснить присутствие в гербе той или иной эмблемы. Научный уровень этих статей не может быть признан достаточно высоким. Геральдика дворянских родов, не успев зародиться, сразу же исчерпала себя.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новые возможности перед геральдикой. Создателем геральдики как вспомогательной исторической дисциплины является В. К. Лукомский, крупный специалист, опубликовавший ряд ценных научных исследований по

● С БУЛАНЦЕМ

Выражения *с буланцем* в толковых словарях нет, хотя оно нередко употребляется в разговорной речи. Можно встретить его и в печатном виде, например, у Н. С. Лескова в «Леоне дворецком сыне»: «Но при всем при том благополучии жизнь Леонова одним была пренесчастная: жена его была с большим буланцем, очень надменное имела о себе мнение и мужа терпеть не любила».

С буланцем, как и многие экспрессивные выражения, не отличается семантической ограниченностью и точностью и означает человека чудаковатого, капризного, норовистого, не очень считающегося с истинными возможностями. Синонимами к нему являются *с(о) бзиком*, *с придурью*, *причудник*, *своекравный и нравный* (в значении 'своенаравный или своеобразный'), *с тараканами*, *с приветом*.

Фонетически *с буланцем* можно было бы объяснить татарским *болан* (олень), к которому и возводится название конской масти *буланый* (см.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Однако, отсутствие данного идиома в словарях указывает на его ограниченное распространение, а следовательно, и на малую вероятность заимствования из татарского, поскольку такие заимствования имеют обычно трех, четырех, пятивековую давность. Семантически объяснение выражения через *болан* явно натянутое.

истории геральдики. Он впервые использовал герб в качестве исторического источника. Работая в Гербовом музее, а затем в Кабинете вспомогательных исторических дисциплин, В. К. Лукомский столкнулся с задачей паспортизации различных предметов — памятников материальных и документальных, несущих на себе герб. Определение происхождения, принадлежности их и датировка осуществлялось с помощью гербовой экспертизы (В. К. Лукомский. Гербовая экспертиза (случай и способы применения). — «Архивное дело», 1939, № 1149). Вопросы геральдики продолжают привлекать внимание советских исследователей. Перед ними стоит важная задача — воссоздание истории новых Советских государственных гербов.

Е. И. КАМЕНЦЕВА

Рисунок Б. Захарова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Никаких, так сказать, басенных качеств, которые могли бы дать повод к сопоставлению оленя с характером человека нет. А уж буланые лошади и подавно такими качествами не отличаются.

Может быть, с *буланцем* образовано от глаголов *буландать* 'говорить бессмыслицу'; *буланить* — 'покрываться облаками, заволакиваться' (см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968) — отсюда возможен перенос — о *помутнении разума*.

Однако выражение почти не употребляется в сельской местности. Оно бытовало (по крайней мере у Лескова это так) в мещанско-чиновничьей среде, является явно городским.

Возникает возможность такой этимологии: с *буланцем* происходит от искаженной формы *баланец*, то есть *баланс*, которая в прошлом веке была распространена в малообразованной городской среде. Торгово-канцелярский термин *баланс* означал для торговца, мелкого чиновника и мещанина некую путаную премудрость. Баланс — это такая путаница, где обычному человеку не разобраться, где возможны самые неожиданные результаты. Отсюда появилось значение странности, причудливости, капризности, своенравности, которое и нашло отражение в форме с *буланцем*.

С. В. Петрова

Осип Максимович БОДЯНСКИЙ

(1808—1877)

Профессор Московского университета О. М. Бодянский был одним из виднейших отечественных славистов середины XIX века, создателем московской школы славяноведения. Образ этого ученого ярко нарисован его учеником А. А. Кочубинским. В своих воспоминаниях он писал: «В понедельник, среду и субботу, с ударом двенадцати часов, подъезжал к крыльцу нового университета извозчик, но не „ванька“, и из дрожек, не без больших усилий, выкарабкивался грузный небольшой человек, а если дело было зимою, то с целою серией шуб и „епанчей“ вокруг своего туловища и подпоясанный поверх всего простым ямщицким кушаком, с красными и зелеными полосками. Проходило несколько минут, пока старик швейцар распоясывал и освобождал прибывшего от его тяжелых пелен, в которых он был словно младенец в колыбели. Это был Бодянский, прибывший на свои двухчасовые, без перерыва, славянские лекции то славянских наречий, то сравнительной грамматики их, то славянских древностей, шедшие в течение четверти века почти без перемены в одном и том же порядке: от языка к истории, и также в течение четверти века — обязательно для целого состава студентов словесного факультета, за исключением еще незрелых — первого курса.

Освобожденный от своих многочисленных покровов (обязательное ношение которых для студентов, конечно, было непонятно и скорее всего рассматривалось как одно из профессорских чудачеств южанина, попавшего на север), Бодянский только изредка заходил в профессорскую, а прямо сворачивал из прихожей направо кругом в коридор, сначала широкий, потом узкий, полутемный, с ас-

фальтовыми полами, ведший его в его святилище славянское — «словесную малую» (...)

Но вот профессор на кафедре (...) Перед слушателями... выдвинулась громадная голова на небольшой широкой шее, заботливо повязанной черным шелковым платком больших размеров или широкою атласной полосой, с негустою растительностью на голове, посередине, с зачесанными на висках волосами вперед гребнем, с большими, но расходящимися, добрыми глазами, причем один был поврежден, с широким большим носом, бритое лицо, но с щетиныстыми, топырящимися в разные стороны большими усами. Пред слушателями был настоящий „запорожский казак” на кафедре.

И свой, словесник, и чужак, юрист или натуралист, знали Бодянского, т. е. слышали об его необыкновенной учености, что он столп науки на факультете, об его семинарской страсти к диспутации; знали, что ни один почти университетский диспут, ниже медицинского характера, не обходился без участия Бодянского, без выпускаемой им в дело кучи, как из рога изобилия, прибауток, пословиц, поговорок на всевозможных языках мира, нередко метких, как бритва,— Бодянского, счастливого, довольного тогда; об его редком добродушии, незлобivosti, мягком украинском сердце, неподкупной честности, прямоте и редкой твердости характера, не позволявшего никогда, ни при каких условиях, ни малейшего компромисса; заставлявшего его непоколебимо упрямо стоять на своем, если что раз признано было им справедливым. Можно спорить смело, без опасения впасть в преувеличение, что едва ли кто когда-либо был из студентов Московского университета, кто об ученом, добром, хотя и угрюмом на вид, благородном Бодянском думал худо. Это был крупный, типичный профессор, характерный, типичный человек. Но также можно утверждать, что едва ли кто из них знал, что Бодянский, кроме этой симпатичной, так сказать, своей наличности, имел за собою еще одну историческую черту — что при официальном признании славянской науки в России университетским уставом 1835 года он явился, как первый магистр новой славянской кафедры в русских университетах, первый с новою ученою степенью, (...), что его энергии, его решимости новая славянская кафедра обязана своим быстрым осуществлением. Да, не будь Бодянского, этого семинариста из переяславской на Днепре бурсе, потом замеченного ученика Погодина и Каченовского в Московском университете первой половины тридцатых годов, погнанного в Москву жаждою знания с медным грошем в кармане, кто скажет, какая бы судьба ожидала новоизданную университетскую кафедру (...)

Своим трудовым авторитетом, своими глубокими и разнообразными сведениями он, без всякой со своей стороны заботы, приобрел прочное положение в университете, стяжал уважение к новой науке не только в ближайшей университетской среде, у слушателей его и в московском обществе, в котором любовь к славянству в начале 40-х годов из области теоретических мечтаний и порывов успела перейти на реальную почву литературы» (А. А. Кочубинский. Осип Максимович Бодянский.— «Славянское обозрение», СПб, 1892).

Осип Максимович Бодянский родился 13 ноября 1808 года в Полтавской губернии в семье украинского священника. После окончания духовной семинарии он в 1831 году приезжает в Москву и поступает на словесное отделение Московского университета, которое заканчивает через три года со званием кандидата. Бодянского привлекают славянская литература и фольклор. Он пишет стихи, печатает первые статьи и рецензии. В 1837 году Бодянский защитил диссертацию «О народной поэзии славянских племен» и стал первым в России магистром славяноведения. Работа молодого ученого была явлением новым и необычным в русской литературе. Вскоре она была переведена на чешский, сербский, итальянский и немецкий языки.

Бодянский внимательно изучает труды чешских ученых, вступает в переписку с пражским славистом П. Шафариком, которому в 1836 году сообщил сведения о границах украинского языка, его диалектах, отличительных особенностях в графике, фонетике и морфологии.

В августе 1836 года Шафарик издал первый выпуск «Славянских древностей». Подвергнув научному анализу памятники письменности, археологические, лингвистические и этнографические данные, он показал роль славян в европейской истории и культуре. Книга имела большое значение не только для науки, но и для пробуждения национального самосознания славянских народов, переживавших период своего возрождения. Воскрешая прошлое, она оказывала на умы большое нравственное влияние.

Русские ученые с нетерпением ждали этот труд. Желая помочь читателям, Шафарик предложил перевести «Славянские древности» на русский язык. М. П. Погодин убедил Бодянского, единственного тогда в Москве знатока славянских языков, взяться за перевод этого труда. В 1837 году в Москве вышли первые две книги первого тома «Славянских древностей», в 1838 году — третья.

В 1835 году в четырех русских университетах (Петербургском, Московском, Казанском и Харьковском) были учреждены кафедры истории и литературы славянских наречий. В России в то время еще не было достаточно подготовленных кадров славистов для за-

нения этих кафедр. Министерство народного просвещения решило направить в путешествие по славянским землям молодых людей с целью изучения языков, литератур и истории западных и южных славян.

В 1837 году попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов поручает Бодянскому подготовить план путешествия. Русское славяноведение в то время только начинало пробивать себе дорогу, оно еще не обогатилось значительными исследованиями, не определило ясно свои цели и границы. Поэтому Бодянский ставил перед собой во время путешествия широкие задачи: основательно познакомиться с языками, литературой, историей, славянскими древностями и разными вспомогательными науками. Особенно большие надежды возлагались на Прагу, так как Чехия в то время благодаря трудам И. Добровского, И. Юнгманна, П. Шафарика, Ф. Палацкого и других ученых стала ведущим центром научных исследований в области славяноведения.

Первого декабря 1837 года Бодянский прибыл в Прагу. Программа его занятий здесь была очень обширной. В письме М. П. Погодину он сообщает: «Прежде всего хочу изучить до мелочей чешский, лужицкий, моравский и словацкий языки с Ш(афари)ком, потом сербский и вендский, далее древнеславянский, историю славян, новейшую особенно: древняя вся почти в Славянских древностях Ш(афари)ка, палеографию, историю славянских литератур и, наконец, славян(скую) нумизматику в Музее, по крайней мере чешскую и что есть из других. Я не ворочусь к Вам без того, чтобы не говорить на всех нынешних славянских языках: это необходимо для живого и плодоносного знания славянщины» (Письма О. М. Бодянского. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1879).

Действительно, Бодянский весьма основательно изучил чешский, словацкий, лужицкий, сербский и болгарский языки, литературу и историю, прочитал многие письменные памятники. Большое значение для него имело знакомство с пражскими славистами: П. Шафариком, И. Юнгманном, Ф. Челаковским, В. Ганкой. Шафарик был для русского путешественника образцом учености, «живой славянской энциклопедией», воплощенном доброты и справедливости. В письме к Погодину от 5 марта 1838 года Бодянский писал: «Он для меня — целая Академия; ему я более всех обязан, и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог мне так пригодиться, как он. Конечно, есть здесь и другие умные, ученые и заслуженные чехи, но они большею частью занимаются одной какой-нибудь отраслью; напротив, Шафарик равно силен и как дома во всех частях славянщины: это целая библиотека, живая энциклопедия всех сведений о славянах. Это каждый день имею я случай замечать, и когда

помыслию — чего это стоило ему при таких крутых его обстоятельствах, недостатках и препятствиях, невольно изумляюсь. Такой деятельности, неутомимости, твердости и любви к своему предмету, такого терпения и борьбы с своей, слишком к нему неблагодарной, судьбой, я еще нигде не встречал» («Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1879).

В сентябре 1842 года Бодянский возвращается в Москву и в звании экстраординарного профессора занимает кафедру истории и литературы славянских наречий. По совету Шафарика он начал работу с практического преподавания славянских языков (чешского, словацкого, сербского, польского) и завершал теоретическими курсами (славянские древности, история славянских литератур, сравнительная грамматика славянских языков).

Основными пособиями для молодого профессора служили «Славянские древности» и «Славянское народописание». Лекции и практические занятия Бодянского пользовались большой популярностью. Бодянский в письме В. Ганке писал: «Слава богу, славянство у нас идет как нельзя лучше и желаннее, особенно в нашем отделении! Студенты так и лезут; как говорится, очертя голову, на все славянское. Ждут не дождутся прихода книг. Испытания университетские по части моего предмета (именно в Славянском народописании (...), Славянских древностях (1-ый период) и переводе с чешского на русский) выпали как нельзя лучше. Дай бог, чтобы они всегда так совершались, если уже нельзя будет краснее! Просто молодежь изумила всех присутствующих своей сметливостью и понятливостью в объяснении чешского подлинника!» (Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, Варшава, 1905).

Филологическую подготовку у Бодянского прошли такие видные ученые, как А. Ф. Гильфердинг, А. А. Котляревский, А. Л. Дювернуа, А. А. Кочубинский, М. С. Дринов, Н. П. Некрасов, А. А. Майков и др.

В 1845 году Бодянский был избран секретарем Общества истории и древностей российских при Московском университете и одновременно стал редактором его «Чтений». Это Общество, основанное в 1804 году, имело право снимать копии с памятников старославянской и древнерусской письменности и публиковать их. Если до этого «Чтения» выходили с большими перерывами, то Бодянский за три года издал 23 тома. Он сам зачастую разыскивал материалы, готовил рукописи, составлял предисловия и примечания. Особенно важное значение имели публикации работ по истории Украины, например: «Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого», «История или повествование о донских казаках» А. Ригельмана, «Краткое историческое описание с Малой России до 1765 г.», «Густынская летопись», «Повесть о том, что случилось

на Украине со времени покорения ее Литвой по смерти Богдана Хмельницкого» и другие.

В 1848 году Бодянский опубликовал в «Чтениях» записки Дж. Флетчера «О государстве Русском или образ правления русского царя». Флетчер, английский посол при царе Федоре Иоанновиче, в своем сочинении, вышедшем в 1591 году в Англии, отрицательно отзывался о некоторых сторонах жизни России и внутренней политике русского правительства. Николай I считал книгу опасной. Книга была запрещена, а Бодянский переведен на службу в Казань. Бодянский с этим не согласился и подал в отставку. И только в конце 1849 года он был восстановлен в профессорской должности.

Кроме изучения и публикации письменных памятников, Бодянский в эти годы много занимался проблемой происхождения славянского письма. В 1855 году им опубликована книга «О времени возникновения славянских письмен», которая была представлена в качестве докторской диссертации.

С проблемой происхождения славянского письма связаны еще две его работы: «Новые открытия в области глаголицы» (1856) и «Кирилл и Мефодий. Собрание памятников, до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся» (1863—1873).

В 1858 году Бодянский снова становится редактором «Чтений». До 1877 года он успел издать около 100 книг этого журнала, где были опубликованы Житие Бориса и Глеба по списку XII века, Житие Феодосия Печерского по списку XII века, Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха болгарского, Собрание великорусских песен П. В. Киреевского, народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким, ряд очерков и исследований по истории славян, описания церковных и монастырских библиотек и многое другое. По справедливому замечанию И. И. Срезневского, «Чтения» «составили библиотеку, необходимую для каждого историка, археолога, этнографа, статистика, языковеда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западнославянской» (И. И. Срезневский. На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе, первых преподавателях славянской филологии.— Сб. ОРЯС, т. XVIII, № 6, 1878).

Стремясь к палеографической точности, Бодянский издавал памятники слово в слово, строка в строку, без разделений слов интервалом, как в подлиннике.

Особенно много Бодянский сделал для перевода чешской научной литературы на русский язык. Кроме «Славянских древностей» Шаферика, он перевел его «Славянское народописание».

«Обозрение древнейшей истории славян сербских», «О Свароге, боге языческих славян», «Расцвет славянской письменности в Булгарии», «Образование слов удвоением корня», а также ряд исследований Ф. Палацкого.

Переводческая деятельность Бодянского имела большое значение как с точки зрения укрепления дружбы ученых двух стран, так и с точки зрения истории русского славяноведения. Ни на один язык труды П. Шафарика так много не переводились, как на русский, способствуя научному обогащению наших народов.

Критические выступления Бодянского против тогдашней системы народного образования послужили главной причиной к тому, что он был забаллотирован в совете университета при очередных выборах и в 1868 году был вынужден уйти в отставку.

С. В. СМЕРНОВ

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

и имеют возможность изучать русский язык, язык Ленина, язык народа, наша дружба с которым, как сказал Фидель Кастро, «нерушима и вечна».

До революции русский язык на Кубе практически не изучался. Сейчас он — самый популярный иностранный язык в стране. Его изучают повсюду: и в крупных городах, и в глухих деревушках Сьерра-Маэстры. Интерес к изучению русского языка все растет. И это понятно. Ведь изучение русского языка открывает нам доступ к изучению ленинизма и опыта социалистического строительства в СССР, к сокровищам русской культуры, содействует воспитанию народа в духе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Кроме того, по мере развития нашего сотрудничества с СССР растет потребность в специалистах, владеющих русским языком.

Изучение русского языка на Кубе

Братская помощь СССР, изучение опыта первой в мире страны социализма имеют большое значение для строительства социализма на Кубе. С каждым днем все прочнее становятся связи Кубы и СССР, растет интерес кубинцев ко всем сторонам жизни советского народа, к его культуре и искусству, к великому русскому языку. Все больше и больше кубинцев знают, хотя изучать

Где конкретно изучается русский язык на Кубе?

Уже в наших начальных школах существуют кружки русского языка, где дети с большим интересом учат русские слова и фразы, поют русские песни. В последнее время русский язык все шире вводится в программы средних школ, институтов и университетов. Для студентов и аспирантов, которые едут учиться в СССР, Министерство образования организовало специальные подготовительные факультеты с интенсивным курсом русского языка. В Гаване есть два специальных института русского языка: Институт имени Максима Горького, который готовит преподавателей русского языка, и Институт имени Поля Лафарга, готовящий переводчиков русского языка.

Почти во всех городах Кубы работают вечерние курсы русского языка. На этих бесплатных курсах преподавание ведется прогрессивными современными методами. Курсы очень популярны среди населения. Желающих учиться на них так много, что вопрос, кого в первую очередь послать учиться на курсы, решается на профсоюзных собраниях.

Но самая массовая форма изучения русского языка на Кубе — это изучение русского языка по радио. Передачи курса «Русский язык по радио» центральная радиостанция Кубы «Радио Ребельде» и Мини-

стерство образования начали в августе 1974 года. Успех этого курса превзошел все ожидания. Только по официальным данным русский язык по радио по программе начального курса и курса повышенной сложности изучают 30 тысяч кубинцев. Но на самом же деле эта цифра значительно выше. Учебные материалы курса «Русский язык по радио» печатаются в журналах. В городах и во многих районных центрах открыты специальные консультационные пункты по этому курсу. «Радио Ребельде» и Министерство образования проводят интересные конкурсы-экзамены по русскому языку. Победители этих конкурсов награждаются русскими сувенирами.

Нам кажется, что чувства многих кубинцев, изучающих русский язык, выразил один из энтузиастов изучения русского языка по радио, работник предприятия «Куба-кофе» Рауль Мариньо Наранхо, который в беседе с корреспондентом журнала «Бозмия» сказал: «Изучая русский язык, я особенно ясно чувствую, как крепнет единство кубинского народа с родиной Ленина. Мне кажется, что изучением русского языка я выражаю также свою благодарность советскому народу за все, что он сделал для нас».

*Преподаватели Университета
Сантьяго-де-Куба*

**ХУАНА МАРГАРИТА ПИОРНО,
ЭБЕРТО ГОНСАЛЕС ЛЕЙБА**

РАБОТА НАД СОЧИНЕНИЕМ

Что значит уметь писать сочинение? И почему считается, что одни умеют писать сочинение, а другие — нет. Думается, что здесь нет предмета для спора: каждый грамотный человек сможет написать хорошее, содержательное, композиционно стройное сочинение. Ведь секрет успеха сочинения заключен не в литературной одаренности автора, а в его любви к литературе, начитанности, усердии в занятиях литературой.

Сочинение — творческая работа, которая не терпит стандарта и единообразия. Поэтому указать единый рецепт хорошего сочинения нельзя. Такого рецепта нет. Но существуют твердые нормы, имеются достаточно проверенные критерии оценок сочинений и на школьных, и на вступительных экзаменах.

После проверки сочинения экзаменаторы обычно пишут маленькие рецензии. В них содержится лаконичный анализ сочинения, указывается на его достоинства и недостатки, дается оценка всей работы. Вот одна из таких рецензий:

«Тема раскрыта поверхностно. Мало использован литературный материал. Нет четкой композиции сочинения, нет яркого заключения. Автор слабо владеет письменной литературной речью».

Перечисленные недостатки указывают на то, чего нет в сочинении, но что непременно должно быть,

А вот другая рецензия:

«Работа очень хороша по содержанию. Привлечен большой литературный материал. Автор последовательно развивает основную мысль, содержащуюся в названии темы сочинения. Работа написана хорошим слогом».

В рецензиях обращено внимание на содержательность сочинения, на его композиционную стройность и хороший литературный слог. Сочинение должно быть абсолютно грамотным. Вот качества, которые составляют достоинство работы. Их и следует добиваться, готовясь к любому сочинению, а особенно к экзаменационному.

Работа над сочинением может быть разделена на несколько этапов. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Прежде, чем писать сочинение, надо понять тему, то есть определить главную мысль, которая вытекает из ее названия, очертить круг вопросов, которые следует затронуть в работе. Вот это проникновение в глубь темы мы будем считать первым этапом работы над сочинением.

Перед нами две темы: «Проблема коммунистической нравственности в романе Н. Островского „Как закалялась сталь“» и «Только вперед, только на линию огня» (Н. Островский). В обеих предлагается проанализировать один и тот же литературный материал — роман «Как закалялась сталь» Н. Островского.

Сразу же скажем об ошибке, которую допускают авторы сочинений, не совсем понявшие суть задания. Несмотря на то, что им предложены разные, непохожие темы, они поступают совершенно одинаково — описывают жизнь Павла Корчагина, создают характеристику образа и этим ограничивают свою творческую задачу. А ведь это не что иное, как недопустимая подмена темы.

Но о чем же в таком случае нужно писать в сочинении, чтобы точно ответить на вопрос, заключенный в названии темы? И нужно ли рассматривать образ Павла Корчагина в сочинениях на темы, названные выше? — Несомненно, образ Павла Корчагина не может остаться за пределами сочинения на любую из названных здесь тем. Но ограничиться рассмотрением образа этого главного героя Островского было бы неверным.

В теме, где речь идет о коммунистической нравственности, уже самим ее названием высказана основная проблема, которая концентрирует нужный материал, застав-

ляя автора сочинения проанализировать образы всех героев романа в свете этой строго определенной проблемы. Когда говорят о нравственности, то имеют в виду принципы и нормы поведения людей как в отношении друг к другу, так и к обществу. Главный принцип, которым руководствуются Павел Корчагин и его друзья — Иван Жаркий, Валя и Сережа Брузжак, Рита Устинович, — вера в коммунистические идеалы. Меряя по Коммуне, как говорил Маяковский, свое отношение к друзьям и врагам, эти герои Островского честны, принципиальны, деловиты и самоотверженны. И ценность других людей они измеряют теми же качествами — коммунистической убежденностью, партийной заинтересованностью в общем деле, способностью отдать свои жизни за торжество коммунистических идеалов.

Но Островский показывает в романе и других комсомольцев — таких, как Цветаев и Дубава. Непроходимая нравственная пропасть отделяет их от людей корчагинского типа. Демагогия, собственнический инстинкт, самолюбование (качества, которые говорят об измене принципам коммунистической нравственности) приводят их к измене коммунистическим идеалам.

Так что же нужно для того, чтобы правильно раскрыть тему, посвященную проблеме коммунистической нравственности?

Пишущий сочинение на эту тему непременно должен продемонстрировать свое умение отыскивать нравственные истоки поступков, совершаемых героями романа, проявить то нравственное чутье, которое позволит правильно оценить идейные и моральные истоки этих поступков. В сочинении на примере героев Островского должно быть показано и то, каким образом коммунистическая идеология, активное участие в строительстве нового мира формируют новую коммунистическую нравственность.

Тема «Только вперед, только на линию огня» наводит на мысль о целом поколении комсомольской молодежи, ринувшейся на борьбу с оккупантами, классовыми врагами, а затем — и экономической разрухой. Стремление идти на передовую линию, на линию огня было свойственно многим комсомольцам 20-х годов. Не только в сознании, но и в крови их была острая потребность стать участниками самых мощных и беспощадных классовых столкновений, своими руками защищать власть Советов и перестраивать мир. Корчагин оказался средоточием самых типич-

ческих черт этого поколения революционной молодежи.

Мы объяснили различие между двумя темами и теперь можем сказать, что понять тему нам помогает скрытый вопрос, который в ней заключен. Его-то и необходимо выделить, чтобы потом ответить на него всем содержанием сочинения. В первом случае вопрос таков: что такое коммунистическая нравственность и как воплощается эта проблема в художественной ткани романа Островского? Из второй темы вытекают следующие вопросы: что означает девиз «только вперед, только на линию огня»? И кто эти люди, для которых девиз стал программой жизни? Написанные сочинения должны быть ответами на сформулированные вопросы.

Когда тема сочинения понятна и определена главная идея работы, наступает время составления плана и написания самого сочинения.

Итак, второй этап работы над сочинением — это составление плана. Обычно не требуется, чтобы текст плана, его отдельные пункты были записаны в самом сочинении и, в частности, в его беловом варианте. Наличие или отсутствие такого плана не влияет на окончательную оценку сочинения. Но совершенно очевидно также, что без плана нельзя написать хорошее сочинение.

Вот как оценивал роль плана Ф. М. Достоевский: «Очень работаю над планом, — писал он в одном из писем, — ... если выйдет план удачный, то работа пойдет, как по маслу. То-то как бы вышел удачный план».

В самом деле, план дисциплинирует ход мыслей, помогает последовательному развитию их в сочинении, регулирует отбор литературного материала. Одним словом, не продумав хорошенько план, автор сочинения заранее обрекает себя на неудачу.

И, наконец, третий этап работы — написание сочинения.

Сочинения состоят обычно из трех частей: вступления, основной части и заключения. Каждая из частей выполняет свою функцию. Вступление, например, ставит задачу, формулирует основную мысль, доказательству которой будет посвящена основная часть сочинения. Написать содержательное и вместе с тем лаконичное вступление — большое искусство. И этим искусством надо обязательно овладеть.

Рассмотрим начало одного экзаменационного сочинения. Тема сочинения: «Творческая работа — это прекрас-

ный, необычайно тяжелый и изумительно радостный труд» (Николай Островский).

«Где взять слова, чтобы выразить мое преклонение перед человеком, сказавшим эти слова? Сколько пришлось выстрадать этому человеку! Никто не знает меры его страданиям! Как тяжело было сохранить в безжизненном теле живую человеческую душу, чуткую, внимательную, мало требующую для себя лично и отдающую свои последние силы!..»

Вряд ли стоит продолжать цитирование, потому что дальше идут точно такие же стенания. А уместны ли они в работе о Николае Островском? Мы только что говорили о высоте духа, о нравственном величии Островского, о том, что где бы он ни находился, он всегда чувствовал себя борцом, солдатом партии, революционером. Откуда же эта унижающая борца жалость? И потом, почему в этом вступлении нет даже отзвука того, что творческая работа — это изумительно радостный труд, который возвращал жизнь коммунисту Островскому? Вступление оказалось неудачным.

А вот вступление другого рода — выразительное, содержательное, удачно подготавливающее раскрытие темы: «Я, как весна человечества, рожденную в трудах и в бою, пою мое Отечество, Республику мою»:

«Отечество! Как много значит для каждого это слово! С ним у человека связано все самое важное, самое значительное в его жизни, все самое дорогое и сокровенное. Мое Отечество — это необозримые, необъятные русские просторы, засеянные поля, прекрасная в своей плодоносной силе земля. Мое Отечество — это первое в мире социалистическое государство, „весна человечества“, пророкотавшая над миром своими первыми грозами и бурями и принесшая всему миру светлое обновление; это яркое весеннее солнце, которое освещает путь к счастью и свободе. Мое Отечество — это, конечно, люди, борцы, герои и победители».

Это вступление оказалось не только прочувствованным, оно сформулировало задачу, которую следовало решить в сочинении.

А теперь поговорим об основной части работы.

Именно здесь, в основной части сочинения, надо раскрыть главную мысль, центральную идею сочинения, проиллюстрировать литературными примерами хорошее знание литературных произведений, ссылками на текст про-

изведения доказать правильность раскрытия темы. Чтобы лучше понять, как все это следует делать, рассмотрим тему «Пути и судьбы крестьянства по роману М. Шолохова „Поднятая целина“». Прежде чем приступить к непосредственному написанию сочинения, надо решить, на какие вопросы наталкивает тема, какие важнейшие мысли должны быть изложены и доказаны в процессе ее раскрытия. Тема ставит вопрос о путях и судьбах крестьянства, изображенного Шолоховым в его романе. Слово *пути* в данном контексте — выбор жизненной дороги. Именно свой путь в трудный исторический момент выбирает крестьянство. О судьбе обычно говорят «счастливая», «удачливая» или наоборот «несчастливая», «горькая». В слове *судьба* постоянно присутствует оценочный элемент, который не утрачивается, если слово употреблено и во множественном числе.

Так каким же был путь русского крестьянина на рубеже 20—30-х годов XX века и какова была его судьба?

М. А. Шолохов показывает коллективизацию крестьянских хозяйств. Социалистическое переустройство деревни проходило при непосредственной помощи рабочего класса. В романе «Поднятая целина» пролетарское руководство, братскую поддержку и помощь рабочего класса крестьянству воплощал образ Давыдова.

Шолохову удивительно удался образ Давыдова — типичнейшего героя эпохи. Революционный матрос, а затем путиловский рабочий, он постоянно находится на гребне революционной волны. Двадцать пять тысяч посланцев партии отправились в деревню, чтобы помочь ей перейти на социалистические рельсы. Давыдов был одним из тех, кто определял в ту пору пути и судьбы крестьян Гремячего Лога. Такие, как он, определяли пути и судьбы всего крестьянства Советской России.

В «Поднятой целине» проблема коллективизации тугим узлом связала все содержание и всех героев романа. И о чем бы ни приходилось учащемуся или абитуриенту писать сочинение: о коммунистах в «Поднятой целине», о борьбе двух лагерей, изображенных в этом романе, или об эволюции крестьянской психологии на примере Кондрата Майданикова — перестройка деревни, коллективизация будут тем пробным камнем, на котором проверяются характеры, убеждения и настроения шолоховских героев. Об этом, конечно, надо сказать во вступлении. — Ведь пути и судьбы крестьян неразрывно связаны с коллективизацией.

В основной же части сочинения должны быть раскрыты две главные мысли. Первая связана с зависимостью судеб крестьян от того, к какой социальной группе они принадлежат: беднякам или кулакам. Линия поведения шолоховских героев, в основном, соответствует их принадлежности к одной из этих групп. Павел Любимкин, Демка Ушаков, Ипполит Шалый — не только сторонники новой крестьянской жизни — они ее защитники и творцы. Иное дело кулаки — Яков Островнов, Фрол Рваный, Тимофей. Нет у колхоза и Советской власти врагов безжалостнее и яростнее, чем они.

Вторая главная мысль романа связана с путями и судьбами крестьян среднего достатка. Успех коллективизации и прочность Советской власти на Дону зависели от того, куда склоняются середняки — основная масса крестьянства. Средняка хотели бы переманить на свою сторону враги партии и Советской власти — кулаки, бывшие царские офицеры, белогвардейцы, жаждущие восстановления своих прежних прав и привилегий. За середняка ведет борьбу и партия большевиков. Ее линию осуществляют на хуторе гремяченские коммунисты.

При организации колхозов на местах допускались серьезные ошибки. Это настораживало крестьян, а иногда даже толкало в сторону врагов Советской власти. Но мудрая руководящая политика партии большевиков, которые не боялись открытой критики своих ошибок, воспитывала в крестьянах полное и безграничное доверие к ее деятельности. Интересен эпизод встречи Половцева с казаками из хутора Войскового. Казаки сначала поддерживали заговорщиков против Советской власти, а после статьи «Головокружение от успехов», опубликованной в «Правде», решительно с ними порвали.

Читаем у Шолохова:

«Половцев отошел к окну, прислонился к косяку спиной, поблел так, что всем стало заметно, но голос его прозвучал твердо, с сухим накалом, когда он, оглядывая всех, спросил:

— Это что же, казаки? Измена?

— Уж это как хотите,— ответил ему еще один старик,— как хотите называйте, но нам с вами зараз не по дороге».

Крестьяне выбрали свою дорогу, свою судьбу, прочно и убежденно встали на социалистический путь развития.

В романе Шолохова уделяется много внимания организации колхоза, его первым и самым трудным шагам.

И все-таки человек-крестьянин, труженик с его тревогами и заботами о своем завтрашнем дне не только не исчезает из поля зрения автора, но вызывает у него самый глубокий, самый задушевный интерес. Роман наполнен очень разными, но, безусловно, живыми образами крестьян, облик которых так же естествен, как и неповторим: кузнец Ипполит Шалый, Павел Любишкин, Кондрат Майданников, Варюха-горюха, дед Шукарь. Общая судьба крестьянства воплотилась в каждом из них, свидетельствуя об огромных трудностях и радостях строительства новой жизни.

Центральное место в романе занимают гремяченские коммунисты. Их руками строится новая жизнь крестьян. Это и члены гремяченской партячейки — Семен Давыдов, Макар Нагульнов, Андрей Разметнов, — и болеющие за общее дело крестьяне, те, кто сумел заглушить в своей душе жалость к собственному добру и поверить в правильность колхозной политики Советского государства. Путь в партию Кондрата Майданникова, Павла Дубцова, Ипполита Шалого закономерен. Он обусловлен их стремлением улучшить жизнь освобожденного от эксплуатации крестьянства и верой в то, что коммунистическая партия и Советское государство защищают жизненные интересы всего трудового народа. Движение крестьянства к счастливой жизни, к социализму может проходить только под ее руководством — вот тот окончательный вывод, который логично и естественно вытекает из нашего анализа темы. Он должен быть выражен в заключении работы.

Какова же функция заключения в сочинении?

Заключение подытоживает, резюмирует предшествующее изложение, подтверждает выполнение той задачи, которую автор сформулировал во вступлении и доказал в основной части сочинения. Вместе с тем, заключение может выйти за узкие рамки предложенной темы и вобрать в себя оценку всего творчества писателя. Приведу пример такого заключения. Им заканчивается сочинение на тему «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс». Рассуждение автора о значении творчества Маяковского, крупнейшего советского поэта, не только хорошо завершает работу, но своим гражданским патристическим пафосом придает ей особую выразительность:

«Советский поэт Маяковский прожил замечательную жизнь борца за счастье людей, труженика для блага своей Родины. Наделенный от природы чудесным поэтическим

даром, свой талант он отдал людям. Писал ли поэт плакаты в РОСТА, читал ли свои стихи перед русскими крестьянами или рабочими Нью-Йорка, он всегда служил своей Родине и ее замечательным людям — преобразователям, борцам, строителям».

Хорошо, если автор сочинения в заключении своей работы соединит прошлое литературы с ее настоящим. Связь мыслей, вызванных классической литературой, с современностью означает, что наша великая литература наталкивает молодежь на глубокие ассоциации, воспитывает в ней лучшие человеческие качества, которые так хорошо проявляются в творческих письменных работах учащихся.

*Кандидат филологических наук
И. К. КРЕМЕНСКАЯ,
доцент факультета журналистики МГУ*

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

**ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ
В ЧУВАШСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА
в 1975—1976 гг.**

1975

1. Значение творчества Н. В. Гоголя в развитии русской литературы.

2. Утверждение исторической правоты революционного народа в поэме А. Блока «Двенадцать».

3. Изображение духовного богатства советского человека — война и труженика (по рассказу М. Шолохова «Судьба человека»).

4. Становление характера молодого человека в изображении современных советских писателей.

2. Героика гражданской войны по роману А. Фадеева «Разгром».

3. Сущность конфликта Евгения Базарова с Павлом Петровичем Кирсановым (по роману И. С. Тургенева «Отцы и дети»).

4. Мой любимый герой советской литературы.

5. Что общего у Молчалина и Скалозуба? (по комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»).

6. Мое понимание образа Печорина (по роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»).

7. Революционная интеллигенция в изображении М. Горького (по роману «Мать»).

8. «Нет героев от рождения, Они рождаются в боях».

(А. Твардовский)

1976

1. Крестьянская доля в изображении Н. А. Некрасова (по поэме «Кому на Руси жить хорошо»).

«...Прекрасный наш язык способен ко всему...»

Александр Петрович Сумароков родился в 1718 году. Его отец Петр Панкратьевич был крестником Петра Великого, человеком весьма образованным по тому времени. После окончания Великой Северной войны, он получил возможность заняться воспитанием своих детей, в числе которых находился будущий знаменитый русский писатель. В дворянской семье Сумароковых существовала традиция преклонения перед личностью Петра как царя-преобразователя, широко распространенная после его смерти в кругах передовой дворянской интеллигенции в России. Эта традиция в значительной степени содействовала укреплению в молодом Сумарокове представлений о просвещенной монархии, сторонником которой он оставался всю жизнь. В одном из ранних своих поэтических произведений он восторженно говорит о реформаторской деятельности Петра:

От начала перва века
Такого человека
Не видало естество.

.....
Петр природу пременяет,
Новы души в нас влагает...

14 лет от роду А. П. Сумароков был отдан в Шляхетский (дворянский) корпус. Ученики корпуса обязаны были присутствовать во дворце во время придворных празднеств. Бывая при дворе, наблюдательный юноша видел фаворитизм, коррупцию, грубость, невежество, крайнюю

распущенность нравов. Все это вызывало в нем не только отвращение, но и желание бороться за справедливость, за нравственное достоинство человека. Средством для этого была любимая им с детства литература. Хорошо зная прекрасные русские народные песни, Сумароков начал свою поэтическую деятельность именно с песен, интерес к которым сохранил на всю жизнь. Песни Сумарокова явились новым словом в русской поэзии того времени. Они отличались легкостью стиха, простотою языка, изяществом психологического рисунка и быстро завоевали большую популярность автору. Вот, например, начало одной из песен:

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь.
Не могу спокойной быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тшусь.
«Тщетно я скрываю сердца скорби люты...»

Некоторые песни Сумарокова не утратили своей эстетической ценности и в наше время. Трудно выразить точнее грусть разлуки двух любящих сердец, чем это сделал он в следующих стихах:

Не плачь так много, дорогая,
Что разлучаюсь я с тобой:
И без того изнемогая
Едва владею я собой!

Песни Сумарокова, доставляя наслаждение современникам, воспитывали в них чувство уважения к сложным душевным переживаниям, делали более гуманными в отношениях друг к другу.

В европейской литературе XVII—XVIII столетий господствовали теория и практика так называемого классицизма. Но в каждой европейской стране это литературное направление имело свои особенности, обусловленные конкретными социальными условиями. Сумароков стал наиболее ярким представителем русского классицизма в литературе. В соответствии с теорией классицизма он верил в человеческий разум как организующую силу, противостоящую хаосу страстей и заблуждений, на этой рационалистической основе построил свое представление о таком человеческом обществе, в котором всем должно управлять разумное начало, а пороки и недостатки должны исчезнуть как противоречащие разуму.

Нормативная поэтика классицизма требовала от писателя изображения не индивидуального человека, а человека «вообще», соответствующего «норме» разума. Стремление к логизированию приводило к строгому делению литературы на определенные виды и жанры, смешивать которые между собой не допускалось. Жанры делились на «высокие» и «низкие». К «высоким» относилась, например, трагедия, а к «низким» — комедия. В трагедии положительные герои не столько действовали, сколько рассуждали о своих мыслях и чувствах. Трагедия строилась по принципу внешнего правдоподобия. Ее действие должно было продолжаться в такой же отрезок времени, какой был нужен зрителю для просмотра, самое большее, в течение одних суток. Сумароков так сформулировал этот закон классицизма в «Эпистоле о стихотворстве» 1747:

Не тщись глаза и слух различием прельстить
И бытие трех лет мне в три часа вместить...

Точно так же единым должно было быть и место, где происходило действие трагедии: в одном доме или в одной комнате.

Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб мне, театр твой, зря, имеячи за Рим,
Не полететь в Москву...

И, наконец, единым должно быть и действие в трагедии, то есть в ней не допускались вставные эпизоды или необязательные для развития сюжета действующие лица. Это могло бы помешать правильному восприятию главной мысли пьесы.

Не представляй двух действ к смешению мне дум;
Смотритель к одному свой устремляет ум.

* * *

Громкая слава Сумарокова как писателя началась после выхода в свет первой его трагедии «Хорев» в 1747 году, хотя эта трагедия не была высшим его достижением в драматургии. Он сам позднее писал о ней: «Я будто сквозь дремучий лес, скрывающий от очей жилище муз, без проводника проходил!». Легко понять, как труден был первый шаг молодому автору в столь ответственном жанре.

Всего Сумароковым было написано девять трагедий: «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Аристона» (1750), «Семира» (1751), «Ярополк и Димира» (1758), «Вышеслав» (1768), «Дмитрий Само-

званец (1771), «Мстислав» (1774). Написанные легкими, запоминающимися стихами с парными рифмами, они пользовались неизменным признанием у зрителей. Это в значительной степени способствовало утверждению постоянного театра в России, первым директором которого был назначен, кстати сказать, именно Сумароков. Трагедии Сумарокова строились на контрастах: добродетели противопоставлялся порок, героям — злодеи, личным страстям — общественный долг. Хотя многие сюжеты автор взял из русской истории, антисторизм трагедий сказывался в том, что древнерусские люди рассуждали в них о чести, о долге, проливали «потoki слез», изъяснялись языком XVIII века, что совершенно не соответствовало характеру древнерусской жизни.

Тем не менее трагедии Сумарокова распространяли идеи просветительной философии и призывали к активной борьбе с произволом самодержавия. Например, в «Дмитрии Самозванце» автор смело заявляет, что не рождение дает монарху управлять народом, а только его личные качества:

Пускай Отрепьев он; но и среди обмана,
Коль он достойный царь, достоин царска сана.
Но пользуется ли нам высокий сан один?
Пускай Димитрий сей монарха русска сын;
Да если качества в нем оного не видим,
Так мы монаршу кровь достойно ненавидим,

Александр Петрович Сумароков
(1718—1777)

* * *

В драматургии Сумарокова значительное место занимают комедии, хотя современники ценили их далеко не так высоко, как трагедии. Из двенадцати комедий наибольший интерес представляет «Рогоносец по воображению», в которой показан быт малокультурной помещичьей семьи. Главные ее герои — Викул и Хавронья — простоватые, но очень привязанные друг к другу супруги. В какой-то мере эта комедия является предшественницей «Недоросля» Фонвизина. Написана она простым языком, речь персонажей пересыпана пословицами и поговорками. Вот как, например, изображается сцена ревности Викула к его достойной супруге:

Хавронья: Фу, батка! как ты бога не боишься? Какая тебе на старости пришла мысль? Как это сказать людям, так они нахочутся! Кстати ли ты это вздумал?

Викул: Как того не опасаться, что с другими бывает людьми?

Хавронья: Я уже баба не молодая; так чего тебе опасаться?

Викул: Да есть пословица, что гром-ат гремит не всегда из небесной тучи, да иногда и из навозной кучи.

Хавронья: Типун бы тебе на язык; какая я у тебе куча?

Поэтическое творчество Сумарокова необычайно разнообразно. Он разрабатывал почти все жанры, темы и формы в литературе русского классицизма. Во многом он был смелым новатором, прокладывавшим пути развития современной ему русской поэзии. Для него не было запретных жанров:

Все хвально: драма ли, эклога или ода —
Слагай, к чему тебя влечет твоя природа;
Лишь просвещение, писатель, дай уму:
Прекрасный наш язык способен ко всему.
Эпистола о стихотворстве

Современникам особенно нравились басни (как тогда говорили, «притчи») Сумарокова. Н. И. Новиков писал о них: «Притчи его почитаются сокровищем российского Парнаса, и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де Лафонтена, славнейших в сем роде» (Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772).

Сумароков писал свои басни (небольшие сатирические сценки) разностопным ямбом. Впоследствии этот стихотворный размер стал обязательным для всех русских баснописцев. В сумароковских притчах высмеивались спесивые вельможи, бюрократы, подьячие, взяточники, даже цари. Особенно гневно обрушивается Сумароков на извергов помещиков, ведущих паразитическую жизнь за счет беспощадно эксплуатируемых ими крепостных крестьян. «Они [пчелы-крестьяне.— Н. В.] работают, а вы их труд ядите», — обращается писатель к жукам-помещикам в притче «Жуки и пчелы» (1752).

Большим достижением Сумарокова был язык его басен: живой, меткий, близкий к просторечию: «В богатстве он до самой глотки...» (Старый муж и молодая жена); «И мыши карачун дала...» (Мышь и слон); «Вор, высунув язык, бежит...» (Пустынный).

Особое место в творческом наследии Сумарокова занимают его сатиры. Наиболее известная из них «Хор к превратному свету» была написана для публичного исполнения на коронации Екатерины II в Москве в 1762 году. Но в полном своем виде она не была допущена к исполнению из-за резких нападок на тогдашний общественный порядок. Сумароков не смирился со сделанными цензурой сокращениями в его сатире. Пропуски в ней он заменил

весьма выразительным припевом, похожим на собачий лай. Например: «За морем хам, хам, хам, хам...». Таким образом, слушателям становилось понятно, что здесь имеется цензурное насилие над автором.

«Хор к превратному свету» написан народным складом, в нем говорится о «заморских» порядках, которые противопоставляются российской самодержавно-крепостнической действительности:

Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют...

Иногда обличение крепостных злоупотреблений достигает у Сумарокова почти Радищевской силы. Так, описывая обед в доме крепостника-помещика, он пишет: «В таком обеде пища — мясо человеческое, а питье — слезы и кровь их [то есть крестьян. — *Н. В.*]. Пускай он *то* сам со своими чадами кушает!». Всю свою жизнь Сумароков не переставал бороться со злом крепостных отношений. Деспот-помещик не имел права, по его убеждению, владеть крепостными крестьянами. В сатире «О благородстве» Сумароков писал с гневом: «Ах! должно ли людьми скотине обладать? Не жалко ль? Может бык людей быку продать?».

Истинное различие между крепостниками-помещиками и крепостными крестьянами Сумароков видел не в их происхождении, а в их нравственности и просвещении:

Какое барица различье с мужиком?
И тот и тот — земли одушевленный ком.
А если не ясней ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.

Сумароков много сделал и для русской журналистики. В 1759 году он начал издавать собственный журнал «Трудолюбивая пчела», ставший первым полностью литературным журналом в России. Сумароков нападал в своем журнале не только на пороки «вообще», но и на отдельных лиц, занимавших тогда высокое положение в правительственных кругах, чем нажил не мало врагов среди самых влиятельных лиц. К концу того же года для Сумарокова выяснилась невозможность продолжения журнала. Но и тут он не хотел подчиниться молча, в последнем номере он открыто заявил: «С Парнаса снисхожу, схожу противу воли» и опубликовал письмо «К издателю „Трудолюбивой пчелы“», в котором от имени читателя говорил

о значении своей литературной деятельности: «Благодарность всех любящих словесные науки и особливо российский язык, которого Вы силу и красоту в разных Ваших сочинениях к общей пользе и удовольствию открыли, и что и ныне новыми Вашими изданиями их удовольствие продолжаете, оставляя способы и правила Вам подражать, заставляет меня к Вам сие писать письмо». Так понимал сам Сумароков смысл всей своей литературной деятельности.

Он обращается к Екатерине II с письмами: «Невежество есть источник неправды; бездельство полагает основание храма его; безумство создает оный; непросвещенная сила, а иногда и смесившаяся со пристрастием укрепляет оный. Разруши, государыня, разруши стены храма сего, повергни столпы его и разори основание! Созиди великолепный храм ненарушаемого правосудия; но прежде того повели собирати потребные ко зданию вещи и основати училища готовящимся исправить и наблюдать предпринятые премудростию твоею законы!».

Конечно, программа «дворянского просветительства», предложенная Сумароковым, совершенно не устраивала Екатерину. Отношение императрицы к поэту с каждым годом становилось все неприязненней. Это заставило Сумарокова в 1769 году оставить Петербург и переехать в Москву, бывшую тогда до некоторой степени оппозиционной придворному Петербургу. Но и здесь его преследовало недоброжелательство и презрительное отношение со стороны царских сановников. В московском театре должна была идти трагедия Сумарокова «Синав и Трувор». Но актеры не успели разучить роли, и требовательный в отношении искусства автор воспротивился ее преждевременной постановке. Тогда вмешался московский главнокомандующий Салтыков, который стал кричать на Сумарокова: «Я на зло тебе велю играть „Синава“ послезавтра». Хотя актеры поддержали Сумарокова, приказ главнокомандующего был выполнен. Сумароков с горя заболел и не был в театре. Отстаивая свое авторское и человеческое достоинство, он написал Екатерине II письмо, жалуясь на произвол Салтыкова. Не получив ответа, он пишет второе письмо. На этот раз Екатерина ответила с подчеркнуто злой иронией: «Первое ваше письмо от 26 января меня удивило, а второе от 1 февраля еще больше... Фельдмаршал [то есть Салтыков.— Н. В.] желал видеть трагедию вашу, сие вам делает честь. Пристойно было в том удовольствоваться первого на

Москве начальника. Советую вам вперед не входить в подобные споры, через что сохраните спокойствие духа для сочинения, и мне всегда приятнее будет видеть представление страстей в ваших драмах, нежели читать их в письмах».

Копию с этого письма Екатерина послала Салтыкову, с тем чтобы он распространил списки с него в Москве. Браги Сумарокова поняли, что поэт впал в явную немилость, открыто перешли к всяческому преследованию его. Но опальный, публично опельмованный поэт не смирился. Он продолжал много писать, отвечая ударами на удары.

Литература не давала Сумарокову необходимых средств для существования. Нужда становилась все острее. Дело дошло до того, что стали описывать последнее имущество поэта: его книги и художественные гравюры, которыми он очень дорожил.

Ненависть реакционных кругов к непримиримому борцу против всяких злоупотреблений и произвола особенно усилилась после того, как стало известно, что поэт полюбил крепостную девушку и женился на ней. Это уже был вызов всему дворянскому «общественному мнению». Родственники первой жены Сумарокова начали процесс против него, чтобы лишить дворянских прав его детей от второго брака. Хотя дело было решено в пользу Сумарокова, но процесс вконец измучил его. Буквально затравленный самодержавием и крепостниками, Сумароков умирал в нищете, впадая порой в полное отчаянье. Даже громкая слава, которой он продолжал пользоваться среди передовых современников, уже не могла утешить его. Он писал с горечью:

Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.

Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
На что писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

Жалоба

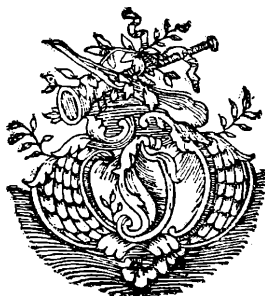
Умер Сумароков в 1777 году. Но дело его жизни не умерло с ним вместе. Оно продолжало приносить пользу родной литературе и русской культуре. Сумароков был высокоталантливым и плодовитым русским писателем XVIII века. Он оказал сильное влияние на дальнейшее развитие русской литературы по пути правды и действительной борьбы за социальную справедливость. На ее знамени

продолжают оставаться начертанными его слова, ставшие афоризмом:

Чувствуй точно,
Мысли ясно,
Пой ты просто
И согласно.

Несмотря на противоречивость и непоследовательность философско-теоретических представлений, Сумароков навсегда вошел в историю великой русской литературы как мужественный борец за лучшее будущее, не перестававший верить в конечное торжество справедливости. Беззаветное служение делу общественного просвещения, работа над совершенствованием русского языка, разнообразие тем, поднятых в сочинениях, страстная любовь к художественному творчеству, сделали его подлинным учителем целого поколения русских писателей. Можно смело утверждать, что развитие русской литературной речи в творчестве Сумарокова достигло высшего выражения в допушкинский период. Русская культура навсегда будет признательна Сумарокову, одному из самых самоотверженных ее деятелей. Младший современник Сумарокова Н. И. Новиков справедливо писал о нем: «Различных родов стихотворными и прозаическими сочинениями приобрел он себе великую и бессмертную славу не только от россиян, но и от чужестранных академий и славнейших европейских писателей» (Опыт исторического словаря о российских писателях, СПб., 1772).

*Доктор филологических наук,
профессор Н. В. ВОДОВОЗОВ*

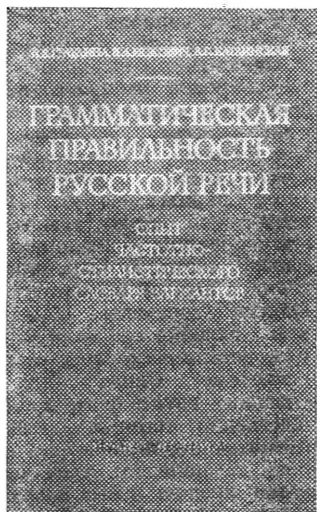

«ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ»

Как правильнее сказать: *Пришло несколько человек* или *пришли несколько человек*? *Контроль за работой*, *контроль над работой* или *контроль работы*? В городе *Мытищи* или в городе *Мытищах*? Как образовать падежные формы существительных: *Ясель* или *яслей*? В *цехе* или в *цеху*? Следует ли склонять фамилии типа *Черных*, *Седых*? Какая форма предпочтительнее: *Свойствен* или *свойственен*? *Промерзший* или *промерзнувший*? *Увидев* или *увидя*? *У нее* или *у ней*? *Двухсторонний* или *двусторонний*? *Внештатный сотрудник* или *нештатный сотрудник*? *Туристский* или *туристический*? *Изготавливать* или *сосредоточивать* или *сосредотачивать*?

На эти и многие другие вопросы, касающиеся грамматических вариантов, можно найти ответ в книге «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (М., изд-во «Наука», 1976; авторы — Л. К. Граудина, В. А. Ипко-вич, Л. П. Катлинская).

Одна из характерных особенностей современного русского литературного языка — наличие разнообразных вариантов, возможность выражения одного и того же значения с помощью различных, конкурирующих форм или конструкций. В последнее

время опубликован целый ряд словарей-справочников, освещающих трудные вопросы современного русского словоупотребления, варианты нормы. В этом ряду находит свое место и новый словарь, посвященный грамматическим вариантам. В первом разделе его рассматриваются варианты синтаксические, во втором — морфологические, в третьем — словообразовательные.

Каждая из словарных статей (всего их 149) содержит развернутый комментарий, дающий сведения о том, в какой речевой ситуации допустим каждый из рассматриваемых вариантов, какова его стилистическая окраска, каковы смысловые отличия от других, сходных форм и оборотов, в необходимых случаях даются запретительные рекомендации, обосновывается ограниченная определенными

сферами допустимость того или иного варианта.

Вот лишь один из примеров. В современном языке получили широкое распространение составные наименования типа *плащ-палатка, сад-ясли, вагон-ресторан, диван-кровать, роман-газета, ракета-носитель*. Спорный вопрос грамматической структуры таких наименований — склоняемость первой части. В большинстве случаев первый компонент подобных составных образований склоняется: *вагон-ресторан, вагона-ресторана, вагону-ресторану*. Однако для нескольких групп слов, преимущественно терминов, нормой является неизменяемость первого компонента: сюда относятся прежде всего названия чинов, званий, должностей (*капитан-лейтенант, инженер-капитан*), составных единиц измерения (*киловатт-час, тонна-километр*). Кроме терминологии, тенденция к несклоняемости первого компонента таких наименований характерна для разговорной речи: *поехал с вагон-рестораном, продажа диван-кроватьей*, хотя подобные обороты и не соответствуют строгой литературной норме. В словаре приводится не только семантико-грамматическая классификация, но и достаточно полный (занимающий 6 страниц) алфавитный перечень таких составных наименований с указанием характера склонения каждого из них.

В книге представлены наиболее употребительные грамматические варианты. Круг этих вариантов был установлен в результате предварительного статистического обследования, итоги которого отражены и в тексте словарных статей. Кроме нормативных и стилистических харак-

теристик, для всех вариантов в словаре приводятся статистические показатели. Они дают сведения о частотности каждого из вариантов — как в абсолютных числах (количество употреблений каждого варианта в выборке текстов, содержащей сто тысяч различных вариантов), так и в процентном соотношении, а также об удельном весе (встречаемости) всех вариантов определенной грамматической формы во всей выборке и тем самым о значимости, актуальности каждого из рассматриваемых явлений в современном речевом употреблении. Показательно, что наиболее частотными, «весомыми» оказались варианты типа *телеателье, парторганизация — партийная организация*, то есть варианты, представляющие собой полное (двусловное) и сокращенное (однословное) обозначение одного и того же понятия.

Приводимые в словаре статистические сведения делают содержащиеся в нем нормативные рекомендации более убедительными, обоснованными, объективными.

Не все высказываемые в словаре характеристики грамматических явлений в одинаковой мере бесспорны. Так, рассматривая названия жителей города, местности с суффиксами *-ец* и *-чанин* (например, *ростовец — ростовчанин*), авторы поставили своей целью всячески «дискредитировать» суффикс *-чанин*, продуктивность которого, заметно возросшая в последнее время, отмечена многими специалистами. Авторы усиленно подчеркивают «неудобство» этого суффикса, его недостаточную продуктивность по сравнению с суффиксом *-ец*, который, кста-

ти говоря, сам по себе в подобной «защите» не нуждается. Такой оценке суффикса *-чанин* противоречат уже приводимые словарем статистические данные, показывающие, что слова на *-чанин* (типа *омчанин, горьковчанин, тамбовчанин*) составляют почти половину (более 43 процентов) всех вариантных употреблений в данной группе. Кроме того, в этой словарной статье не дифференцированно рассмотрены суффиксы (по другой существующей трактовке — варианты суффикса, морфы) *-анин* и *-чанин*, а между тем высокая продуктивность в современном языке характерна лишь для второго из них. Для суждений о современной продуктивности суффикса *-анин* или *-чанин* показательны новообразования, а не старые, традиционно употребляющиеся, в том числе устарелые, названия жителей (вроде *елабужанин, пудожанин, бежечанин, кимрянин, островлянин* и т. п.), обильно вводимые в текст данной словарной статьи. Тем более ничего не говорит о «неудобстве» суффикса *-чанин* наличие старых синонимичных образований с давно непродуктивными суффиксами *-ич* и другими: *омич, острович, пскович, псковитин*.

Эта словарная статья особенно отчетливо показывает, как важно разграничение вариантов, представляющих собою старые, традиционные образования, и вариантов, связанных с живыми продуктивными явлениями современного языка, тенденциями языкового развития.

В целом книгу отличает стройность и единообразие построения словарных статей, включает сюда способ подачи материала, хорошо продуман-

ную систему отсылок и справок. Однако стиль изложения, к сожалению, нельзя признать единообразным. Если некоторые разделы (прежде всего синтаксический) характеризуются строгим научно-описательным изложением, более подходящим для жанра словаря-справочника, то в морфологическом и словообразовательном разделах немало словарных статей, написанных в публицистическом духе, скорее напоминающем журнальную статью. Вряд ли удачно рассмотрение словообразовательных вариантов отчества типа Никитович — Никитич под общим заголовком «Варианты склоняемых и несклоняемых собственных имен».

Несмотря на отдельные неточности, на неровности изложения, «Грамматическая правильность русской речи» заслуживает самой положительной оценки. Книга эта, несомненно, заинтересует всех, для кого не безразличны вопросы правильного словоупотребления, языковой культуры.

В. В. ЛОПАТИН

Л. В. Успенский.

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Известный писатель, автор многих книг, прекрасный знаток русского языка, Лев Васильевич Успенский занимается популяризацией науки о русском языке. Его книги «Слово о словах», «Ты и твое имя. Имя дома твоего», «Загадки топонимии» вышли несколькими изданиями. Научно-популярные статьи, заметки о словах Льва Успенского, публикуемые в газетах, всегда интересны и вызывают многочисленные отклики чи-

тателей. Новая книга Льва Успенского — о русском языке, о практических вопросах овладения высокой культурой речи; она так и называется — «Культура речи». Это небольшая по формату книжечка; выпущена издательством «Знание» в серии «Народный университет, педагогический факультет» (М., 1976).

Есть два вида речи — письменная и устная. Письменной речи учат в школе. Когда нужно начинать учить детей устной речи? Как учить мастерству речи? Что такое культура речи? От каких недостатков в своей речи надо избавиться? На эти и другие вопросы отвечает Л. Успенский в своей книге, которая адресована родителям, воспитателям, учителям, всем, кто учит и хочет учиться мастерству речи.

Будущая речь человека зависит от того, какая языковая атмосфера окружает его с первых месяцев жизни. «...Кто

хочет всерьез ставить вопрос о будущей культуре речи человека, еще только вступающего в жизнь, должен раз навсегда понять: эта „будущая культура“ тысячью нитей связана с „настоящей речевой культурой“ его старшего окружения. Семья в первую очередь». И далее: «...Для формирования речи микроклимат вашей семьи имеет огромное значение. В несчастных семьях, где отец — алкоголик, а мать — забитое им существо, не приходится ожидать, что детишки научатся выговаривать прежде всего нежные и ласковые слова. У родителей, произносящих по слову в час, меньше шансов, что у них вырастут дети-болтуны. И златоустов скорее всего тоже не получится.

Вот почему, пышно говоря, над вратами во храм обучения искусству говорить надо прибить „скрижаль“:

КУЛЬТУРА РЕЧИ НАЧИНАЕТСЯ С КОЛЫБЕЛЬНОГО ВОЗРАСТА»

Те, кто окружает ребенка, занимается его воспитанием, — родители прежде всего, должны гладеть культурой речи, чтобы обучать детей. Вспомним Горького и Пушкина. На их творческую судьбу большое влияние оказали женщины, наделенные талантом поэтической речи. Рядом с Алешей Пешковым оказалась бабушка, речь которой не была похожа на речь окружающих людей. А сказки няни Арины Родионовны оставили глубокий след в жизни и творчестве великого поэта.

Очень увлекательно Л. Успенский на страницах этой книжки рассказал о своих учителях, известных лингвистах — Л. В. Щербе, Б. А. Ларине,

Ю. Н. Тынянов, Б. В. Томашевском и др., которые владела искусством увлекательной речи с кафедры. Писатель Всеволод Вишневский был блестящий оратор, трибун, способный увлечь за собой массы. «Он и вправду, как никто, мог воздействовать на совершенно разных людей, наэлектризовать их, вызвав в них пламя гнева, ярости, высокой гордости прошлым Родины, подвигами отцов...». «Пока он молчал, вообразить нельзя было, что он — оратор. Но вот, без всякой жестикюляции, почти не разжимая губ, как бы сквозь зубы, он произносил фразу, другую, третью... И независимо от вашей воли внутри вас свершалось что-то странное. В вас возникали то гнев, то жалость, то презрение, то надежда — и все в такой степени, какой вы никогда не знали за собой. Вы понимали, если бы этот невысокый человек сейчас воззвал: „Встать! Шагом марш — на передовую!“ — вы встали бы и пошли...».

Истинная культура речи заключается в том, чтобы свободно пользоваться устной и письменной речью, разными ее стилями. Л. Успенский говорит о недостатках устной речи, которые встречаются у говорящих. Следует оберегать свою речь и речь детей от грубого просторечия и вульгаризмов, от штампов и разных словечек, например: «это самое», «вот», «значит», «так

сказать», «железно», «до лампочки». Человек, обладающий высокой культурой речи, должен уметь употреблять диалектизмы, архаизмы, неологизмы.

«Тот, кто хочет владеть хорошей русской речью, должен научиться слышать, запоминать и пускать в дело и синонимы, и в уместных случаях архаизмы и неологизмы, как подслушанные, так по мере возможности и сил и своего исполнения, и диалектизмы всякий раз, когда они могут выразить мысль и чувство говорящего красочней, колоритней, сильней, точнее, неожиданней, чем примелькавшееся литературное гладкое слово.

Все это составляет какую-то долю упомянутой уже мною «палитры» хорошей русской речи. Свободное и умелое пользование этими ее „красками“ и является одним из элементов того, что зовется культурой речи».

В работе над речью детей полезны многие средства: чтение книг, сказок, колыбельные песни, словесные игры и забавы. Читателю предлагаются игры, которые тоже внесут свой вклад в воспитание речевой культуры. В заключение процитируем с небольшим сокращением последнюю главу книги Л. В. Успенского «Культура речи». Глава называется «Вот и конец».

Ю. Ф. ХАУСТОВА

ВОТ И КОНЕЦ

I. Книга эта — не учебное пособие и не работа педагога. Это — свободные размышления литератора, который за всю свою жизнь много прислушивался к языку и речи, много «работал» и над ними, и при их помощи, и наблюдал, как овладевали речью по меньшей мере три поколения детей.

II. Размышления о культуре речи. Под этим термином здесь разумеется свободное владение речью прежде всего устной, а затем уже и письменной, поскольку второе обычно зависит от первого. Говорится здесь о владении не только правильной речью, но и хорошей, т. е. доходчивой, эмоционально окрашенной, обладающей силой воздействия, красивой.

III. Речи хорошей человек обучается всю жизнь, с ее первых и практически до последних дней. Мне скоро 76 лет, а я все еще вношу усовершенствования в оба вида моей речи — и в письменную и в устную.

IV. Важнейшим условием для того, чтобы маленький, а потом и молодой человек овладел культурой речи, является то «поле языковых сил», та «речевая атмосфера», в которую он бывает погружен с самых первых дней своего существования, и до возмужанья по меньшей мере. Поэтому в овладении хорошей речью неизмеримо велика роль семьи, встречающей ребенка в первые месяцы по его прибытии в мир.

V. Правильной письменной речи учит школа, и я советую не мешать ей в этом; она выполнит эту свою задачу лучше нас с вами.

VI. Не существует волшебных таблеток, вложив которые в уста ребенку, вы чудом сделаете его красноречивым оратором. Нельзя сердиться на тех, кому искусство свободной и живой речи не дается. Существует уйма людей высококультурных, которые неважно говорят. Тут, кроме воспитания, действуют и врожденные свойства, в точности, как при обучении музыке или живописи.

Мы же не удивляемся, когда из одного мальчика получается Ойстрах или Ван Клиберна, а из тысячи не выходит даже сносных таперов. Нельзя приходить в отчаяние, если ваш сын или ваша дочь вырастут людьми немногословными, предпочитающими слушать, а не говорить. Это тоже неплохо.

Но каждому из них можно привить минимум вкуса к хорошей речи, отвращение к речи грубой, вульгарной, косноязычной.

Вот за этот минимум и стоит бороться. Успеха вам и вашим питомцам!

Л. В. УСПЕНСКИЙ

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2, 3

Леонов — первоначально отчество от канонического мужского имени Леон (из латин. *leo* 'лев'; латинский язык, как и греческий, имел основу косвенных падежей на *-n (и)*, в данном случае родит. пад. *le-onis*, поэтому здесь *-н*). Имя было у русских редким, а позже совсем вышло из употребления, но с ним смешалась краткая форма от других канонических имен Леонтий и Леонид.

Лесанов — первоначально отчество от просторечной формы Лесан из канонического мужского имени Александр. Аналогичны фамилии Лесин, Лескин — от форм Леса, Леска из того же имени.

Лешаков, Лешуков — первоначально отчества от прозвищ из нарицательных *лешак, лешук, леший* — мифологическое существо, хозяин леса.

Ликун — фамилия связана с диалектным словом *ликун*; по сообщению В. И. Тагуновой (на 2-й конференции по ономастике Поволжья, 1971 г.), так в некоторых местностях Владимирской области называют произносящих и вместо безударного гласного *е*.

Лимарев — первоначально отчество от именованья отца по занятию: *лимарь* — мастер, который изготовлял ремennую конскую сбрую (из немецкого *Riemer*), в русской речи фонетически изменено — первый из двух одинаковых звуков расподобен: *р-р* заменено на *л-р* (Рымарев — Лимарев), это явление называют регрессивной диссимиляцией.

Лисин — первоначально отчество от русского нецерковного мужского имени Лиса.

Листратов — первоначально отчество — *листратов сын* от обиходной формы Листрат, в которой смешаны два канонических имени: Евстратий (древнегреч. 'благородный воин', просторечная русская форма Елистрат) и Каллистрат (древнегреч. 'воинская краса'). Фамилия засвидетельствована в различных местностях, например: 18 человек в с. Шиморское Меленковского уезда Владимирской губернии, 1897 год (Владимирск. обл. архив, ф. 433, оп. 1, № 119), 31 человек в с. Аристовка Городищенского уезда Пензенской губ., 1917 год (Пензенск. обл. архив, ф. 158, оп. 3, № 2787), 12 человек в

с. Манасьево Волоколамского уезда Московской губернии, 1916 год (Центральный исторический архив в Ленинграде, ф. 433, оп. 3, № 123). Очевидно, форма Листрат была общераспространенной. Встречаемая гораздо реже фамилия Нистратов, вероятно, обязана дальнейшему изменению просторечной формы имени: Каллистрат → Листрат → Нистрат.

Лихарев — первоначально отчество от прозвища Лихарь из архаического нарицательного *лихарь* 'злюка, колдун'.

Лихачев — первоначально отчество от древнерусского нецерковного имени Лихач, зафиксировано еще в 1161 году: Ипатьевская летопись упомянула в Киеве «двор лихачев попов», то есть двор попа Лихача, в 1464 году записан монастырский послух Лихач Сахаров (то есть Лихач сын Сахара), в словаре Н. М. Тупикова приведены и другие примеры. Само имя образовано суффиксом *-ач* (он обозначал деятеля или носителя качества) от общеславянской основы *лих* 'избыток', давшей в русском языке гнездо слов с самыми противоположными значениями: 'смелость, излишество', 'зло, горе, беда' и др.; неясно, с которым из этих значений связано имя; *лихач* могло означать или удалого, или скверного, или лишнего ребенка. В качестве третьего члена именованного оно документировано в 1495 году: «мита олексеев сын лихачев», но это еще не фамилия, а «дедчество».

Ломовцев — первоначально отчество 'сын ломовца' от именованного отца по месту военной службы и соответственного земельного поместья за нее: ломовец — приписан-

ный к одному из двух уездных городов XVI—XVII веков — Нижний и Верхний Ломов (на территории современной Пензенской области).

Лутохин, Лутошин, Лутошкин — отчества от прозвища в форме Лутоха, Лутоша, Лутошка из старинного русского слова *лутоха*, обозначающего липу, с которой содрана кора. Прозвище могло обозначать занятие или характеризовать худого, иссохшего, как ободранная липа (или из имени Лукьян).

Лутошников — первоначально отчество 'сын лутошника' от наименования отца по занятию: лутошник промышлял обдиркой лип на лыко.

Лызлов — первоначально отчество от прозвища *Лызло*. Основа прозвища — диалектное слово *лызло* 'длинный, нескладно сложенный'.

Лыткин — фамилия связана со старинным русским словом *лытка*, обозначающим ногу и ее части, глагол *лытать* 'убегать, скитаться, отлынивать от дела'. Прозвище *Лытка* зафиксировано в Новгороде в 1478 г., неоднократно в писцовой книге города Ярославля 1671 г.; вероятно, новгородцами оно и занесено в пермские земли, где к концу XIX века нередка фамилия Лыткин. Всероссийская перепись 1897 года документировала эту фамилию в Зауралье в формах Лыдкин и Лыткин (Юргинская волость Ялуторовского уезда, Гаринская волость Туринского уезда. — Тобольский архив, фонд 417, связка 214, 189), — это не ошибка писцов: в севернорусских говорах слово *лыды* 'ноги' или 'длинные ноги' (по Далю — восточнорусское и вологодское).

В. А. НИКОЛОВ

Продолжение следует

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ДИНАСТИЯ

Читатели Н. Е. Гладкова из Жданова, Ф. И. Морозов из Стародуба, В. Э. Седых из Иркутска, Н. Е. Дроздова из Павлограда и другие спрашивают: правомерно ли употребление в настоящее время слова *династия* по отношению к рабочим, колхозникам, служащим и другим категориям трудящихся? Ведь это старое слово раньше употреблялось только тогда, когда говорилось о царях, королях. Например, династии Гогенцоллернов в Германии, Валуа и Бурбонов во Франции, Габсбургов в Австро-Венгрии, Рюриковичей и Романовых в России.

Данный вопрос интересен прежде всего тем, что затрагивает такой языковой процесс, как переосмысление слов применительно к новым явлениям действительности.

Как известно, любые изменения в языке тесно связаны с историей общества. Коренные перемены в общественной, экономической, культурной жизни нашей страны после Великой Октябрьской социалистической революции оказали очень большое влияние на общественно-политическую лексику. В наш речевой обиход вошли такие, например, слова, как *Советы, комсомол*. Были заменены названия, обозначавшие дореволюционные учреждения, привилегии, должности, сословные различия. Одни из старых слов (например, *городовой, дума, земство*) остались в нашем языке для обозначения специфических явлений царской России, стали «историзмами»; другие (например, *помещик, губернатор, сенат*) употребляются сейчас при описании жизни в зарубежных странах.

Особую группу составляют старые слова, получившие после Октябрьской революции новые значения. Так, в годы первых пятилеток были переосмыслены прилагательные *значный* и *потомственный*, обозначавшие до революции принадлежность к привилегированным классам.

Знатными и потомственными стали называть людей труда, прославившихся трудовыми подвигами (*знатная ткачиха, потомственный шахтер*). Несколько позже получили новое значение слова *миллионер* и *династия*. Первое, кроме традиционного 'владелец богатства, оцениваемого в миллион и более денежных знаков', стало употребляться в значениях 'колхоз или совхоз, доход которых исчисляется в миллион или в миллионы рублей'— *колхоз-миллионер*; 'тот, кто выполняет работу, результаты которой измеряются миллионами единиц'— *летчик-миллионер*; 'город с населением в миллион и более жителей'— *город-миллионер*.

Слово *династия* происходит от греческого *dynasteia* (власть, господство). До сравнительно недавнего времени оно имело одно значение: 'ряд последовательно правящих монархов из одного и того же рода'. С падением царизма в России *династия* стало малоупотребительным. Казалось, с исчезновением династий должно было бы уйти из языка и само слово. Однако судьба его сложилась иначе.

В начале 40-х годов *династия* приобрело новое значение: 'о тружениках, передающих из рода в род мастерство, славные трудовые традиции'. Его появление было обусловлено тем, что преемственность трудовых традиций стала в это время массовым явлением. Слово начинает использоваться в художественной литературе и в периодической печати: «[Потомственные рабочие] гордились своим наследственным мастерством и своими „рабочими династиями“» (А. Караваева. Огни); «На Кировском заводе трудится свыше 20 человек из „династии Титовых“» («Труд», 4 ноября 1945). Как видим, в те годы оно было еще непривычным и поэтому употреблялось в кавычках.

В 50-е годы второе значение слова значительно утвердилось. *Династия* стало чаще встречаться на страницах печати. Однако употребляли его обычно по отношению к представителям рабочего класса: «Сотни рабочих семей на всю жизнь связали свою судьбу с Кировским заводом. Сколько здесь знаменитых рабочих династий!» («Труд», 4 декабря 1955); «Бывший чабан стал родоначальником династии нефтяников» («Правда», 4 ноября 1959).

Шли годы. Кроме рабочих семей, получают известность и семьи людей различных профессий — потомственных учителей, артистов, врачей, колхозного крестьянства: «Здесь служат и правнуки Прова Садовского, основателя знаменитой театральной династии, выступающей в Малом с 1839 года» («Вечерняя Москва», 9 декабря 1976); «...на отчетном собрании можно было увидеть семьи ветеранов колхозного производства, в которых были членами артисты и отцы, и дети, и внуки. Вот выходит из зала после

окончания собрания крестьянская династия Гетманских» (А. Антонов. Тракторист, сын тракториста).

Новое значение слова *династия* нашло отражение в современных толковых словарях. Оно было зафиксировано в четвертом издании Словаря русского языка С. И. Ожегова (1960): 'династия... переносное. Поколение, род (разг.). Д. сталеваров'. В последних изданиях, начиная с девятого (1972), второе значение трактуется так: '...переносное. О труженниках, передающих из рода в род мастерство, славные трудовые традиции'. Как видим, теперь слово дается без пометы *разговорное*, так как оно получило все права гражданства и относится к нейтральной лексике.

В последнее время *династия* активно используется в нашем языке, часто можно услышать или прочитать: «Сегодня во дворце культуры завода „Серп и молот“ состоится вечер „Трудовые династии“» («Вечерняя Москва», 9 декабря 1976), «„Золотая книга рабочих династий“ учреждена в механосборочном цехе Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича. Первые ее страницы посвящены семье потомственных металлургов Калачевых-Гордеевых, общий трудовой стаж которых превышает 200 лет» («Московская правда», 30 ноября 1976); «„Театральной“ династией называют в Великих Луках семью Городничевых. Более двух лет сыграли на любительской сцене Анатолий Филиппович, Раиса Ильинична и их дети — Светлана и Сергей» («Правда», 15 февраля 1977).

Следует помнить, что прилагательное *династический* употребляется всегда только в первом, традиционном значении: 'связанный с престолонаследием' (например, *династические войны*).

Слово *династия* в современном употреблении отражает одну из черт советского образа жизни, подчеркивает высокое положение трудового человека в социалистическом обществе.

В. В. Касаркин

● О ФАМИЛИИ ПОЭТА БАРАТЫНСКОГО

Н. А. Никитин из Москвы пишет: «В разных энциклопедических изданиях фамилия поэта пушкинской поры Е. А. Баратынского употребляется в таком контексте: *Е. А. Баратынский* (правильнее Боратынский) или в скобках дано *Боратынский*. Что означает эта помета?».

И. Г. Чекрыгин (тоже москвич) встретил в газете «Известия» (1 марта 1975) написание фамилии поэта — *Боратынский*, а в «Русской речи» (1975, № 2) — *Баратынский*. «Хотелось бы, чтобы „Русская речь“ на страницах журнала осветила этот вопрос», — пишет И. Г. Чекрыгин.

Имя, фамилия — это то немногое, что сопровождает нас на протяжении всей жизни. Фамилия — «прозвание, проименование, родовое имя», — сказано в Словаре В. И. Даля; «наследственное семейное наименование, прибавляемое к личному имени и переходящее от отца к детям, а также от мужа к жене», — в Словаре Д. Н. Ушакова; «наследственное семейное наименование, прибавляемое к личному имени», — это по Словарю С. И. Ожегова.

Фамилия в лексической системе языка выполняет двойную функцию: во-первых, она выделяет название данной семьи из названий, «проименований» других семей, во-вторых, она сохраняет во времени, в истории название, «проименование» данной одной семьи. И в той, и в другой функции целесообразно, чтобы у фамилии сохранилось единство орфографического облика, у фамилий не должно быть вариантов.

Однако в реальной языковой действительности мы все же сталкиваемся с орфографическими вариантами фамилий. Более ста лет вызывает недоумение существование вариантов фамилии известного русского поэта Е. А. Баратынского. В разных энциклопедических изданиях фамилия поэта употребляется в таком контексте: «Е. А. Баратынский (правильнее Боратынский)». См.: Словарь Брокгауза и Ефрона, 1-е и 2-е издания; Большая Санкт-Петербургская энциклопедия, 1904; БСЭ, 1-е изд.; Литературная энциклопедия, 1930; Краткая литературная энциклопедия, 1962 и другие. В «Литературной газете» (9 декабря 1970) по этому поводу была помещена краткая заметка В. Валерианова «Имя писателя»: «Между прочим, в предыдущем издании „Литературной энциклопедии“ (М., 1929—1939) было так: „Баратынский (правильнее Боратынский)“... Не пора ли повсюду восстановить действительно правильное начертание имени поэта?».

Откуда же пошла и на чем основывается эта помета «правильнее Боратынский»? Оказывается, глава этого рода получил свое имя по названию замка *Боратын* (Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). Очевидно, именно на этих сведениях базируется помета «правильнее».

Стоит разобраться, правомерно ли употребление такой пометы или иного написания фамилии, помещенного в скобках, в энциклопедиях? Ведь если правильнее *Боратынский* потому, что фамилия произошла от названия Боратын, то почему в тех же энциклопедических словарях для фамилий *Собакин*, *Пожарский* не пишут: «правильнее *Собакин*, *Пожарский*», ведь эти фамилии произошли от слов *собака*, *пожар*.

«Правильнее» для фамилии не то, от какого слова она произошла, а то, как писали фамилию ее носители. И это правильное должно иметь единственное написание, никакого иного «правиль-

нее» быть у фамилии не может. Поэтому вместо пометы «правильнее» может быть лишь: «писал свою фамилию и так, и так», что практически, очевидно, может встретиться лишь как исключение. О том, что такого рода исключения были, можно судить по словарю Брокгауза и Ефрона: *Федоров* (Александр Федорович) — юрист, *Федоров* (Михаил Павлович) — журналист и драматург. Или может быть иной вариант: «*Баратынский* (в некоторых изданиях встречается *Боратынский*, что противоречит написанию фамилии ее носителем)», то есть возможна помета запрещающего характера. Подобную помету мы встретили в отношении другой фамилии в словаре Брокгауза и Ефрона: «*Федотов* (Павел Андреевич). А не *Федотов*, как ошибочно пишут иные». Это примечание касается написания фамилии художника *Федотова*.

Следует заметить, что в первой половине XIX века орфография еще не имела такого строго упорядоченного характера, к какому мы привыкли в настоящее время. Об этом писал в статье «Российская Академия» А. С. Пушкин: «Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискusstных, быстро клонится к падевию... Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого». Такое безразличие к орфографическому облику слова, естественно, распространялось и на орфографию фамилий. По-разному писались фамилии: Чаадаев — Чадаев — Чедаев; Тредьяковский — Тредяковский — Тредяковский и др.

Что касается фамилии Баратынский или Боратынский, то можно сказать, что А. С. Пушкин, который был современником Баратынского, писал его фамилию только через *а*: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов» (в этой статье фамилия Баратынского встречается семь раз) (Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VII, с. 221). «Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах» (т. VII, с. 55); кроме того, Пушкин посвятил Баратынскому четыре стихотворения: «Баратынскому из Бессарабии» («Сия пустынная страна»), «Баратынскому» («О ты, который сочетал»), «К Баратынскому» («Стих каждой повести твоей»), «Ему же (Баратынскому)» («Я жду обещанной тетради»). Три из четырех стихотворений имеют посвящение «Баратынскому» (с двумя *а*), четвертое надписано «Ему же».

Личное общение Пушкина с Баратынским началось в 1818—1819 годах в Петербурге в кругу Дельвига, близкого друга Баратынского. Контакты с Баратынским возобновляются у Пушкина в 1826 году в Москве и, по словам Баратынского, «короче прежнего». 29 октября 1826 года в доме Баратынского Пушкин читает «Бориса Годунова»; встречаются они и у общих знакомых. Вероятно, в 1826 году Баратынский посвящает Пушкину стихотворение

«Новинское». В 1827 году в одной книжке выходят «Бал» Баратынского и «Граф Нулин» Пушкина. Поэты совместно пишут эпиграммы. Баратынский присутствует 7 января 1829 года на завтраке у Пушкина по случаю его отъезда в г. Старицу Тверской губернии и «часто видится» с ним в марте 1829 года. 7 февраля 1831 года Баратынский присутствует на «мальчишнике» накануне свадьбы Пушкина. Эти сведения взяты нами из словаря Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1975); они показывают, что контакты Пушкина с Баратынским были достаточно близкими и длительными. Поэтому у Баратынского было много возможностей исправить орфографию своей фамилии, и раз он этого не сделал, то, очевидно, сознательно принимал такое написание.

В прижизненных изданиях фамилия поэта встречалась в варианте *Баратынский*. С этим написанием она упомянута в недавно опубликованном Н. Эйдельманом дневнике Модеста Андреевича Корфа — одноклассника А. С. Пушкина, датированном августом 1839 года: «Дельвиг умер в 1831 году, оплаканный многочисленным приятельским крутом, а вдова его скоро потом вышла за брата поэта Баратынского» («Знание — сила», 1976, № 9, с. 37). Так же, как и Пушкин, писал фамилию поэта В. Г. Белинский, неоднократно обращавшийся к творчеству Баратынского. «О стихотворениях г. Баратынского» — называется одна из его статей; в другой критической статье — «Русская литература 1844 года» — Белинский писал о Баратынском: «...мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них человека — предмет вечно интересный для человека».

Это начертание фамилии Баратынского попало и в «Энциклопедический лексикон», вышедший в Санкт-Петербурге в 1835 году, то есть при жизни поэта. Фамилия самого Баратынского и дворянского рода Баратынских в этом лексиконе дается с двумя а.

Изучение рукописей Е. А. Баратынского позволяет сделать следующий вывод: свои личные письма, деловые бумаги и другие документы поэт подписывал как *Боратынский*, литературные произведения — *Баратынский*. Об этом пишет известный норвежский исследователь творчества Е. А. Баратынского Гейр Хетсо в монографии «Евгений Баратынский. Жизнь и творчество» (Oslo — Bergen — Tromsø, 1973, с. 4): «В соответствии с этимологией следовало бы писать фамилию поэта через о — Боратынский. Однако в печати он чаще всего пользовался начертанием Баратынский, в настоящее время одержавшим победу в литературоведении». По мнению С. М. Бонди и К. В. Пигарева, хорошо знающих рукописное наследие Е. Баратынского, начертание *Баратынский* есть не что иное, как «орфографический псевдоним», сознательно взятый поэтом.

В. В. Кожин в статье «Легенды и факты» («Русская литература», 1975, № 2, с. 148—150) на основании того, что последний прижизненный сборник поэта «Сумерки» (1842) имеет на титульном листе строку «Сочинение Евгения Боратынского», делает предположение, что такое начертание «было непреложным выражением воли поэта... и что игнорируя этот поступок Боратынского, мы проявляем прямое неуважение к поэту и его воле». Аргументы В. В. Кожина, хотя и выглядят убедительными, относятся, скорее, к сфере предположений, чем утверждений. Бесспорным является тот факт, что начертание *Баратынский* стояло под большинством прижизненных изданий произведений поэта, что так писали фамилию поэта А. С. Пушкин, В. Г. Белинский и многие, многие другие, что в таком виде эта фамилия встречается в обширной критической литературе.

Орфографический облик фамилии Е. А. Баратынского явно вышел из сферы личной воли одного лица, даже если это воля самого поэта, и стал фактом истории культуры. Показательной, на наш взгляд, оказывается позиция И. А. Бунина. В статье «Е. А. Баратынский» Бунин делает подстрочное примечание: «Род Баратынских древний и ведет свое происхождение от древнего польского рода герба Корчек. В словаре Брокгауза и Ефрона говорится, что правильнее писать „Баратынский“, а не „Баратынский“» (И. А. Бунин. Собрание сочинений в 9 томах, Т. IX. М., 1967, с. 515). Однако в самой статье Бунин употребляет только начертание *Баратынский*.

Аргументом в пользу орфографического облика фамилии Баратынский может служить и свидетельство Надежды Андреевны Обуховой — внучки поэта. Она пишет только *Баратынский*: «Я часто ездила к бабушке... В ее доме все дышало моим дедом, поэтом Баратынским ..., „Не искушай меня без нужды...“ — это алегия Баратынского. Перед отъездом наши дяди повезли нас к бабушке — матери нашего отца, рожденной Баратынской» (сб. «Н. А. Обухова». М., 1970, с. 52—53).

Итак, «орфографический псевдоним» *Баратынский* стал фактом истории русской культуры, как фактом истории русской литературы стала его поэзия.

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношении,
И как нашел я друга в поколении,
Читателя найду в потомстве я.

Л. П. Калакуцкая

3 ПЫЛЕСОШУ ИЛИ ПЫЛЕСОСЮ?

В. П. Петрова из Казани спрашивает: «Как правильно сказать: Я *пылесосу* или я *пылесосу*? Чем вызваны затруднения в определении формы 1-го лица подобных глаголов?».

Глагол *пылесосить* относится к группе глаголов на *-ить* с основной, оканчивающейся в инфинитиве на *с*. У глаголов этого типа, так же, как и у многих других с основой на *д, т, з*, известную трудность может представлять образование формы 1-го лица настоящего времени.

Существует определенное правило. У глаголов с основой на *с* в инфинитиве в 1-м лице настоящего времени, даже у самых редких в употреблении, литературная норма требует чередования, то есть мены *с* на *ш*: *обезопасить* — *обезопасу*, *колесить* — *колешу*, *трусить* — *трушу*, *ваксить* — *вакшу* и др. Именно в этот ряд входит и *пылесосить*. По аналогии со всеми другими формами 1-го лица глаголов данной группы образуется и форма *пылесосу*. В разговорной речи, однако, можно услышать варианты *обезопасю*, *дубасю*, *расквасю* (шутливо), *пропылесосю*. Ср. зафиксированную форму причастия: «Все уже перемыто, перечищено, *пропылесосено...*» (Сахнин, Вот что произошло).

Такого рода образования не случайны. Еще в «Русской грамматике» А. Х. Востокова, отражающей нормы первой половины XIX века, рекомендуются в качестве литературных некоторые глаголы с основой на *з* в 1-м лице единственного числа настоящего времени без чередования: *мерзю*, *скользю*, *тузю*, *слезю* (от глагола *слезить*). В наше время отклонение от нормы, требующей чередования согласного основы, в такой группе глаголов практически не встречается: *вонзить* — *вонзю*, *пронзить* — *пронзю*, *ремизить* — *ремизю*, *сглазить* — *сглазю*, *лазить* — *лазю*. Существующий в просторечии и диалектах вариант *лазию* нелитературен и обладает резко сниженной стилистической окраской. У грубо просторечного глагола *слямзить* (украсть) зарегистрирована в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» форма без чередования *слямзю*. Отклонение связано с влиянием диалектного по своему истоку явления, заключающегося в том, что у некоторых глаголов в форме 1-го лица чередования не происходит, то есть сохраняется согласный основы инфинитива. Так, в севернорусских говорах употребляются глаголы типа *молотю*, *ходю*, *пустю* и подобные.

Колебания в выборе формы 1-го лица вызваны конкуренцией между исконно русскими глаголами, с одной стороны, и церковнославянскими по происхождению, с другой. Чередование у них не совпадает, и в употреблении иногда происходит смешение форм.

Так, еще в начале XX века в стилистической грамматике В. И. Чернышева («Правильность и чистота русской речи») признавались нормативными для 1-го лица единственного числа настоящего времени две вариантные формы (русская и церковнославянская) у глаголов, имеющих в корне *жд*: *побеждать* (*победить*) — *побежу* и *побежду*, *насаждать* (*насадить*) — *насажу* (топор, деревья) и *насажду* (в отвлеченном смысле), *преграждать* (*преградить*) — *прегражу* и *прегражду*, *предупреждать* (*предупредить*) — *предупрежу* и *предупрежду*, *учреждать* (*учредить*) — *учрежу* и *учрежду*, *наслаждаться* (*насладиться*) — *наслажусь* и *наслаждусь*. В современном литературном языке закрепились русские формы с *ж*, которые теперь признаются единственно нормативными для всей этой группы: *вынужу*, *загражу*, *утвержу*, *прегражу*, *учрежу*, *наслажусь*, *вознагражу*, *предупрежу*.

Глаголы с сочетаниями *зд* на конце основы в инфинитиве в 1-м лице единственного числа настоящего времени имеют следующие формы: *бороздить* — *борозжу*, *загромоздить* — *загромозжу*, *гвоздить* (*пригвоздить*, *загвоздить*) — *гвозжу* (*пригвозжу*, *загвозжу*). «Я *пригвозжду* его копьём к земле», — такой пример приводил В. И. Чернышев, рекомендуя форму с *жд*. Сейчас данная форма явно устарела. Для глагола *ездить*, как и для других глаголов этой группы, образуется форма *езжу*. Вариант без чередования *ездию*, как и *лазию*, просторечен.

Даже самые редкие глаголы с основой, оканчивающейся на *д*, в первом лице подчиняются общей закономерности: *чадить* — *чажу*, *лихорадить* — *лихоражу*, *обессудить* — *обессужу*, *обезводить* — *обезвожу*, *кадить* (в значении 'курить ароматическими веществами') — *кажу*. В художественной речи иногда употребляются в диалогах областные и просторечные формы без чередований: «Митька вновь неотступно хныкал, — Покади-и-и... — Пшел! — пшел Устин. — Вот я тебе *покадю!*» (Шишков. Тайга).

Некоторые глаголы в форме 1-го лица не употребляются: *дудеть*, *ерундить*, *чудить*, *умилосердить*, *обезлошадить*, *шкодить*. Если необходимо образовать от них форму настоящего или будущего (простого) времени, то используют описательные обороты: *смогу умилосердить*, *не пытаюсь кудесить*, *не буду чудить*.

Л. К. Граудина

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Имеются в наличии отдельные номера журнала
«Русская речь» за 1971—1976 годы:

1971 г.— № 3, 4.

1973 г.— № 3, 5.

1974 г.— № 2, 3, 4, 6.

1975 г.— № 3, 4, 5, 6.

1976 г.— № 1, 2, 3.

Желающие приобрести указанные номера журнала
могут обратиться по адресу: 103012, Москва, К-12, Б. Чер-
касский пер., 2/10, Центральная контора «Академкнига».
Журналы высылаются наложенным платежом.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Г. П. БЕРДНИКОВ**,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОНОВ**,
Л. П. ЖУКОВСКАЯ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **А. И. ОВЧАРЕНКО**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**
(зам. главного редактора), **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН, **О. А. ХАМИЦАЕВА** (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волконка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев*, *Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12/IV-1977 г. Подписано к печати 20/VI-1977 г. Т-10241.
Тираж 59 600 экз. Формат бумаги 84×108¹/₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 2,5
Уч.-изд. л. 9,7 Заказ. 2092

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 50 коп.

Индекс 70788

Герб СССР

Русская
речь

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»